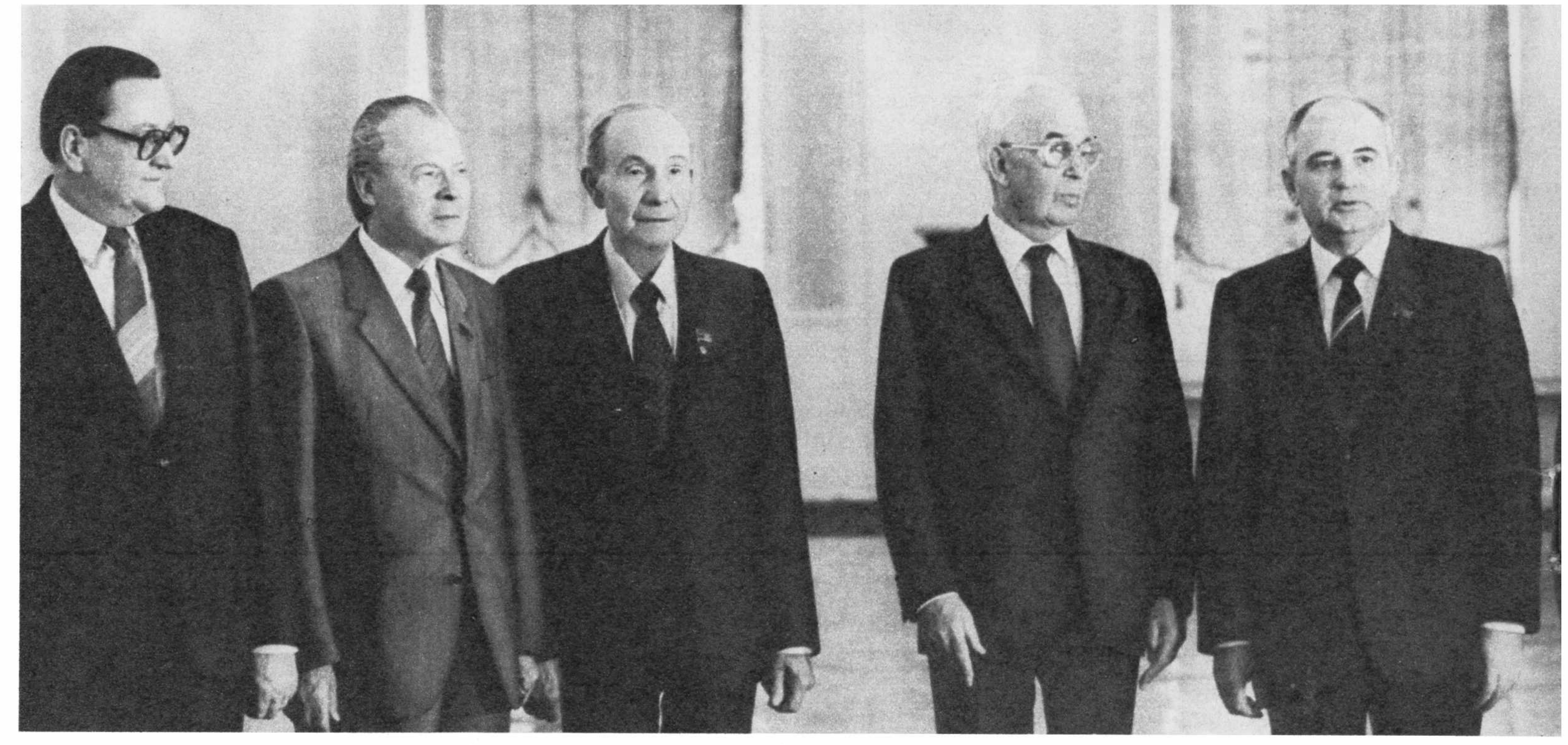
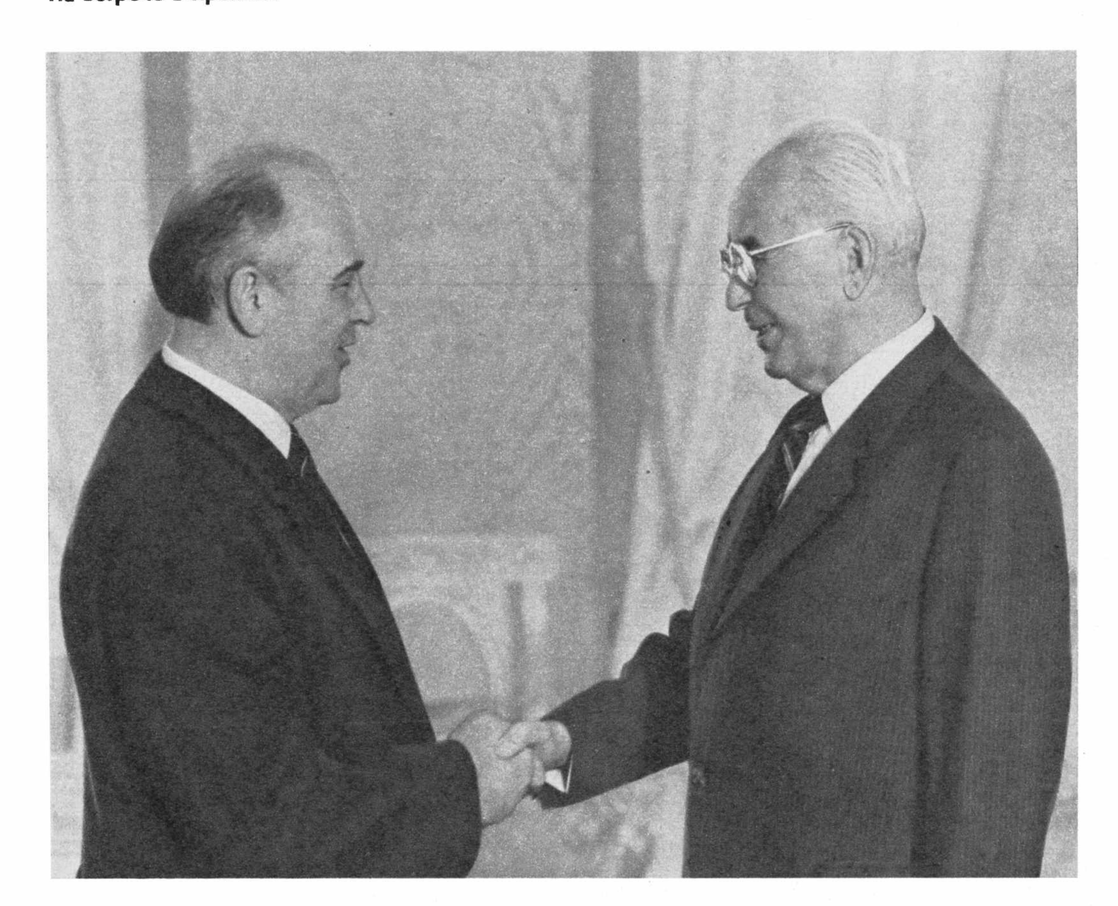

ОГОНЁК
ЛЕНИН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 24 ИЮНЬ 1985
ТОКАРЬ
СЕРГЕЙ МОИСЕЕВ,
ДЕПУТАТ
МОССОВЕТА
ПРОДОЛЖЕНИЕ
РОМАНА
ИВАНА СТАДНЮКА
«МОСКВА, 41-й»
РОБОТ
В ПОВАРСКОМ
КОЛПАКЕ
ЛЕВ ЯШИН:
ЛИЦОМ К ЛИЦУ
С ФОРВАРДАМИ

На встрече в Кремле.

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 30 — 31 мая в Москве с официальным дружественным визитом находился Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии, Президент ЧССР Густав Гусак.

31 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком, находившимся в СССР с официальным дружественным визитом. Состоялся обмен информацией о ходе социалистического, коммунистического строительства, о подготовке к XXVII съезду КПСС и XVII съезду КПЧ.

Встреча прошла в атмосфере полного единства и взаимопонимания, характерной для отноше-

Во время подписания.

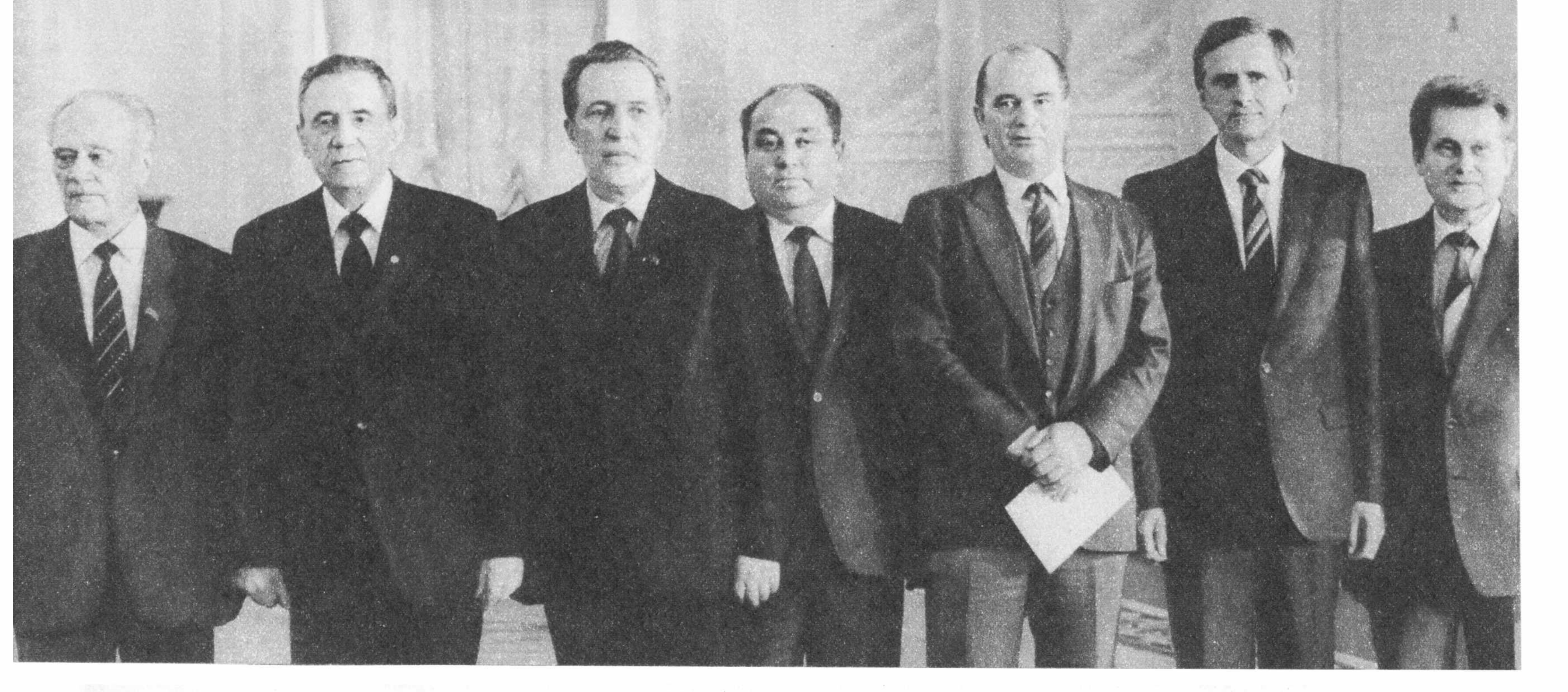

Фото А. Гостева

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

ний КПСС и КПЧ, Советского Союза и Чехословакии.

В тот же день в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак подписали программу долгосрочного экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ЧССР на период до 2000 года.

Г. Гусак вручил в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. А. Тихонову высшую государственную награду Чехословакии — орден Клемента Готвальда. Н. А. Тихонов удостоен этой награды за большие заслуги в укреплении дружбы и братского сотрудничества между КПЧ и КПСС, между ЧССР и СССР и народами двух стран.

При вручении награды присутствовали товарищи М. С. Горбачев, Г. А. Алиев, А. А. Громыко, В. В. Кузнецов, другие советские и чехословацкие официальные лица.

В Москве, на ВДНХ СССР, открылась национальная выставка «Чехословакия-85», посвященная 40-летию завершения национально-освободительной борьбы чехословацкого народа и освобождения страны Советской Армией от фашистских оккупантов. На торжественном открытии выставки выступили член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов и Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

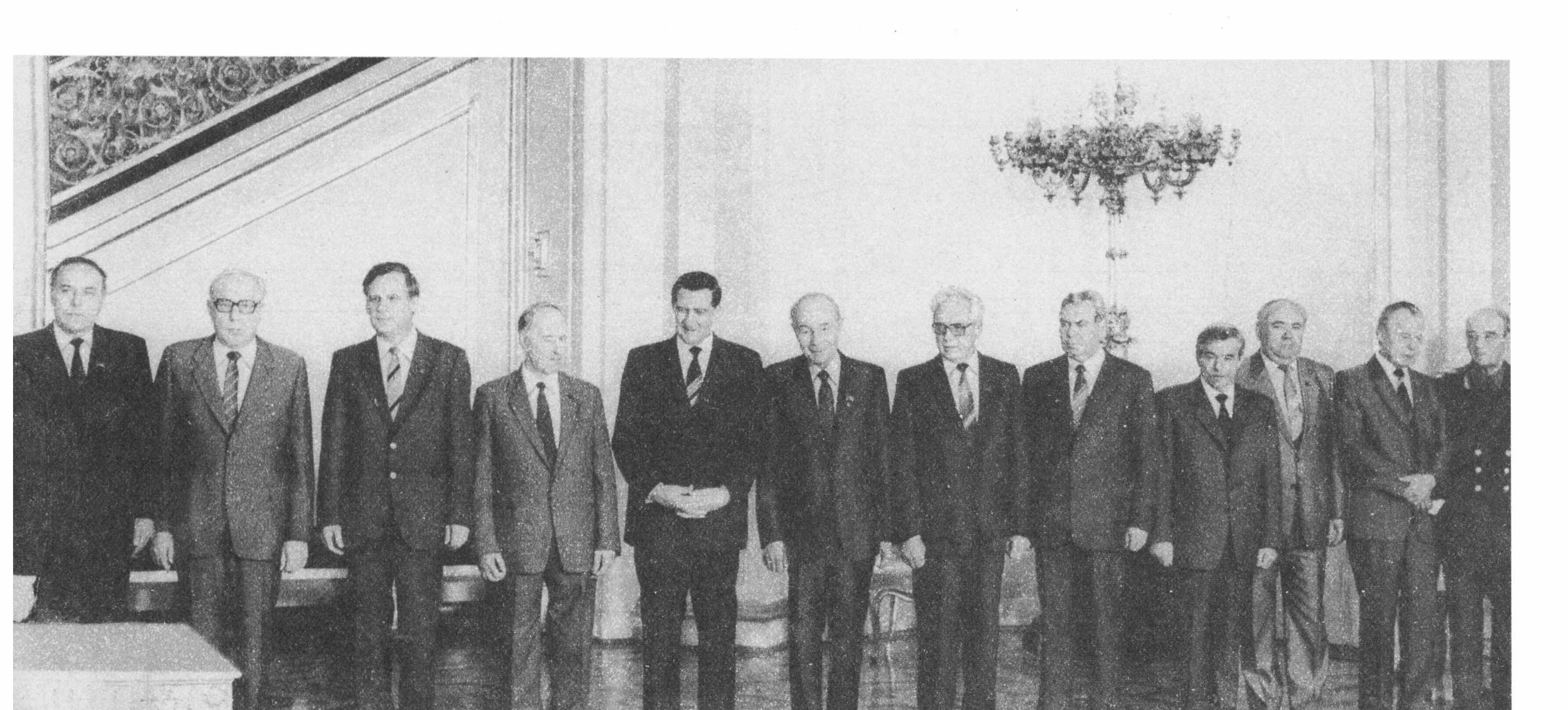

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (3021)

8—15 июня

Встреча в аэропорту. Фото А. Пахомова

В КОНСТРУКТИВНОЙ АТМОСФЕРЕ

29 мая в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Председателем Совета Министров Италии Б. Кракси, находившимся в СССР по приглашению советского руководства, в которых приняли участие:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко;

с итальянской стороны — министр иностранных дел Дж. Андреотти.

В центре обстоятельного и делового обмена мнениями находились узловые международные проблемы и вопросы дальнейшего развития советско-итальянских отношений.

В принципиальном плане было обсуждено состояние отношений между СЭВ и ЕЭС и выражено совпадающее мнение, что налаживание сотрудничества между этими крупнейшими экономическими группировками Европейского континента было бы полезно для улучшения состояния дел в Европе в целом.

М. С. Горбачев и Б. Кракси с удовлетворением отметили активизацию советско-итальянских двусторонних отношений, включая политические контакты и консультации, и договорились о их дальнейшем расширении в различных областях.

30 мая Председатель Совета Министров Италии Б. Кракси отбыл из Советского Союза.

Во время переговоров. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ОРДЕН ЛЕНИНА НА ЗНАМЕНИ ЕРЕВАНА

За заслуги в революционном движении, установлении и упрочении Советской власти в Армении, большой вклад в Победу над фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне и за успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, Ереван удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина.

1 июня здесь состоялось торжественное заседание городского комитета партии, городского Совета народных депутатов с участием представителей партийных, советских и общественных организаций, трудовых коллективов, посвященное вручению высшей государственной награды.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

На заседании, тепло встреченный собравшимися, выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета и правительства СССР он сердечно поздравил участников торжественного заседания и всех тружеников города с заслуженной наградой, пожелал ереванцам, трудящимся республики счастья, благополучия, новых свершений на благо социалистической Отчизны...

Е. К. Лигачев подробно остановился на актуальных задачах партийных организаций, всех трудовых коллективов республики.

Затем Е. К. Лигачев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Еревана орденом Ленина и прикрепил награду к знамени города.

Участники торжественного заседания с большим подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

При вручении высшей награды Родины.

Телефото ТАСС

ДНИ КУЛЬТУРЫ СРВ В СССР

АЙ СУАН ПОЕТ «КАТЮШУ»

В Советском Союзе с большим успехом прошли Дни культуры Социалистической Республики Вьетнам, посвященные 40-й годовщине образования республики.

...Комплекс зданий в одном из пригородов Ханоя справедливо именуют «городком муз». Здесь разместился Центр искусств — место работы, а значит, и постоянных встреч деятелей культуры вьетнамской столицы. Выходных здесь практически не бывает, приходите в любой день — обязательно попадете на репетиции танцевальных ансамблей, театральных коллективов, побеседуете с известными актерами, а при желании побываете на уроках в балетной школе или в цирковом училище. «Августовская революция 1945 года, окончательная победа и объединение родины создали возможность для существования этой своеобразной творческой лаборатории муз. В ней рождается настоящее и явственно проглядывают черты будущего культуры социалистического Вьетнама...» — так отзывались о своем Центре солисты Государственного ансамбля песни, танца и музыки Вьетнама, прибывшие в Москву для участия в программе Дней культуры СРВ. Ай Суан, выпускница консерватории в Ханое, рассказала, как готовился ансамбль к празднику своей культуры в стране Октября. На концерте в Государственном академическом Большом театре Союза ССР им были исполнены танец дружбы, кантата о Ленине и Хо Ши Мине, песни «Ивушка» и «Катюша» на русском языке... Необычна история у этого коллектива, награжденного боевым Орденом сопротивления: основой его стали фронтовые бригады, выезжавшие к сражающимся бойцам в годы войны с американскими агрессорами. Зрители более чем двадцати стран тепло принимали артистов, творчество которых неразрывно связано с музыкальными традициями своего народа.

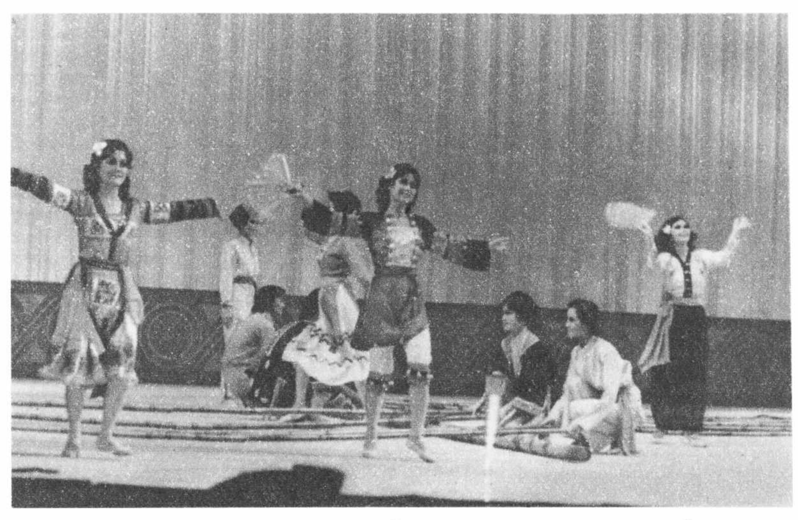
О традициях — давних, многовековых — рассказывал заместитель министра культуры СРВ Нгуен Динь Куанг. Он говорил, как бережно, с особым пониманием относятся во Вьетнаме к сохранению творческого наследия, возрождению разрушенных войной исторических памятников, созданию центров культуры, музеев, библиотек. Новая культура развивается в тесной связи с задачами революции, она подчинена целям социалистического строительства, ее главным героем ныне является народ-победитель, народ-созидатель.

— Еще в 1957 году первым в мире Советский Союз подписал с Вьетнамом соглашение о культурном сотрудничестве,— сказал Нгуен Динь Куанг.— В нашей стране работали лучшие советские специалисты, они помогли подготовить около тысячи кадровых работников культуры. В сражающийся Вьетнам первым приехал выдающийся кинематографист Роман Кармен, вместе с вьетнамскими коллегами он снял документальный фильм, который смотрели затем на всех континентах планеты.

Традиционные дружеские связи мастеров экрана двух стран продолжаются. В недалеком будущем на экраны выйдет первый советско-вьетнамский художественный фильм «Координаты смерти».

...От Минска до Иркутска и от Ленинграда до Ташкента — такой была география проведения Дней культуры СРВ в СССР, на которых мы впервые увидели все виды искусства братской социалистической страны.

В. МИШИН

Выступает Государственный ансамбль песни, танца и музыки Социалистической Республики Вьетнам.

Фото В. Кузнецова

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СУД ЛИНЧА В МАЕ 1985 ГОДА

Владимир НИКОЛАЕВ

Достоянием гласности становятся все новые факты о чудовищном преступлении американских расистов в Филадельфии. В руинах лежит сегодня Осэдж-авеню, улица в четвертом по населению американском городе. Обгоревшие развалины находятся в западной части Филадельфии, в так называемом «черном» районе. Здесь живут негры. В этом — ключ к происшедшей трагедии.

В доме № 6221 находились члены негритянской секты «Мув», выступающей против расизма. Полиция осадила дом, и с полицейского вертолета на него была сброшена бомба. В результате взрыва возник пожар, огонь перекинулся на соседние дома. Погибло одиннадцать человек, в том числе и дети.

Даже после взрыва трагедия могла бы не принять таких размеров, если бы пожару помешали распространиться, но шеф полиции Джеймс Сэмбор запретил бороться с огнем. Вот свидетельство очевидца: «Полиция, пожарные в течение почти часа ничего не делали для тушения огня. Дожидались, пока заживо сгорят люди и огонь перенесется на другие строения. Это настоящий геноцид». Как пишет агентство ЮПИ, расправу в Филадельфии сравнивают с преступлениями американских войск во Вьетнаме, где они проводили тактику «выжженной земли».

«Кто дал шефу Сэмбору право быть судьей и исполнителем смертного приговора в отношении одиннадцати людей?» — спрашивает Луиза Джеймс, чей сын сгорел в доме № 6221. Это право полицейскому боссу дал американский расизм. Он в США многолик и неистребим. Во всех сферах жизни негры в Соединенных Штатах находятся в самом незавидном, угнетенном положении. Например, безработица среди негров вдвое выше, чем среди белых американцев. Это обстоятельство и многие другие ему подобные общеизвестны. Но есть и другие факты, они скрыты от внешнего взгляда. Так, с 1930 года из общего числа казненных в США по решениям судов 55 процентов были небелые, в основном негры. В штате Мэриленд, по соседству с Вашингтоном, из 55 смертных приговоров за изнасилование 50 были вынесены неграм, во всех случаях пострадавшей была белая женщина. Число черных жертв этого преступления в десять раз больше, но за всю историю штата Мэриленд не было ни одного случая казни за изнасилование негритянки. Так что в Америке и Фемида заражена вирусом расизма.

Случившееся в Филадельфии — событие для США не из ряда вон выходящее. Не раз расизм был причиной таких же трагедий. Так, в 1980 году город Майами три дня был в состоянии гражданской войны: 20 убитых, 600 раненых, десятки разрушенных кварталов. Причина — бесчинства расистов. Белые полицейские забили насмерть ни в чем не повинного негра. Суд оправдал убийц. Тогда и вспыхнуло пламя гнева в Майами. И вот — Филадельфия, суд Линча в мае 1985 года... «В основе того, что разыгралось в Филадельфии, — сказал американский юрист У. Кунстлер, — традиционная в США нетерпимость к инакомыслящим, особенно если они принадлежат к числу темнокожих или людей латиноамериканского происхождения».

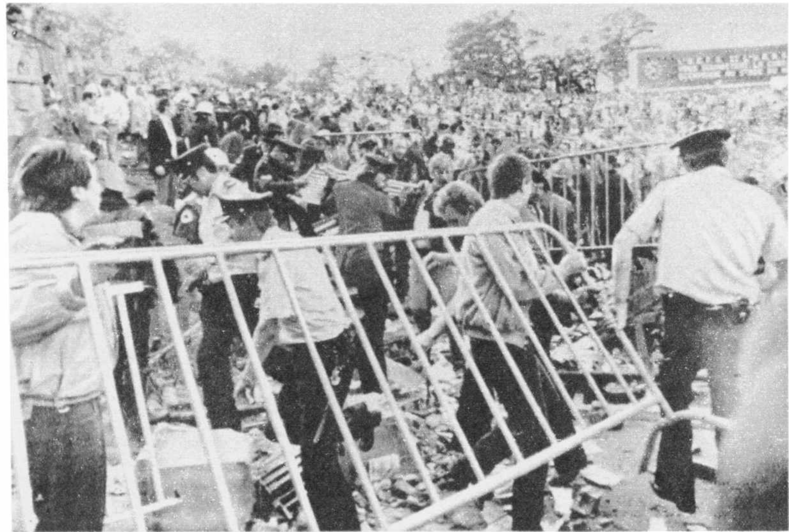
Теперь уже ясно, что филадельфийская бойня была организована при одобрении официальных властей, полиция выступала в качестве ревностного исполнителя. Министр юстиции Э. Миз открыто призвал к новым расправам с инакомыслящими. В своем выступлении в Сан-Франциско перед офицерами полиции он назвал трагедию в Филадельфии «хорошим примером» для правоохранительных органов США и заявил, что власти действовали «очень рационально и разумно».

Компартия США в своем заявлении назвала чудовищное преступление в Филадельфии актом государственного терроризма, полностью соответствующим политике администрации Рейгана, которая сотрудничает с режимом апартеида и поддерживает террористов по всему миру. В заявлении отмечается, что нынешняя администрация ведет широкое наступление на права американцев и что в стране царит атмосфера ненависти к неграм и испаноязычным американцам, другим национальным меньшинствам.

Таковы факты. От них никуда не уйти американским расистам, еще раз показавшим свое подлинное лицо.

Через несколько дней после трагедии жители города собрались на площади перед муниципалитетом. Они поставили перед ним одиннадцать черных гробов, символизирующих гибель одиннадцати негров. «То, что произошло на Осэдж-авеню, чудовищно!» — было написано на транспаранте, который несли демонстранты, назвавшие действия властей «незаконными, аморальными, неконституционными и неоправданными». Участники манифестации потребовали проведения независимого расследования, заявив, что официально назначенная комиссия не сможет обеспечить объективности и непредвзятости. Справедливое требование! Но, как известно, в Америке два понятия о справедливости. Одно — для белых, другое — для черных.

ПОБОИЩЕ НА СТАДИОНЕ

На стадионе в Брюсселе.

Телефото АП — ТАСС

Кровопролитное побоище между болельщиками произошло на брюссельском стадионе перед началом финального матча на Кубок европейских чемпионов по футболу между итальянским клубом «Ювентус» и английским «Ливерпулем».

Драка вспыхнула после того, как сотни распоясавшихся болельщиков «Ливерпуля» атаковали расположившихся в соседнем секторе поклонников туринского клуба, пустив в ход древки флагов, жестянки из-под пива и другие попавшиеся под руку предметы. Под натиском разъяренных болельщиков рухнула перегородка между секторами. Возникли паника и свалка. Прибывшим на стадион крупным подкреплениям полиции и подразделениям гражданской обороны потребовалось более часа, чтобы прекратить беспорядки. Для скорейшей эвакуации раненых власти были вынуждены применить вертолеты. По свидетельству журналистов, брюссельский стадион больше походил на поле боя, чем на арену одного из крупнейших спортивных состязаний в Европе. По данным полиции, в результате побоища более 40 человек погибли, свыше 350 болельщиков получили ранения и увечья.

По сообщениям информационных агентств, в организации кровавых столкновений на стадионе в Брюсселе активное участие приняли английские неофашисты из «национального фронта». Их флаги и транспаранты как раз в разгар стычек появились над головами болельщиков. События на стадионе в Брюсселе были отнюдь не вспышкой стихийного насилия, отмечает «Морнинг стар». Они были заранее спланированы фашистскими элементами.

Трагические события на брюссельском стадионе вызвали широкий резонанс во всем мире. Премьер-министр Великобритании М. Тэтчер сказала, что виновники этого события навлекли позор на свою страну. Министр внутренних дел Бельгии Ш.-Ф. Нотомб заявил, что британским футбольным клубам впредь будет запрещено участвовать в проводимых в этой стране матчах. «Бессмысленным актом насилия» назвал случившееся председатель совета министров Итальянской Республики Б. Кракси.

В Швейцарии на своем экстренном заседании исполнительный комитет Европейского союза футбольных ассоциаций (УЕФА) принял решение отстранить английские клубы на неопределенный срок от участия в розыгрыше Кубка европейских чемпионов.

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В «свободном мире» власти всенародно
Сжигают негров бомбами свободно...

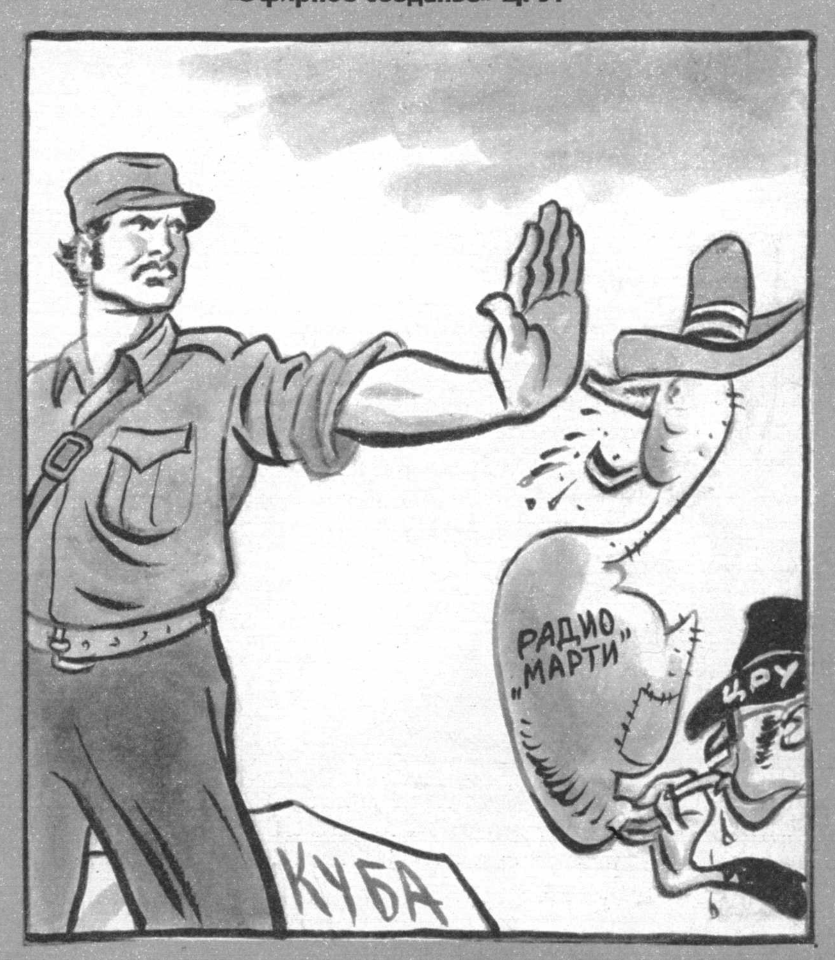

Для отщепенцев широко открыто
Большое вашингтонское «корыто».

Напрасно точат стрелы господа —
Страна рабой не будет никогда!

Раскрякалось на Кубу не к добру
«Эфирное созданье» ЦРУ.

Все заняты делом.

СВОЙ САД-ОГОРО

Первый колышек на участке семьи Измайловых.

Овощ заботу любит.

Д...

И. ГАВРИЛОВ
Фото автора

Не знаю, откуда у горожан тяга к земле, но последние годы она все более и более ощутима. Бывая в командировках в разных краях нашей страны, при въезде почти в любой город наблюдал одну и ту же картину: в зелени садов и кустарников пестреют крошечные домики, издали похожие на скворечники. Что это? Любовь к природе? Усталость ли от городской суеты? Что заставляет, например, физика копаться в грядках, высевая семена укропа, петрушки, редиса? Или квалифицированного токаря — взяться за плотницкий топор, чтобы возвести домик-кроху, а затем любовно выпиливать наличники?

Эти вопросы привели меня в Александров, город Владимирской области. Заместитель председателя исполкома горсовета Юрий Иванович Сафонов рассказал, что в окрестностях города более шестидесяти садоводческих товариществ, объединяющих семь с половиной тысяч рабочих, служащих, людей разных профессий. Здесь под садами занято более пятисот гектаров. Есть сады и в городе.

— Дело в том, что под огороды вся пустующая земля выделяется временно,— пояснил Юрий Иванович.— Вблизи домов желающие могут разбить грядки и засадить их. Например, картофелем александровцы обеспечивают себя сами уже не первый год — имеют свои участки в трех-четырех километрах от городской заставы. Рукой подать... Любители поработать на земле у нас не выезжают на природу, а выходят! А если выезжают, то чаще всего на велосипедах всей семьей.

Еще несколько цифр. Сейчас в очереди на получение садового участка четыре тысячи человек. Придется отвести горожанам еще двести тридцать гектаров, не меньше. Так что года через два все желающие будут со своими садами-огородами.

...Семью машиниста из депо «Александров» Валерия Викторовича Кудряшова мы застали в саду. Тут кто с тяпкой, кто с лейкой, кто высаживает рассаду. Даже четырехлетняя Люба вносила свою лепту в семейное земледелие.

— Да и детям здесь приволье. В домик приходим только спать, а так до позднего вечера на воздухе,— приветливо пригласил нас к самовару хозяин.— Владения наши небольшие. Но за тридцать лет все так разрослось, что не знаем, куда девать яблоки, ягоду! Товарищество дружно отпраздновало первое тридцатилетие. А начинали с восьми десятков участков. Сейчас их двести семьдесят. Спасибо, массив расширили. Так что дорогу в овощной магазин забыли, да и не только мы. С огорода и кабачки, и капуста, и картошка. Зелень сушим. А уж варений, компотов столько, что за зиму не успеваем съедать. Дарим родным, а то и в гости ходим со своими банками. Так полюбилось нам садовое дело, что сидеть сложа руки просто разучились. После работы в саду усталости не чувствуешь, а на производстве работаем с удвоенной энергией.

Заглянул я и к новичкам в кооператив «Энергетик». Первый свой колышек забивает контролер ОТК Александровского радиозавода Сергей Измайлов. Рядом его жена Вера, методист производственной гимнастики комбината «Искож».

— Поставим домик и займемся землей,— отвлекся Сергей.— Да вот семян хороших нет, а на рынке цена кусается и обмануть могут. Купишь вроде «нежинские» огурцы, а к осени зажелтеет гигант! Большой, да невкусный. Хотелось бы централизованно закупать семена. Для всех сразу. И качественные. Хорошее дело — свой участок.

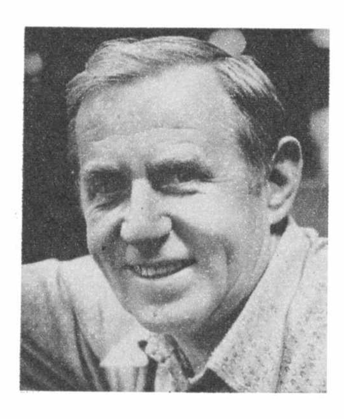
Об этом говорил нам и тракторист Александр Дмитриевич Козлов.

— Родился и рос в деревне. Живу в городе. Стали давать участки — записался не раздумывая. Руками привык работать сызмальства. Жаль, что не все гладко в нашем кооперативном доме. Стройматериалов не хватает. Органику и прочие удобрения достать трудно. А польза от нашего товарищества огромная, особенно детям.

— Ума не приложу, что бы делал без сада,— говорит слесарь Дмитрий Александрович Лантратов.— Работы невпроворот. А раньше от безделья водку пил. Со скуки. Теперь о злодейке с наклейкой и подумать некогда! Очень доволен, что взял участок. Жена и дочь рады. Полюбилось всем новое дело.

Помощница.

ПОРА И ВЛАСТЬ УПОТРЕБИТЬ

Э. ИВАНОВ,
фрезеровщик ленинградского машиностроительного завода «Вулкан»

Недавно у нас на заводе «Вулкан» объединения имени Карла Маркса состоялось рабочее собрание, посвященное вопросам трудовой дисциплины. Тема наболевшая, обсуждение проходило бурно, и примечательно, что почти каждый выступавший так или иначе касался проблемы пьянства как основного источника многих производственных бед.

Сразу оговорюсь, что собрание это прошло до того, как в печати было опубликовано постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Закономерно, однако, что в этом получившем всенародное одобрение документе был дан практический ответ на многие тревожащие наш производственный коллектив вопросы. И все же пьянство — болезнь застарелая, запущенная. Так сразу ее не вылечишь, и, думается, в ходе широко развернувшегося обсуждения будут найдены еще многие полезные рецепты, совместными усилиями будет поставлен действительно непроходимый заслон на пути выпивох, любителей легкой, безответственной жизни. Ведь не секрет, что подавляющее большинство летунов, прогульщиков, бракоделов составляют именно поклонники зеленого змия. И их не слишком волнует даже увольнение. Чего бояться, если завтра же на соседнем заводе, быть может, и скрепя сердце, но с распростертыми объятиями их вновь восстановят во всех рабочих правах и зарплату положат не хуже, а может, даже и лучше. Ну, а коли надоест там или потянет к нам, быть может, и пожурят за прошлые художества, но примут, утешая себя тем, что раз вернулись, значит, что-то в душе проснулось.

Но жизнь показывает, что от частой перемены мест плохой работник хорошим не становится, скорее наоборот: наглеет, чувствует себя незаменимым. И даже куражится, зная, что нет у кадровиков возможности отказать «рабочему человеку» в приеме на предприятие. Конечно, за последнее время кое-какие отрадные перемены в этом вопросе достигнуты, однако не скажу, чтобы они особо отразились на состоянии трудовой дисциплины, во всяком случае, у нас на заводе. Именно поэтому с такой надеждой встретили мы постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Оно ставит предел, крутой заслон безалаберному, необъяснимо снисходительному отношению к пьяницам, лодырям, прогульщикам.

Хотя снисходительность и понятна: она, как правило, сопутствует плохой организации производства, когда в штурмовую, авральную пору любой, самый требовательный мастер вынужден прощать грехи даже заведомому лентяю ради спасения главного — плана. Более того, ему вообще «невыгодно» проявлять принципиальность, поскольку каждый зафиксированный прогул кладет пятно на весь цех, может лишить его призового места в соревновании с соответствующими материальными потерями для коллектива. И случается, что администрация, еще вчера метавшая словесные громы и молнии в адрес пьяницы, сегодня, отводя глаза, спешит ему же на помощь, уговаривая... написать заявление, что тот не прогулял, а брал дни «без содержания». Как член президиума завкома, неоднократно убеждался, что при подведении итогов работы в выигрыше оказываются не те, кто действительно борется с нарушителями, не давая им спуску, а «дипломаты», ведущие гибкую политику, заигрывающие с теми, от кого рады избавиться, но так, чтобы не испортить отчетность.

Думается, что теперь, когда руководители, не принявшие мер к отстранению от работы лиц, находящихся в нетрезвом состоянии, либо скрывшие случаи распития спиртных напитков или появления на работе в нетрезвом виде подчиненных им работников, будут подвергаться взысканию в виде штрафа от 50 до 100 рублей, очковтирателей поубавится.

Во что обходится наша «благотворительность», можно убедиться хотя бы на примере координатно-шлифовального станка, мертвым грузом осевшего у нас на участке. Заплатили мы за него умельцам с Куйбышевского станкостроительного производственного объединения полтораста тысяч — и как выбросили их, потому что толком он и дня не отработал. Приезжал с берегов Волги наладчик, колдовал, колдовал, потом плюнул и говорит: «Другой пришлем». Через три года действительно прислали. Новый, но со старыми болячками — тоже не действует. Спрашивается, кто же этот заведомый брак сляпал, как он проскочил через тамошний ОТК? Разбираться — причин немало, но уверен, что и здесь не обошлось без посильного похмельного участия местных горе-мастеров.

Их «коллеги» со «Скорохода» порадовали меня ботинками, которых хватило лишь на дорогу от дома до цеха,— подметка отлетела. Где-то выпускают ткань, из которой сшита моя спецовка — ношу 50-й размер, а беру всегда 56—58-й, и все равно после первой же стирки рукава садятся до локтей.

Да мало ли можно привести таких примеров? Лучше бы их совсем не было. Но никуда не денешься: пока брака, наплевательского отношения к своим прямым обязанностям хватает. И решительные перемены к лучшему, на мой взгляд, наступят лишь при ужесточении наших требований к нарушителям трудовой дисциплины, особенно к пьяницам.

Ведь смотрите что получается: законы, и достаточно строгие, чтобы их унять, у нас есть. Но как только дело доходило до практического использования, начиналась волокита. То жалели вдруг: «У него, мол, семья, как же они без кормильца». Хотя в душе и понимали, что не он семью, а она его содержит и мучается. То вдруг непонятный либерализм просыпался — начинали доискиваться совести у того, кто давно ее пропил. Свое брал и формализм, ненужное бумаготворчество там, где и так все ясно. А соберите причины вместе — вот вам и лазейки, которыми нынешние захребетники научились превосходно пользоваться. Верю в то, что мы справимся с этими застарелыми «привычками», но все-таки и опасаюсь, как бы рецидивы их кое-где не затянулись надолго.

До смешного доходит — принудительно лечат человека от пьянства, а он только радуется: питание бесплатное, средняя зарплата выплачивается как больному, а винный магазин через дорогу.

Форма вроде соблюдена, галочка поставлена — гражданин на излечении. А по сути — зряшная трата времени, немалых средств и, как ни печально, безвременная потеря еще недавно здорового человека. Ясно же, что лечить надо в строжайшей изоляции от спиртного, ан нет, это, видите ли, получается что-то вроде заключения под стражу, на что нужны иные основания. Да какие еще основания, если человек живет паразитом, наносит ощутимый вред обществу, себе самому и подобное «заключение» будет всем, а ему в первую очередь на пользу?

Понимаю, что пишу резковато, но уж сильно наболело. И не только пьянка, сама атмосфера, способствующая возникновению, распространению этой заразы. Причем попадают в нее зачастую молодые рабочие, что особенно горько, так как дальнейшую дорогу их представить нетрудно. Родители у нас заботливые: не успел мальчишка приехать на учебу в Ленинград, из дому перевод за переводом. Как зарабатываются эти деньги, он еще не знает, тратить толково не умеет, потому что образования, культуры, чтобы разумно использовать свой досуг, у него еще не хватает. Вот и идут по пути наименьшего сопротивления, благо учителей искать не приходится, у ближайшего к ПТУ пивного ларька толпятся с утра до вечера. А в итоге на завод из училища приходит еще далеко не рабочий, но уже подающий надежды выпивоха. Если, конечно, приходит вообще, потому что из училища его выпускают весной, а уже осенью ожидает призыв в армию, и лето красное иные «выпускники» норовят провести как можно дальше от цеха.

Однако мало сыщется случаев, когда с молодых прогульщиков спрашивают по взрослым меркам. И долгожданным благом следует считать особо подчеркнутые в Указе Президиума Верховного Совета СССР статьи, предусматривающие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство, с которого обычно и начинается кривая дорожка, ведущая от прогулов к правонарушениям.

Считаю, что хорошую, полезную встряску и молодые, и зрелые нарушители могли бы получить на товарищеском суде. Но суд тогда суд, когда может не только пожурить, но и ощутимо наказать. А так иногда получается говорильня, сплошные воззвания к отсутствующей совести и увещевания там, где надо бы и власть употребить. А власти-то у этих судов никакой, реальных прав минимум. Даже если понимаем, что человек плох, лжив, порой неисправим, все равно не можем рекомендовать администрации уволить его.

В общем, проблем накопилось достаточно. И наше рабочее собрание, в частности, посчитало необходимым:

установить для летунов и прогульщиков твердый срок работы на одном предприятии, не выдержав которого они могут устроиться только на нижеоплачиваемую работу;

предоставить товарищеским судам право рекомендовать администрации цеха и завода увольнять рабочих, не поддающихся мерам общественного воздействия;

неукоснительно требовать от выпускников ПТУ работы на предприятии, куда они были направлены после получения диплома.

Так требует коллектив. И с понятным одобрением встретили все мы постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», направленное на усиление борьбы с пьянством. Решительные, суровые меры, предусмотренные им, должны сыграть заметную роль в борьбе со многими негативными явлениями, способствовать укреплению дисциплины, дальнейшему повышению эффективности производства.

И. Балдина. Род. 1922. ГЕРОИНЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НАТАША КАЧУЕВСКАЯ. 1984.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

Ю. Махотин. Род. 1930. ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ. ЧАСТЬ ТРИПТИХА «КРАЙ ПАРТИЗАНСКИЙ». 1981.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

Александр ГОЛУБЕВ

Донские свадьбы

СТОГА

Духом спелой клубники
застелило луга.
Вновь по займищу к Дону
прибежали стога.

Чуть осевшие к земи
под напевы стрижей
думу-думку гадают
на манер ворожей.

В синей хмари над лесом
солнца огненный круг,
будто дед на завальне
раскурил свой чубук.

Все до боли родное:
лодки, Дон, берега
и летящие в вечность
голубые стога.

СВАДЬБА

Мчатся кони вихрем пенным,
сизый пар во все концы.
Голосисто и напевно
отбивают бубенцы.
На санях
хохочут девки,
щеки алые горят,
искрометные припевки,
будто ласточки, парят.
Гармонист, пастух Алешка,
отвернулся от пурги,
у него в руках гармошка
и гармошкой сапоги.
Вдруг негаданно-нежданно,
то ли рысью,
то ли вскок,
подлетел к коням буланым
из-за леса хуторок.
Эх, чок-получок,
фуражечка набочок!
Вот спасибо казаку,
что фуражка набоку.
По веленью гармониста
в круг широкий,
чуть дыша,
с наутюженным батистом
тихо «барыня» вошла.
«Ходи, хата, ходи, печь,
хозяину негде лечь.
Ходи, хата, ходи, пол,
ходи, Витя-комсомол!»
По завьюженному шляху
через хутор под бугор
к поезжанам
бойкой свахой
на «козле» примчал шофер.
«Ходи, хата, ходором,
зовут меня Федором!»
Там невеста,
тут жених,
почему жених затих?
«Не роняй, казак, слезу,
завтра к теще повезу».
А толпа стоит, хохочет,
руки держит на весу.
«Покружись, шофер, до ночи,
может, рюмку поднесут».
И притопнет,
и присвистнет,
только вдруг над головой:
«В добрый путь!» —
под небом мглистым
ахнул первый ездовой.
И опять, скользя по насту,
ветру вольному вослед
покатилось чье-то счастье,
через хутор в сельсовет.

* * *

То хлопьями метели,
то лунным серебром
цветут сады в апреле
под соловьиный гром.

Поют, гремят соловушки,
и вторит им сирень.
О той сорвиголовушке,
что в кепке набекрень.

Страдают без умолку
на тысячу ладов
о Тоне-комсомолке
семнадцати годов.

Ах, Тоня, Антонина,
назначь заветный срок —
примчусь к тебе с повинной
со всех ретивых ног.

По той степной тропинке,
где, словно напоказ,
ходила ты в косынке,
с улыбкой серых глаз.

Под взглядом гордым, смелым
кружилась голова,
и как тогда хотелось
махнуть на острова.

С тобою — половодьем,
над мутною волной,
вдоль пенистых разводий,
к черемухе лесной.

Ах, Тоня, Антонина,
твой взор теперь далек.
И ни к чему с повинной
со всех срываться ног.

Судьба горит, как порох,
без дыма и следа...
Забытый пух черемух
качает синь-вода.

* * *

Когда в степи кружит ненастье
и дали белые пусты,
я жду сочувствий и участья
у несговорчивой мечты.
Сижу один в беленой хате
и так хочу под шум пурги
услышать в сенцах на закате
ее бесшумные шаги.
А снег все стелется и стелет
свои пушинки вдоль плетней.
А небо мельницею мелет
зерно моих неясных дней.
Снежинки липнут, словно творог,
на запотевшее стекло.
Я был давно кому-то дорог,
Но неужели все прошло?
И хмурый день во тьму уходит,
и замирает сердца стук,
в белесой сутеми погоды
отчетливей шаги разлук.

* * *

Лесные шорохи саней,
лошадка на бегу.
Зима — на ели, а под ней
калина на снегу.

Метель срывается без сил,
вороний крик с вершин...
Вчера, наверно, сам Шукшин
с ружьишком здесь бродил.

* * *

Балалаечка-трехструнка,
балалайка лакова.
В кашемировый платочек
моя милка плакала.
Не реви, не плачь, зазноба,
душу горькую не рви.
Мы с тобой, родная, оба
на распутье у любви.
Балалайка, балалайка,
деревянный бубенец,
ты в последний раз сыграй-ка
вальс обиженных сердец.

* * *

Вьется стежка под бугор,
до колодца вьется.
Это чей там разговор,
кто это смеется?

Вижу, Настенька идет,
Настенька Матвевна.
Гляньте, как себя несет,—
что твоя царевна.

Дужки звонкие скрипят,
коромысло — солнце.
Уронила Настя взгляд
на мое оконце.

Я не байки вам пою,
где меня ни спросят —
ни в каком другом краю
воду так не носят.

* * *

И он пришел сегодня ночью,
вскрывая зелень вешних вод,
донской весны чернорабочий,
великий мастер — ледоход.
И с ночи той, и спозаранку,
и позже целый день-деньской
он, будто плотник, что фуганком
гуляет ловко над доской.
Рулеткой что-то вымеряет,
мозгуя, щурит синий глаз.
И ловко пилит и строгает,
готовя доски под баркас.
Из-под фуганка вьются стружки.
И воздух весь пропах сосной.
А он поет себе частушки,—
мужик, обрызганный весной.

МАРТ

Среди берез лесной кордон,
махотка на плетне.
Над крышей вьется грай ворон,
и зайчик на окне.

Под солнцем лошадь будто спит,
а рядом, возле ног,
играет жемчугом копыт
ушастый стригунок.

Он не знаком еще с седлом,
оранжевый дончак.
Ему бы в степь, за окоем
под ритмы: так-так-так.

В лесной носиться полосе
с зари и дотемна.
И звонко ржать, чтоб знали все —
весна пришла, весна.

Воронеж.

ДВЕ МАТЕРИ

29 июля 1944 года в бою на шоссе Капсукас — Каунас погиб наш брат, старший сержант Арутюн Гаспарян, командир отделения 761-го артиллерийского полка.

Хозяйка находившейся рядом с шоссе усадьбы, старая Катре Рачкаускене, увидела, как четверо солдат бережно внесли в ее сад тело погибшего командира. Она наклонилась над ним, закрыла ему глаза и заплакала: такой молодой, совсем еще мальчик. Нашему брату было тогда двадцать лет.

Катре помогла бойцам похоронить Арутюна под грушевым деревом у самого шоссе. И сад этот в округе стали называть садом Гаспаряна.

Впоследствии прах Арутюна был перезахоронен на воинском кладбище в селе Саснава, в четырех километрах от усадьбы, но то место под грушей оставалось для Катре священным.

Литовская женщина Катре Рачкаускене нашла адрес родителей Арутюна и написала письмо. Оно пришло в наш дом, но отец не показывал его матери, и она продолжала ждать сына, перечитывая его письма. Вот последнее, написанное 27 июля 1944 года.

«Мы по-прежнему наступаем. Нахожусь под Каунасом, на территории Литвы. Форсировали Неман и уже близки к границам рейха... Был в Бирштонасе. До чего здесь красиво, до чего хороша вся Литва! Только очень много разрушено. Кончится война — восстановим... Час победы близок, скоро увидимся. До свидания. Ваш сын».

Через два дня Арутюн был убит.

Шло время. Мать узнала, что ее сын погиб и что за его могилой ухаживает литовская женщина.

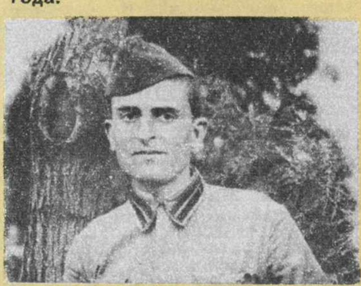
В 1968 году мы повезли маму в Литву, в село Саснава на свидание с сыном.

Прислонившись к холодной плите надгробия, мама гладила шершавый камень и что-то шептала по-армянски сыну. Она обращалась и к тем сорока четырем неизвестным, захороненным рядом с ее сыном, говорила, что ее материнское сердце скорбит и о них.

Сергей и Михаил ГАСПАРЯН,
участники Великой Отечественной войны

г. Ереван.

Арутюн Гаспарян. Снимок 1943 года.

Две матери Арутюна — Вартануш Гаспарян и Катре Рачкаускене.

Н. БЫКОВ,

фото Анатолия БОЧИНИНА

Человека вернее всего судить по делам его. Так вот, на Московском инструментальном заводе, когда надо было выставить кандидатуру на выборы в Моссовет, назвали Сергея Моисеева. От станка, еще нет и двадцати пяти, комсомолец, семьянин... На заводе о Моисееве знали главное: не подведет.

Сергей к новому положению в обществе отнесся спокойно. Но теперь возросло и с каждым днем все больше возрастает давление ответственности. Отныне собственное мнение надо не только иметь, его надо вслух высказывать.

— Депутат,— говорит Моисеев,— это плюс ко всему, чем я живу на заводе.

— Ваша специальность — токарь-расточник — узкая?

— Я бы сказал, специальная. Нас в бригаде у Виктора Павловича Волкова — восемь слесарей и я, расточник. Работаю в отдельном помещении. Сверлю отверстия. Вертикальные. А по соседству Виктор Михайлович Келин — горизонтальные. Что делаем? Делаем так называемые патроны, их потом нарезают, и они служат нашим нефтедобытчикам. Микроны не ловлю, но за качество несу полную ответственность. Центровка, размер... Мне интересно!..

Потом Сергей поделился мечтой о комплексной бригаде, где ребята могли бы взять на себя все работы: токарные, слесарные, фрезерные...

На МИЗе он свой человек. Его приход сюда был прост, как кратчайшее расстояние между двумя точками: десятилеткой и заводом. Здесь работал его дед, Петр Константинович, и брат деда, и жена брата деда. И мама, Мария Петровна, тоже человек дела: двадцать лет проработала на фабрике «Освобожденный труд», что в Измайлове... На заводе во время войны готовили стволы для ППШ, и об этом знал Сергей с детства от тех, кто оружие делал.

Сергей Моисеев мало того, что депутат Моссовета, он член его исполкома, самый молодой. И он теперь уже получше, чем кто-либо из рабочего окружения, информирован о социально-экономических проблемах огромного индустриального города.

Но мы беседуем о его предприятии, созданном сразу же после Октябрьской революции.

— Жильем почти все люди удовлетворены, особенно старожилы завода, ветераны его. Ясли, детский сад, пионерский лагерь — все есть. Молодежь учится. И все-таки то и дело на собраниях негодуем: кто-то прогулял, кто-то брак допустил...

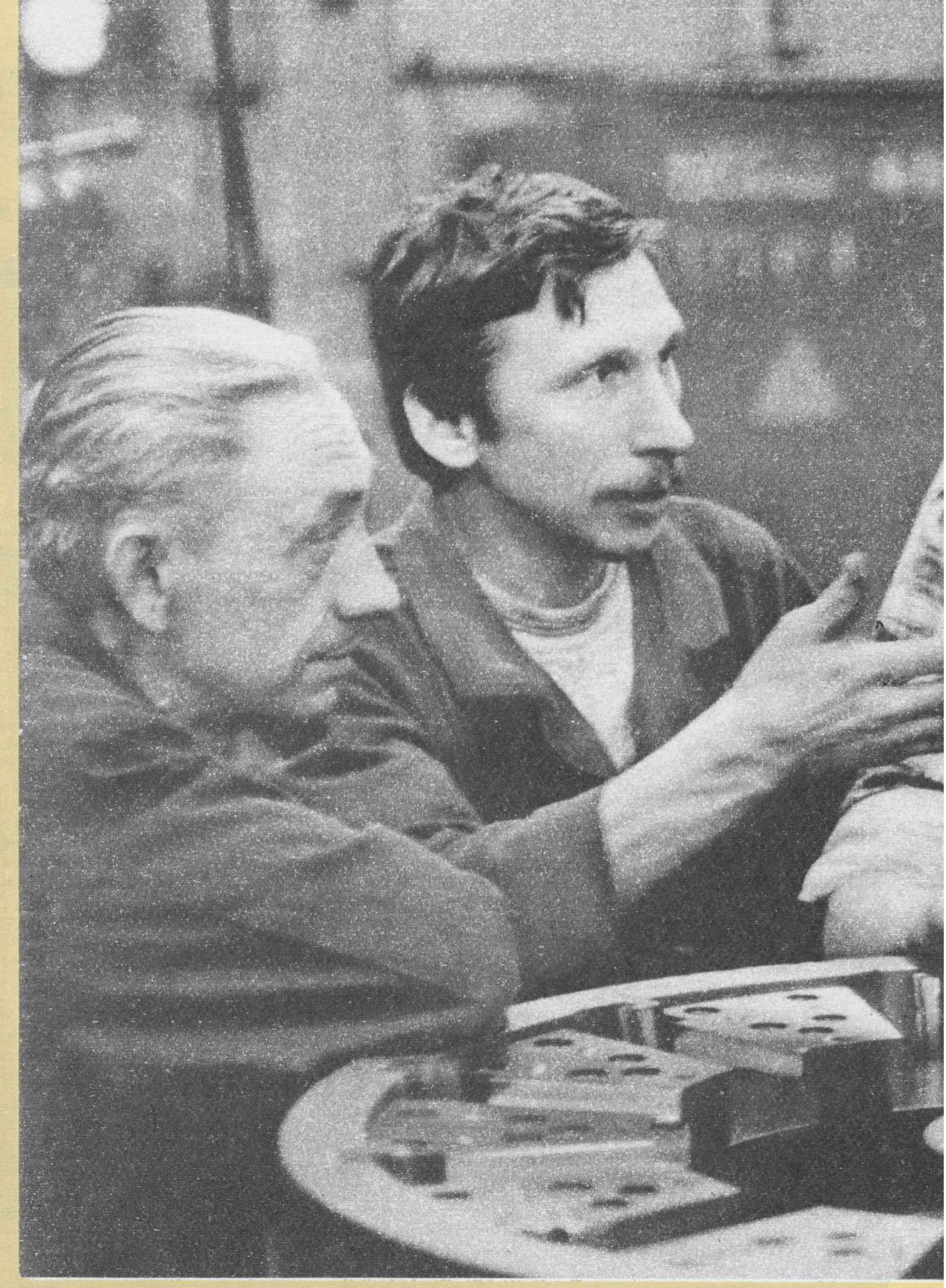
Он молод, порой и неудобно сделать замечание пожилому рабочему. А некоторые будто забыли, в какое время живут, в каком городе...

Конечно, если тебе двадцать четыре года, то жизнь, можно сказать, еще вся впереди. У Сергея и вправду все впереди. Но и за плечами уже немало. Главное — определившийся характер, выработанный под строгими взглядами заводчан. А еще трудовые навыки, они у него со школьных лет. Много дала служба на флоте, чувство ответственности прежде всего. И, конечно, обретенное доверие людей.

— Планы большие, в том числе и личные. Но как личное отделить от коллективного? Не отделишь... Завод ждет реконструкции. Пора. Итээровцы получили прекрасный корпус, а производство пока ютится в старых стенах. Мы в цехе начали бороться за право иметь личное клеймо. Пока на это решились пятеро, кто уверен в себе. Теперь попробуем другим доказать. Это наш вклад в пятилетку. А весь завод активно включился в экономический эксперимент.

На дворе — молодое московское лето. Скоро нахлынут в наш с Сергеем город гости со всех континентов планеты. И работы Сергею Михайловичу прибавится: сначала надо дом прибрать, подготовить Москву к приему гостей, а потом участие во встречах, симпозиумах, митингах. Сергей Моисеев ведь еще и член райкома комсомола.

...Он явно спешил. Ждали в Моссовете, ждали в цехе, ждали дома — Светлана и маленькая Юля, а в саду за Апрелевкой — яблони, посаженные дедушкой.

Среди товарищей (С. М. Моисеев в центре).

САМЫЙ

Расточник — прежде всего точность.

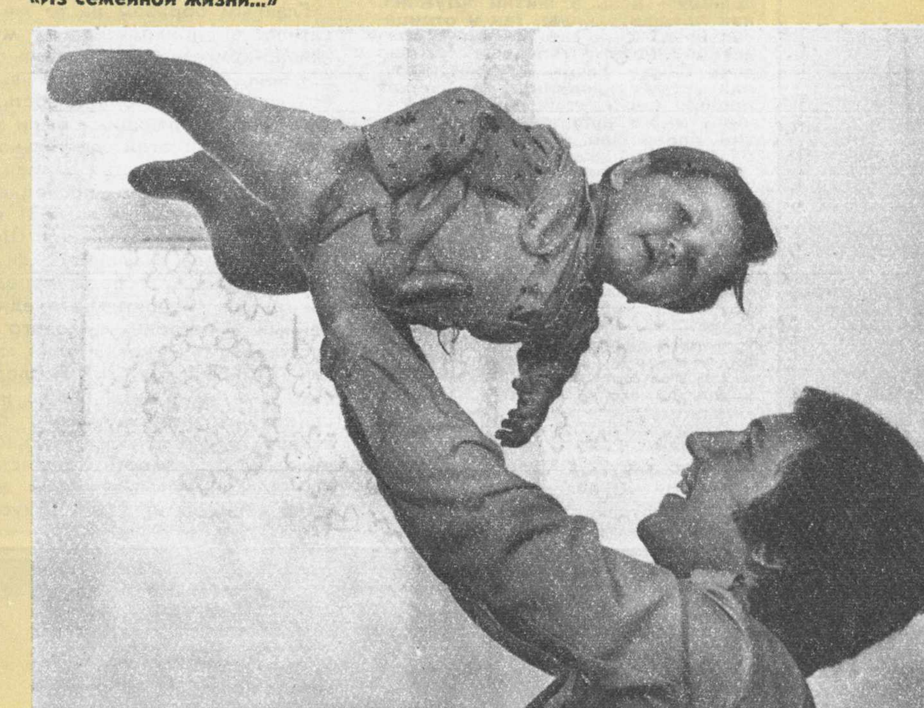
МОЛОДОЙ

Идет заседание исполкома Моссовета.

«Из семейной жизни...»

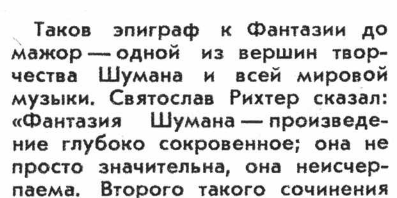
К 175-летию со дня рождения Роберта ШУМАНА

Лишь чуткому доступный слуху...

Во сне земного бытия
Звучит, скрываясь в каждом шуме,
Таинственный и тихий звук,
Лишь чуткому доступный слуху.
(Ф. Шлегель)

Наталия **ЕСЬКОВА**

Таков эпиграф к Фантазии до мажор — одной из вершин творчества Шумана и всей мировой музыки. Святослав Рихтер сказал: «Фантазия Шумана — произведение глубоко сокровенное; она не просто значительна, она неисчерпаема. Второго такого сочинения нет».

«Лишь чуткому доступный слуху» — в известном отношении так можно охарактеризовать все творчество Роберта Шумана. Принадлежа к тем, кого принято именовать титанами, Шуман уступает в популярности многим равным. У него мало таких произведений, которые способны захватить сразу. Его музыку надо слушать много раз, только тогда раскрывается вся ее глубина.

Роберт Шуман родился 8 июня 1810 года в небольшом городе Цвиккау. Его отец был книгоиздателем, которому не чужды были просветительские цели. Рано проявившаяся музыкальная и литературная одаренность младшего сына встречала со стороны отца поддержку и поощрение. Но после его смерти Роберту пришлось познать, по его собственному выражению, «борьбу между поэзией и прозой». Мать и опекун решительно отказывались относиться к музыке как к возможной профессии, и по их настоянию после окончания гимназии Шуман вынужден был поступить на юридический факультет Лейпцигского университета.

Но и в свои «юридические» годы Шуман не расставался с музыкой. Сразу по приезде в Лейпциг он стал брать уроки фортепианной игры у видного педагога Фридриха Вика — человека, сыгравшего большую роль в жизни Шумана, как положительную, так и отрицательную. Тогда же восемнадцатилетний Роберт впервые увидел дочь Вика — девятилетнюю Клару, пианистку-вундеркинда. Много лет прошло после этой первой встречи и много драматических событий произошло, прежде чем Клара Вик стала женой Шумана.

Фридрих Вик был человеком, который помог Шуману получить согласие матери на то, чтобы стать музыкантом. Речь шла о карьере пианиста-виртуоза. Еще в родном городе Шуман поражал всех своей игрой. Роберт рос в условиях, благоприятствовавших свободному развитию яркой, разносторонне одаренной личности, но основательной музыкальной подготовки он не получил. У него никогда не было учителя, который соответствовал бы его масштабу. А между тем писавшие о нем неизменно отмечали его глубокую музыкальную эрудицию...

Остро ощущая свое отставание в чисто технической фортепианной подготовке, Шуман вознамерился со свойственной ему нетерпеливой страстностью быстро наверстать упущенное. И совершил непоправимое: придумав специальное упражнение для развития беглости пальцев, он безнадежно повредил правую руку, навсегда лишившись возможности быть концертирующим пианистом.

Третье десятилетие жизни Шумана и первое десятилетие его творческой биографии — настоящее чудо. Недоучившийся юрист, не получивший серьезного музыкального образования, он начинает создавать один за другим зрелые шедевры. Почти все фортепианные произведения Шумана, сделавшие его бессмертным, написаны именно в это десятилетие: «Бабочки», «Карнавал», «Фантастические пьесы», «Симфонические этюды», «Детские сцены», «Крейслериана», Фантазия до мажор, «Арабеска», сонаты...

Главным образом на то же десятилетие приходится и музыкально-критическая деятельность Шумана, в которой нашла выход его литературная одаренность. Яркими и впечатляющими были и начало и конец этой деятельности: в своей первой статье Шуман «открыл» Шопена, в последней — Брамса. Написанная в 1831 году статья о раннем сочинении Шопена содержала знаменитую фразу: «Шапки долой, господа, перед вами гений!» (Вероятно, это единственный в истории мирового искусства случай, когда один юный гений открыл другого.) Последняя статья, «Новые пути», была написана композитором, давно оставившим критическую деятельность, незадолго до смерти с единственной целью: используя свой авторитет, облегчить путь в искусстве гениальному двадцатилетнему юноше, пришедшему к нему с рекомендательным письмом.

Статья о Брамсе была напечатана в «Новом музыкальном журнале», основанном Шуманом в 1834 году и существующем до сих пор. Своему детищу Шуман отдал десять лет жизни. В наши дни исследователи отмечают безошибочность большинства музыкальных прогнозов композитора.

Говоря о журнале Шумана, нельзя не вспомнить о Давидсбунде — союзе единомышленников. Выпуская собрание своих музыкально-критических статей, Шуман в предисловии к нему сказал о Давидсбунде как о союзе «более чем тайном, а именно существовавшем только в голове его основателя». И хотя в этот союз действительно входили и не подозревавшие об этом современники (например, Берлиоз и Шопен), и великие тени прошлого, Шуман в своей иронической характеристике все же преувеличил его «тайность»: у создателя «Нового музыкального журнала» были реальные помощники. Давидсбунд стал символом борьбы за передовое искусство; «русскими давидсбюндлерами» называл Стасов композиторов «Могучей кучки»... Шумана высоко ценили едва ли не все крупные русские музыканты второй половины XIX века, ощущавшие близость творчества великого немецкого композитора духу русского искусства.

Человек ярко выраженных прогрессивных взглядов, начисто лишенный национальной ограниченности, Шуман приветствовал возникновение и развитие музыкальных культур европейских наций, которыми отмечен XIX век: «Разве мы не видим, как юные таланты возникают в наше время из всех народностей: из России мы узнаем о Глинке, Польша дала нам Шопена, в лице Беннета имеет своего представителя Англия, в лице Берлиоза — Франция, Лист известен как венгр...»

Вторая половина 30-х годов именуется у биографов Шумана периодом «борьбы за Клару». История этих Ромео и Джульетты имеет счастливый конец, но счастье далось им нелегко. Препятствием было самодурство отца Клары, Фридриха Вика, считавшего еще никому тогда не известного музыканта недостаточно блестящей партией для своей уже знаменитой дочери. Борьба закончилась победой любящих, для чего понадобилось выиграть судебный процесс. На их долю выпала очень счастливая, хоть и нелегкая, недолгая — всего четырнадцать лет — совместная жизнь... Но трудные годы борьбы за личное счастье не препятствовали созданию гениальных фортепианных произведений, в том числе знаменитой Фантазии.

1840 год — самый счастливый в жизни Шумана — был переломным в жизни и в творчестве. Он вошел в биографию композитора как «год песен», в числе которых главные шедевры: циклы «Круг песен» и «Любовь поэта» на стихи Гейне, «Любовь и жизнь женщины» на стихи Шамиссо, «Круг песен» на стихи Эйхендорфа.

С 1840 по начало 1854 года, когда творчество Шумана трагически оборвалось, он овладевает едва ли не всеми музыкальными жанрами и формами.

Позднее творчество Шумана при всех несомненных достижениях все же уступает его блистательному началу. Главной причиной тому, очевидно, было наследственное нервное заболевание, первые симптомы которого обнаружились еще в студенческие годы. Борьбой с недугом, для которой требовались сильная воля и немалое мужество, отмечено все последнее десятилетие творческой жизни композитора. «Трагедия эта была еще более ужасной, чем та, какую пережил терявший слух Бетховен...» — пишет крупнейший исследователь творчества Шумана Д. В. Житомирский. Прекращается работа в журнале, преподавание в Лейпцигской консерватории, дирижирование. Большая семья (у Шуманов было восемь детей) переезжает в тихий Дюссельдорф. Здесь весной 1854 года разразилась давно назревавшая трагедия: после неудавшейся попытки самоубийства Шуман был помещен в психиатрическую лечебницу в Энденихе (близ Бонна), откуда уже не вышел. 29 июля 1856 года Шумана не стало.

«Проливать свет в глубины человеческого сердца — таково призвание художника»,— писал Шуман. В часто цитируемом высказывании Чайковского говорится, что в музыке Шумана «...мы находим отголосок тех таинственно глубоких процессов нашей духовной жизни, тех сомнений, отчаяний и порывов к идеалу, которые обуревают сердце современного человека». Бородин называет музыку Шумана «сильной, трезвой и глубокой по содержанию». Эпитет «трезвый», применяемый признанным реалистом по отношению к яркому романтику с бурной фантазией, может удивить. Но романтизм Шумана не был уходом от действительности. В одном из писем он подчеркивал: «Меня волнует все, что происходит на белом свете,— политика, литература, люди; обо всем этом я размышляю на свой лад, а затем все это просится наружу, ищет выражения в музыке».

Его творчество значительно раздвинуло границы музыкального искусства и оказало огромное влияние на музыку второй половины XIX века. Музыка Шумана — мятежная, страстная, мужественная и проникновенная — навсегда сделалась неотъемлемой частью мировой духовной культуры.

ЗДЕСЬ «ДОЯТ» ПАУКОВ

Паук сидел в банке и сквозь толщу стекла казался огромным. Ему бросили мучного червя. Жертву он принял с видом гурмана и не торопясь приступил к трапезе. Чувствовалось, что подобным угощением его не удивишь. В других банках, по одному в каждой (поскольку они убежденные индивидуалисты), сидели другие пауки — черные и желтые скорпионы, каракурты, тарантулы. «Мой дом — моя крепость»,— словно говорили они. Здесь, на паучьей ферме Алма-Атинского зоокомбината, их было около шестнадцати тысяч. Странные животные, к которым человек с самого детства испытывает инстинктивную неприязнь. Впрочем, она ничем не оправдана, потому что люди страдают от их укусов всегда из-за собственной неосторожности. Всегда. Что-то я не слышал, чтобы какой-нибудь паук гнался за человеком... Зато известно, что это полезные создания, что паучий яд намного ценнее змеиного (один грамм стоит до 20 тысяч рублей), что служит он для приготовления лекарств, вакцин и сывороток.

— Но как добыть этот грамм? — спросил я.

— Очень просто,— ответил Станислав Семенович Югай, начальник, бригадир фермы,— нужно, например, лишь дважды «подоить» восемь тысяч таких вот черных скорпиончиков.

Он поднял к свету банку с пауком, приблизив его к моим глазам.

— Правда, хорош?

— Очень,— ответил я, осторожно отодвигаясь от многоногого постояльца, глянувшего на меня из-за стеклянной своей крепости с явным удивлением (такой большой и боится?!). Очень хотелось посмотреть весь процесс «дойки», и я не уходил, смотрел за действиями дояра. Они были несложны. Пододвинув к банке небольшую склянку с водой (куда должен стекать яд, после чего воду удалят особым способом), он быстрым, точно выверенным и одновременно осторожным, почти нежным движением выхватил пинцетом из банки скорпиона и тут же вторым пинцетом перехватил его у хвоста. Затем поднес его вплотную к склянке, при этом паук дернулся, будто испугавшись, что его утопят в воде, и выпустил микроскопическую капельку яда.

— Молодец,— похвалил его Югай,— через недельку повторим «доение»...

Понаблюдав за дойкой, я так и не понял, отчего пауки дергаются, когда их подносят к склянке.

— Тут секрета нет, протяните палец...

Я не понял, зачем, но протянул. Он взялся двумя пинцетами за мой палец, как будто это был скорпион. В тот же момент по нему словно ток прошел, и я, отдернув руку, взглянул на палец, ожидая увидеть на его кончике ядовитую каплю. Ничего, естественно, не было. Югай рассмеялся.

— Неужели ток? — спросил я.

— Шестивольтный, — подтвердил он, показав тонкие провода, присоединенные к пинцетам,— для жизни скорпионов он не опасен, но вызывает реакцию испуга, а в ответ защитную — выделение яда...

— И как велика производительность вашей фермы?

— За прошлый год «надоили» более тридцати граммов яда,— ответил директор зоокомбината Руфим Имамович Зайнутдинов с явным удовлетворением.

Потом узнал, что тех граммов хватило для работы нескольких медицинских учреждений да еще зарубежным фирмам немного отправили.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

Начало штурма

Более ста лет ушло на обсуждение возможных вариантов прокладки Транскавказской железной дороги. Дебаты окончены: недавно принято решение о ее строительстве. Электрифицированная двухпутная железная дорога будет построена к 2000 году. Она пересечет Главный Кавказский хребет на высоте 1350 метров и соединит европейскую часть страны с Закавказьем. Длина ее составит 180 километров. На этом сравнительно небольшом расстоянии будет возведено 67 мостов, 27 противолавинных галерей, 40 тоннелей. Длина основного состава 23 километра.

— Он явится сложнейшим сооружением будущей дороги,— сообщил нашему корреспонденту А. МАСЛОВУ главный инженер проекта института «Кавгипротранс» Н. В. СВАНИШВИЛИ.— Да и остальные участки трассы по трудности строительства уникальны.

Новая трасса разгрузит черноморскую железнодорожную линию и сократит путь из центральных районов страны в Закавказье.

В мае на трассу вышли первые строительные отряды, оснащенные мощной техникой.

ВАРШАВСКИЙ ТЕАТР В МОСКВЕ

Жители польской столицы любят свой Большой театр с не меньшей любовью, чем москвичи свой. В кладке фундамента здания Большого театра Варшавы замурованы сочинения выдающегося драматурга и театрального деятеля Войцеха Богуславского, по чьей инициативе он и был создан более 150 лет назад. С тех пор театр является средоточием национальной музыкальной культуры. Половина премьер двух последних десятилетий — произведения польских авторов. Постановки осуществляют ведущие режиссеры, хореографы, художники, в том числе и из-за рубежа. На сценах всего мира выступали артисты из Варшавы, хорошо их знают и у нас в стране. Новая встреча старых друзей — так можно охарактеризовать нынешний приезд оперной труппы Большого из Варшавы в Москву.

— Мы показывали два выдающихся произведения польской оперной классики,— рассказал художественный руководитель и главный дирижер театра Роберт Сатановский.— Это поставленный год назад «Страшный двор» Станислава Монюшко и «Король Рогер» Кароля Шимановского, совместно с которым Ярослав Ивашкевич в пору расцвета своего поэтического таланта написал либретто оперы. Большой интерес вызвала и опера Людвига ван Бетховена «Фиделио», одна из наших последних премьер.

В. КОВАЛЕВ

Сцена из оперы «Страшный двор» в постановке варшавского Большого театра.

Фото агентства «Интерпресс»

РОЖДАЕТСЯ РИСУНОК

Издавна славится Костромская область льняными тканями — набивными и гладкокрашеными, костюмными и плательными. Фабрика имени Октябрьской революции специализируется на добротных жаккардовых. Это покрывала, скатерти, портьеры.

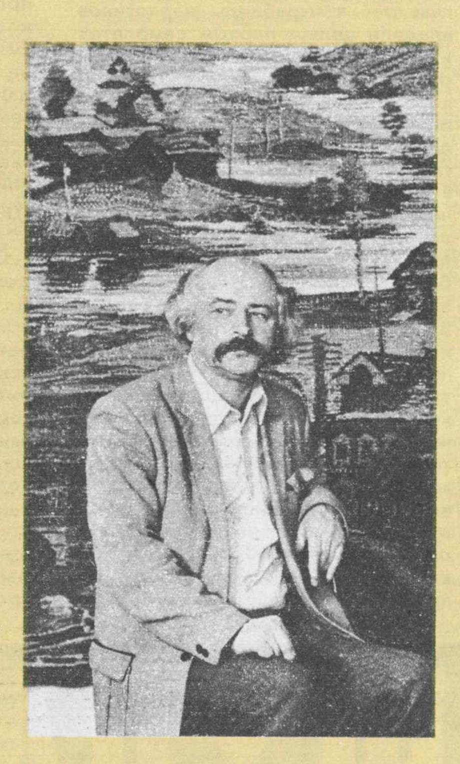
— Люблю, когда на станке рождается новый рисунок, — говорит главный художник этой фабрики Евгений Вячеславович Радченко, выпускник Московского текстильного института, почти четверть века проработавший в Костроме.— И хотя художник текстильной промышленности свои работы не подписывает и покупатели нас, создателей рисунков, не знают,— это неважно. Нам нужно другое: чтобы ткани пользовались спросом, чтоб покупатели были довольны, чтобы ткачам было легко и интересно работать.

До отказа заполнен день художника на фабрике, а вечером — мастерская, где Радченко работает допоздна. Всюду нитки: зеленые, красные, сиреневые, желтые. Сейчас увлечение художника — гобелены, требующие больших художественных познаний, терпения, опыта. Эти его работы эмоциональны, очень точно выстроены. «Жизнь», «Злата Прага», «Мелодии земли» украшают общественные здания города. Недавно закончен гобелен «Костромская земля». На особом месте — композиция, посвященная Великой Отечественной: белая ленинградская ночь, размытые дождями черные рваные облака. Бросаются в глаза слова: «Эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна».

— Я ребенок военного времени,— продолжает Евгений Вячеславович.— И мне очень хотелось выразить военную тему.

...Скоро — творческие командировки. Особенно полюбил Е. В. Радченко Север, Прибалтику. Здесь открыл для себя особый, неброский мир красоты. Отсюда привозит он новые рисунки для тканей, новые темы для гобеленов и живописных полотен.

И. МИХЕЕВА

Е. В. Радченко. Фото А. Алядинова

За фасадом «свободного мира»

ЩУПАЛЬЦА «БЕЛОЙ

Том ЕМЕЛЬЯНОВ

Персонал роскошнейшей гостиницы в г. Майами (штат Флорида, США) мгновенно и с благоговением выполнял любое, даже выраженное жестом желание трех постояльцев — мистера Роберта Мейнстера и его друзей — супружеской пары Линн и Роберта Плэтсхорнов. Элегантные гости, раздававшие невиданные даже здесь чаевые, проводили дни в развлечениях, по вечерам совершали длительные морские прогулки на своей суперлюксовой яхте. Но однажды на закате дня все находившиеся в вестибюле отеля остолбенели: ворвавшиеся туда агенты полиции в несколько мгновений защелкнули на руках Мейнстера и двух Плэтсхорнов стальные «браслеты». Оказалось, что это респектабельное «трио» длительное время стояло во главе крупнейшего контрабандистского «кольца», которое агентам ФБР когда-либо удавалось прорвать во Флориде. Только за предшествовавшие аресту 16 месяцев банда продала в США марихуаны на 300 миллионов долларов и, как считает полиция, на еще бо́льшую сумму — кокаина, доставлявшихся из Колумбии. О том, сколь могуществен американо-колумбийский филиал международной «героиново-кокаиновой мафии», свидетельствует убийство 30 апреля 1984 года Родриго Лара Бонильи — министра юстиции Колумбии, причем средь бела дня, на улице. Президент страны вынужден был ввести в связи с этим осадное положение на всей территории Колумбии. Один из арестованных бандитов сообщил, что их черное дело было щедро оплачено — 20 тысячами долларов. Непосредственным поводом для убийства Бонильи была проведенная по его инициативе крупная облава на «наркобизнесменов», в которой было конфисковано 12 тонн чистого кокаина и обнаружено 14 лабораторий по его переработке.

Арестованные в Майами трое главарей контрабанды наркотиков владели целым парком самолетов и крупнотоннажными яхтами, оборудованными для транспортировки наркотиков. Охраняла их «империю» вооруженная до зубов личная армия наемников. Пилотам, совершавшим тайные полеты в Колумбию за «товаром», выплачивалось по 100 тысяч долларов за один рейс. Эти полеты «обеспечивались» состоявшими на службе у банды специалистами по электронной аппаратуре, с помощью которой они прослушивали и расшифровывали закодированные переговоры береговой охраны и полиции, прокладывая наиболее безопасные маршруты для летчиков. В Колумбии «заготовками товара» руководил некий Рауль по кличке «Черный тунец», его изловить так и не удалось. Он чувствует себя настолько уверенно, что однажды дал интервью журналистам, сказав, что многие крупные армейские и полицейские чины в Колумбии живут не на свою зарплату, а на получаемые от него колоссальные взятки. Убийство министра юстиции косвенно подтверждает заявление «Черного тунца»...

За тысячи километров от Майами, в Нью-Йорке, в начале 1984 года полиция во время одной широкой облавы захватила с поличным более двух тысяч подпольных торговцев «белой смертью». В то же самое время, в конце января 1984 года, в городе Атланта (штат Джорджия) полиция конфисковала еще пять тонн кокаина.

Однако эти единичные успехи полиции поистине напоминают капли в море: один из крупных чинов нью-йоркской полиции сетовал на страницах «Нью-Йорк таймс», что он был бы счастлив, если бы удавалось конфисковать хоть тысячную долю наркотиков, реализуемых на «черном рынке в Нью-Йорке». Комиссар нью-йоркских сыщиков Беньямин Уорд сокрушенно признался журналистам в феврале 1984 года: «Справиться с подпольным бизнесом на наркотиках выше наших сил». Их можно понять: Соединенные Штаты Америки превратились в последние два десятилетия в гигантский рынок наркотиков, равного которому нет в мире — очередной страшный рекорд «американского образа жизни». По данным (на начало 1984 года) американского национального института по изучению злоупотреблений наркотиками, третья часть взрослого населения США это зелье принимает или регулярно (хронические наркоманы), или эпизодически.

Жертва наркотиков. Обычная уличная сценка в Нью-Йорке.

Белый дом за прошедшие два десятилетия не раз звучно прокламировал разработанные правительством «национальные программы» по борьбе с наркоманией и подпольным наркобизнесом. В 1972 году тогдашний президент Р. Никсон назвал наркоманию «общественным врагом № 1... насаждающим беззаконие, насилие и смерть», и объявил нелегальной торговле наркотиками «тотальную войну». В Вашингтоне был даже учрежден специальный федеральный орган — управление по руководству и координации борьбы против этого бизнеса, подчиненное непосредственно министру юстиции. Оно существует и поныне. Однако меры Р. Никсона не дали ощутимых результатов: карательные органы вылавливали главным образом «хвосты», конечные звенья глубоко законспирированной и обладавшей незримым могуществом цепи большого наркобизнеса.

Спустя пять лет, в 1977 году, очередной президент США, Д. Картер, выступая в конгрессе, привел данные, подтвердившие бессилие правительства не только искоренить, но хотя бы застопорить расширение наркомании, которая продолжала душить США, как разыгравшаяся неизлечимая астма: Д. Картер сокрушенно поведал, что 60 миллионов американцев в большей или меньшей степени употребляют наркотики, что на борьбу с их нелегальным распространением и на излечение хронических наркоманов необходимо выделять до 17 миллиардов долларов ежегодно.

В 1981 году преемник Д. Картера в Белом доме Р. Рейган выступил на сессии международной ассоциации руководителей полиции, состоявшейся в Новом Орлеане. Он констатировал: «...невероятное воздействие потребления наркотиков на рост преступности... По компетентным оценкам,— говорил Р. Рейган,— до сих пор примерно 50—60 процентов всех преступлений... совершаются под воздействием наркотиков. Лица, виновные в преступлениях...— торговцы наркотиками (Р. Рейган поставил их на первое место в перечислении.— Т. Е.), гангстеры, полицейские или должностные лица, виновные в коррупции,—все они составляют свою особую сферу, все они существуют в атмосфере беззакония: они нуждаются друг в друге, они используют друг друга, они охраняют друг друга».

Эту гневную тираду Рональд Рейган произнес в первые месяцы правления его «команды» в Белом доме, когда еще не были вскрыты многочисленные незаконные махинации ближайших соратников президента. Прошло не так уж много времени, и американцы убедились, что объявленная главой нового правительства очередная кампания борьбы с преступностью и прежде всего с подпольной торговлей наркотиками оказалась «бумажным тигром». Чтобы спасти престиж, Рейган в декабре 1983 года вновь объявил о начале «решительной борьбы» с мафией. Была назначена даже специальная комиссия, первый же день работы которой ознаменовался конфузом: выявились связи с гангстерским миром одного из членов правительственной комиссии.

Главари подпольного бизнеса на наркотиках и поныне чувствуют себя в абсолютной безопасности: юстиция, карательные органы, часть государственного аппарата, сфера финансово-промышленного капитала — всюду мафия имеет своих непосредственных агентов или же влиятельных лиц, закупленных, как говорится, на корню. Американская телевизионная компания Эн-би-си однажды ошарашила американцев, поведав следующие факты: «Девять миллиардов долларов выплачиваются гангстерами в виде взяток сенаторам, министрам, мэрам городов, профсоюзным лидерам. Только на подкуп полиции мафия выделяет ежегодно четыре с половиной миллиарда долларов — больше, чем правительство США выдает в виде зарплаты всем полицейским страны».

Что ж, у гигантского незримого спрута есть чем распорядиться: сегодня его оборот оценивается в 150 миллиардов долларов, из которых 79 миллиардов приходятся на тайные операции с «белой смертью». Для сравнения: по суммарному обороту мафия занимает второе место в США — после гигантских нефтяных монополий, вместе взятых.

О провозглашенном Р. Рейганом «решительном наступлении» на мафию, и прежде всего на под-

польную торговлю наркотиками, точнее, о результатах этого «наступления», довольно четко свидетельствует журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Он подвел итоги рейгановского похода против гангстерского мира в обширном репортаже под знаменательным заголовком: «Мы проигрываем битву с преступностью». В нем, в частности, говорилось, что американцы ежегодно отдают 26 миллиардов долларов на борьбу против убийц, грабителей, других преступников — на различные меры по поддержанию правопорядка. Но неожиданный результат заключается в том, что предложенные новые программы по искоренению преступности снимаются с повестки дня. Они умерли, раздавленные усилиями Р. Рейгана по сокращению бюджетных ассигнований на социальные нужды.

Но есть и другая, не менее серьезная причина, из-за которой широковещательные программы Белого дома по ликвидации громадного «черного рынка» наркотиков в США остаются пустым звуком: незримую преступную «империю» контрабанды наркотиков «подпирает» и поддерживает своим активным участием монополистический капитал — промышленный и финансовый. Этот противоестественный, с точки зрения закона и морали, симбиоз взаимно выгоден: подпольному бизнесу он дает возможность иметь мощные защитные силы в бастионах легального капитала, а следовательно, и прочные позиции в высоких политических и государственных инстанциях, даже на уровне министров; монополиям же «деловые связи» с преступным миром открыли источники невиданных прибылей. Как же выглядит этот симбиоз на практике?

Джон Захарий де Лорейн с 1972 года занимал пост вице-президента гиганта из гигантов, автостроительного концерна «Дженерал моторс». Он имел годовой оклад в 650 тысяч долларов и состояние в несколько миллионов долларов.

Но эти богатства и положение управляющего уже не удовлетворяли его аппетиты — он рвался в клан миллиардеров, в круг тех, кто определяет политику, кто нанимает менеджеров. Местом создания собственных предприятий он избрал Европу, точнее, Северную Ирландию. Де Лорейн сумел привлечь к своему делу громадную финансовую монополию «Бэнк оф Америка»; правительство Великобритании вложило в дело де Лорейна 160 миллионов долларов, французский государственный концерн «Рено» добавил еще несколько десятков миллионов долларов. Де Лорейну удалось продать всего около семи с половиной тысяч выпущенных его фирмой роскошных «уличных крейсеров». Его фирма оказалась на грани банкротства. Де Лорейн бросился на поиски дополнительных кредитов.

Сто с лишним лет назад, в 1860 году, известный английский профсоюзный деятель и публицист Т. Дж. Даннинг в своей книге «Тред-юнионы и стачки» писал, что при 300 процентах прибыли нет такого преступления, на которое капитал не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Ну, а что же говорить, когда у капитала маячит возможность огрести прибыль в 1000 процентов? И де Лорейн, этот «персонифицированный» капитал, узнав, что подпольная торговля наркотиками приносит быструю и именно таких размеров прибыль, был готов на все. 18 октября 1982 года де Лорейн встретился с У. Хетриком и Стефеном Аррингтоном, который командовал доставкой кокаина в Лос-Анджелес из Колумбии. Три джентльмена заключили соглашение, и де Лорейн получил из рук в руки первый пакет с 25 килограммами кокаина. В целом сделка должна была принести ему барыш в размере 100 миллионов долларов, чего хватило бы для изгнания — на первое время — грозного призрака банкротства.

«Большой Джо», как окрестили де Лорейна его сообщники, был арестован на месте с поличным.

Суд над де Лорейном превратился в фарс: с апреля по август 1984 года лос-анджелесские служители Фемиды вкупе с адвокатами обвиняемого искали способ «отчистить черного кобеля добела» — и, наконец, изыскали. Вину свалили на сообщников миллионера, на мелких «козлов отпущения», а его представили «жертвой темных дельцов» и — вынесли оправдательный приговор. А ведь если бы де Лорейна не взяли с поличным на месте в самом начале его подпольной «кокаиновой карьеры», то он не только продал бы американцам на «черном рынке» кокаина на 100 миллионов долларов, но и по сей день продолжал бы преступный бизнес. Любого рядового американца эти же судьи засадили бы за решетку «на полную катушку», то есть на 72 года, которые полагались по предъявленным статьям обвинения. Очевидно, «дело де Лорейна» относится к категории тех судебных парадоксов, о которых журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Многие судьи за взятки оправдывают подсудимых».

История де Лорейна — наиболее шумный скандал в среде «респектабельных» капиталистов. А сколько других «капитанов» Большого бизнеса наживают миллионы на преступных подпольных махинациях с «белой смертью». В упоминавшейся Атланте среди 36 арестованных за нелегальную торговлю кокаином лишь несколько человек оказались членами профессионально-преступных банд, а большинство — солидными бизнесменами, промышленниками и финансистами. Ярчайший пример преступного участия легального финансового капитала в контрабанде наркотиков — штат Флорида. По оценкам компетентных органов США, через Флориду идет примерно 80 процентов кокаина, поступающего из-за границы на «черный рынок» США. Французский журнал «Пари матч» сообщал, что ежегодная прибыль от подпольного «кокаинового гешефта» во Флориде выражается суммой в 12 миллиардов долларов. Город Майами — своего рода «столица» кокаинового бизнеса: 80 процентов находящихся там в обращении денег рождены на «кокаиновом черном рынке». Поразительные данные привела недавно сенатская комиссия по делам банков: каждый третий банк в Майами «работает на паях» с контрабандистами наркотиков и выдает в обмен на наличные вклады специальные чеки, которыми можно переводить деньги за границу, что и делает «кокаиновая мафия», излюбленным адресатом которой давно стали швейцарские банки. Так что миллионер-авантюрист де Лорейн — отнюдь не «урод» в семье «благочестивого» бизнеса — вся эта «семья» состоит из хищников, долларопоклонников, исповедующих принцип «деньги не пахнут».

Поэтому, когда сменяющие друг друга «караулы» в Белом доме поочередно объявляют «тотальные войны» подпольной «империи» торговцев наркотиками, они заранее знают их бесперспективность и безрезультатность. Нет в Соединенных Штатах Америки пока такой силы, которая могла бы хоть чуть поколебать цитадели финансового и промышленного капитала.

СМЕРТИ»

РОБОТ В ПОВАРСКОМ КОЛПАКЕ

К. БАРЫКИН,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Как-то в Риге довелось услышать такую расшифровку аббревиатуры ВЭФ:

— Вот это фабрика!— сказали мне.

Но в последние годы к доброму имени прославленного промышленного объединения прибавилась и слава здешнего комбината питания «Вэфовец».

— Вот это столовая!— сказал я себе.— Брать бы с нее пример другим.

Обед-то какой! Пальчики оближешь...

Пятью минутами раньше кто-то невидимый учтиво распахнул передо мной двери столовой, я опустил в турникетную прорезь три двугривенных и вот смакую обычный для вэфовца обед. Отменная закуска, ароматный, наваристый суп, второе. А на сладкое — клюквенный мусс.

Заметишь ли тут, что тарелки уже опустели?

...Не впервые я на «Вэфовце», но никак не могу привыкнуть к тому, что здешний столовский обед лучше иного ресторанного. Несколько лет назад я сказал об этом директору комбината питания Анелии Адольфовне Козловской. Она словно и не услышала похвалу, повела куда-то в центр заводской территории, сказала: здесь и построим новую столовую.

— Зачем?— засомневался я, все еще пребывая под впечатлением от клюквенного мусса.

Ведь и без того здешняя столовая — лучшая среди заводских общепитовских «точек». Посмотреть на нее, подивиться, поохать-поахать, да и ума-разума набраться (что в переводе на нынешнюю терминологию называется: перенять опыт) и тогда приезжали отовсюду.

— Новая столовая нужна, двух мнений на этот счет не имею. Но не просто столовая, а такая, где всю «черную» работу возьмут на себя механизмы, роботы,— убеждал меня тогда ветеран объединения, Герой Социалистического Труда Вольдемар Кристапович Круминьш.

То, что представлял «старую» столовую и все знал о будущей не общепитовский начальник, а заводской мастер первой руки, это о чем-то говорит, согласитесь?

Хотя бы о том — и это характерно для ВЭФа,— что о своей столовой заботятся не только ее работники, но и те, кто занят на основном производстве; и тот же Круминьш, и генеральный директор, и заводские конструкторы, и служба социально-психологических исследований.

...Новое здание — с иголочки. У дверей электронные «швейцары» (всего-то-навсего фотоэлемент); они не забывают открыть дверь перед каждым входящим. Три этажа, три зала. Ничего лишнего, оно и понятно: приглашали лучших дизайнеров. По стенам, между окнами — гобелены редкой красоты. И это объяснимо: заказ был сделан не случайным людям, а известным в республике умельцам. Ничего лишнего, никакой показухи. В столовую приходят поесть, а не с тем, чтобы прочитать над стойкой раздачи нечто нетленное, скажем: «Мой руки перед едой»...

Н-да... Как бы сюда затащить иного столичного ресторатора, который никак не может научиться подметать пол и не знает, что такое цветы в обеденном зале? Как бы пригласить?

И все же. Гобелен гобеленом, цветы тоже не едят. Да и не красна изба углами... А почему так? Пусть и углами будет пригожа рабочая столовая, это очень неплохое дополнение к великолепному обеду, а иных здесь не бывает, поверьте на слово.

Все знают, что самое узкое место в любой столовой — уборка помещений. Тетя с неаккуратно

навернутой на щетку тряпкой — это и есть механизация XX века? Извините, говорят мне, это не вчерашний, а позавчерашний день. Не тетя, а ее орудия производства, которые и не могут навести в столовой лоск, и диктуют стиль поведения. Когда слышишь зычное и повелительное: «Посторонись, не видишь, пол мою!» — считай, что попал в зависимость не только от повара, но и от уборщицы...

Но ей об этом не скажи. И без того всюду объявления: «Требуется уборщица!» Но нет таких призывов (и никогда не было) на «Вэфовце». Есть небольшая, проворная моечная машина — идет по залу галсами, оставляет за собой чистоту. А чтобы машине не мешать, заводские конструкторы придумали нечто такое, до чего нигде больше пока, кажется, не додумались. Они подняли столы и стулья, подвесили их — машина идет словно по площади...

— Но все же как насчет пирогов?

— А вы закажите их в нашей кулинарии,— посоветовали мне.

Кулинарный универсам здесь таков, что мне хочется слово это, «Универсам», написать с большой буквы — в знак почтения. Какие разносолы! Начал считать, загнул пальцы на одной, на второй руке. И еще раз... Но сбился со счета. Копченые колбаски с гречневой кашей, кулебяки с капустой и с рисом, копченые куры. (Это, насколько я понял, латышская выдумка — до чего хороши! Кур не варят и не жарят. Их на сутки оставляют в особом рассоле, а потом коптят, сжигая при этом стружку определенного дерева. Только от него можно получить дымок, по всем статьям подходящий для такого кулинарного изыска...) Блинчики с творогом, с фаршем, с джемом. Соленья, отварные овощи, муссы, желе, запеканки — не увлекайся, говорю я себе, ущипни себя, может, это скатерть-самобранка, а вовсе не заводской кулинарный магазин?

Вообще-то говоря, универсам тут не основное. Главное — столовая. В ее программе 2200 блюд. Они заложены в память электронно-вычислительной машины, и она следит за тем, чтобы то или иное кушанье не повторялось чаще чем раз в месяц; она же подсчитывает всякую разную калорийность, жиры-белки; что там еще надо посчитать в сбалансированном по всем статьям обеде?

Качеству блюд тут придают особое значение. Отличные кулинары собрались на «Вэфовце». С приходом в столовую роботов и электроники штат удалось уменьшить, зато зарплата у оставшихся выросла. А больше зарплата — больше спрос, больше и внимания к качеству. Да и как иначе? Раз не угодишь едоку, второй раз не потрафишь, а если в третий раз суп окажется невкусен — куда смотрит профком, как говорится? Во всяком случае, настроение от плохой еды не поднимается, а едоку-то этому еще смену нести у своего станка. Вдруг и работать он будет на уровне обеда? Такая цепочка, такая взаимосвязь. Обеды, понятно, не праздник чревоугодия, но должны быть хороши — это однозначно.

Мне рассказывали, что директор «Вэфовца» прежде всего заглядывает туда, где моется посуда: если что-то осталось на тарелках, если не доели тот же гарнир, значит, невкусно он приготовлен. А спросить есть с кого: ответственность за каждое блюдо персональная. Есть у супа свой автор, есть и повар-исполнитель.

— У нас готовить кое-как невозможно.— Заведующая производством Зинаида Анатольевна Усова в этом уверена. Она на «Вэфовце» шесть лет, до того училась в Ленинградском институте советской торговли, но хоть и высшее получила образование, а пришла в рижский комбинат и поначалу растерялась.

— Как, думаю, справиться со всей этой электроникой? Научилась...

— Обеды в столовой могут и должны быть лучше, чем дома,— говорила мне и директор комбината Анелия Адольфовна Козловская (замечу тут, чтобы не забыть об этом сказать, она лауреат Государственной премии Латвийской ССР).— Это и объяснять особо не надо: во-первых, дома нет такого, как у нас, оборудования, во-вторых, таких полуфабрикатов. И, наконец, таких мастеров, как, скажем, наша Майя Станиславовна Скринда, уж не говоря о других.

— Еда у нас должна быть только хорошая или очень хорошая. Это же не ресторан: захотел — пришел; не понравилось — ушел и больше сюда ни ногой. У нас рабочая столовая, здесь ежедневно едят одни и те же люди,— сказала мне и оператор Марго Нукшевица.

Ситуация вроде бы привычная, но из частых ли?

— Проводили мы опрос.— Это уже из нашей беседы с сотрудницей вэфовского бюро социально-психологических исследований Раисой Ивановной Егоровой.— И до него предполагали, что роль развитой инфраструктуры сервиса велика. И все же несколько были удивлены, когда выяснилось, как высоко рабочие оценивали нашу службу быта, столовую в первую очередь.

В 1975 году текучесть кадров в объединении достигала 15 процентов. Сегодня цифра снизилась до 6,7 процента... Уловили разницу? А теперь ставьте ее в прямую зависимость от хорошо налаженного сервиса — и это будет правильно. Но есть и другая существенная сторона. Развитая служба быта высвобождает у каждого работающего более двух часов времени ежедневно. Вместо того, чтобы выстаивать в городских магазинах, на ВЭФе делают так: все, что нужно для домашнего стола (и для праздничного тоже), заказывают в здешнем универсаме. Закончилась смена, остается лишь зайти в отдел заказов.

Но мы, похоже, забежали вперед. Ведь пока и о самой столовой не все сказано... В объединении на обед отведено полчаса. Но при сегодняшней организации дела поесть успевают за 12—15 минут; не на скорую руку, а нормально. Остается время новости обсудить, газеты просмотреть, посудачить, а затем неторопливо вернуться в цех. Почему неторопливо? У отдохнувшего человека «послеобеденный период вырабатываемости» (позаимствуем определение у психологов) вдвое меньше, чем у того, кто вбегает в цех запыхавшись, на ходу дожевывая холодный пирожок.

Похоже, по справедливости комбинат питания в объединении ВЭФ считается цехом № 1.

Но едва ли нынешняя столовая состоялась бы, не поделись с ней своими достижениями век НТР. Лучшие заводские умы приложили свои знания к тому, чтобы столовая — вся, от входа до сушки посуды,— была механизирована и автоматизирована. И тут надо напомнить, что такое положение создалось не сразу. Но когда заводчане увидели, почувствовали, поняли, что все работники столовой душу вкладывают в то, чтобы слесарю и монтажнику, наладчику и инженеру можно было вкусно и быстро поесть, когда почувствовали заботу, они пошли навстречу столовой. Не знаю уж, как это начиналось, хотя начало было, не могло не быть. Но мне все кажется, что это встречное движение началось не само по себе, его подтолкнул, предвосхитил, а затем и активно поддержал генеральный директор объединения. А поддержка такого авторитетного в республике и в отрасли человека, как Олег Константинович Линев, что-нибудь да значит. Точнее сказать, много значит.

Взяли на себя разработку всей механической части, прикинули-примерили к столовой автоматику — подходит! Впору оказались и ЭВМ, и дисплеи, и магнитные карточки тех, кто обедает в кредит. А еще — помните? — придумали подвесные столы и стулья, что не только освободило зал для машинного мытья и подметания, но и организовало пространство, расчертило его на геометрические квадраты; словно просторнее стало. Но эта находка, хоть и важная, все же не из самых. Не вдаваясь в технологические тонкости, отмечу, что работники столовой ныне напрочь освобождены от трудоемких, рутинных занятий. В том ряду и мойка посуды — дело занудное, неблагодарное даже в домашних масштабах, когда весь фронт работ — пяток тарелок и столько же ложек. А тут тысячи и ножей, и тарелок, и ложек, и прочей кухонной утвари.

Электроника и роботы исправно моют всю посуду, которую им подносит аккуратный транспортер. Кипяточком, дочиста, а затем еще и посушат. Но и этого показалось мало: затем подставляют вымытое и высушенное под кварцевое облучение для стерилизации.

Не назвать всех, кто сделал столовую такой, какая она есть. Но о Юрии Константиновиче Червинском упомяну; он один из разработчиков электронно-инженерного оборудования комбината.

Какая еще инженерия? Ложки-поварешки, классическая поварская «тройка» ножей, соусник, да еще плита.

— Не без этого,— согласился со мной Червинский.— А помимо и немного впереди — тридцать одна микро-ЭВМ, дисплеи, центральный пульт управления, куда стекается вся информация о работе столовых. И конвейер — такой, что с него уже кое-что копируют конструкторы основных производств.

— С конвейера в столовой — на конвейер такого предприятия, как ВЭФ? — не удержался от вопроса, когда говорил с О. К. Линевым.

— Именно так.— Директор моего удивления не поддержал.— Здешний конвейер по сути своей есть гибкая, быстро переналаживающаяся система. Почему бы некоторые ее элементы не использовать на основном производстве?

Такой вот в столовой конвейер...

Но конвейер (давайте уточним это, на ВЭФе точность любят), конвейер — это уже не Червинский, это Индулис Карлович Пога, серьезный, обстоятельный мужчина средних лет. Он спокойно, без эмоций подтверждает: отдельные узлы конвейера разработаны на таком уровне, что с ними вровень поставить нечего ни у нас в стране, ни в мировой практике. Не случайно же на эти «штучки» уже выданы авторские свидетельства.

— Конвейер столовой в некоторой степени стал полигоном, на котором отрабатываются новые технические идеи,— говорит И. К. Пога.

Да, не перестает удивлять заводская столовая!

Но кулинария-то сама по себе, так сказать, классическая кулинария,— это ведь «искусство приготовления кушаний» (цитирую по словарю). Искусство! И испокон веку занятие рукотворное. Вжик, вжик — ножичком. И тесто раскатать — скалочкой.

— Можно и скалочкой.— Анелия Адольфовна — человек деликатный и со мной не спорит.— Скажем, когда участвует кондитер в конкурсе мастерства, он свой торт машине не отдаст. Но ведь «Вэфовец» кормит многих. Наработаешь ли скалочкой? И надо думать о будущем. А оно в механизации приготовления пищи.

Не скажу, что у сотрудников «Вэфовца» много свободного времени, это не так, но эти неугомонные люди свои свободные часы использовали тоже по-вэфовски. Полезли в забытые кулинарные книги, поехали в деревни к тем, кто помнит секреты латышской кухни. В итоге в меню появились такие блюда, как серый горох (недорого, вкусно и неожиданно), деревенские хлебные супы, луковый клопс, запеканка с грибами.

Стали устраивать и дни национальной кухни народов нашей страны. «Коллектив у нас многонациональный, и встречено это было очень хорошо»,— говорили мне. Проводят творческие отчеты поваров и кондитеров, помогают организовать семейные торжества.

...Иногда я рассказываю обо всем этом директору той или иной столовой. И часто слышу:

— Они находятся в особых условиях!

Поначалу я такую точку зрения опровергал — фактами. А теперь не спорю, соглашаюсь: в особых. Но созданы эти условия совместным трудом коллектива столовой и коллектива объединения, то есть одним коллективом.

И это уже не столько техника, не только конвейер — это человеческий фактор, это отношения в этом самом коллективе.

●

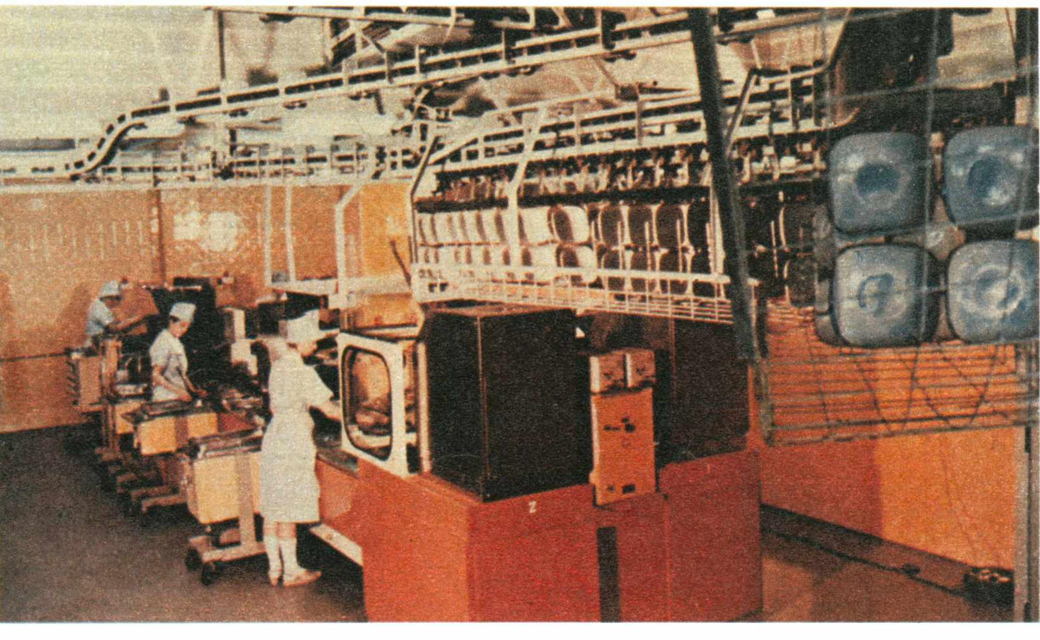
В столовых комбината питания «Вэфовец» самое современное оборудование. Ю. К. Червинский — один из его создателей. * Есть здесь и такие залы, где можно перекусить наскоро, но тоже вкусно и сытно.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Повар Анджела Рулевич. * В одном из обеденных залов. * Вот-вот откроется кулинарный универсам — кассиры уже наготове. * Конвейер, роботы, электроника...

Покуда сердце бьется

Юрий ОВЧИННИКОВ,
академик, Герой Социалистического Труда

Однажды она рассказала мне, как снимался фильм «Вызываем огонь на себя». Помните, там есть такой эпизод: погибает Костя Поваров, партизанский командир. Ане Морозовой был очень дорог этот человек. И вот последняя встреча. На телеге везут тело Кости, небрежно прикрытое рогожей. Когда Касаткина на съемках попробовала прожить этот кусок, она потеряла сознание.

А Сергей Николаевич Колосов, режиссер фильма, не понял, что произошло. Не поверил своим глазам.

— Людмила Ивановна, прекрасно, еще один дубль,— скомандовал он. Актриса быстро пришла в себя. Следующий дубль Касаткина уже попробовала сыграть. В фильм вошел первый вариант, тот самый, где она упала в обморок, где не было игры в привычном понимании этого слова, где все было на самом деле.

Сыграть и прожить — в этом, наверное, огромная разница.

Касаткина не перевоплощается, нет, Касаткина как бы отказывается от самой себя, когда она работает над ролью. Мы смотрим фильм «Помни имя свое», эпизод в концлагере, у двери барака, когда Зинаида Воробьева лихорадочно разламывает картошку, одну-единственную картошку, которую она принесла своему маленькому сыну, просовывает ее под дверь,— и на глаза наворачиваются слезы. Наверное, самые высокие минуты поразительных по глубине актерских откровений трудно поддаются анализу. После таких вот минут хочется не говорить, а молчать, побыть одному, отложить все дела. После таких вот минут ты сам становишься другим.

Касаткина (вспомним ее другие работы в кино: «Укротительница тигров», «Укрощение строптивой», «Душечка», «Операция «Трест») всегда играла щедро, искренне, расточая вдохновение и азарт — «во всеуслышание». Она незаметно подводила нас, зрителей, к постижению судьбы своей героини, хотя это были совсем разные люди. Касаткина гордилась тем, как жили, как любили, как боролись ее героини, ее женщины,— гордилась и как актриса не желала это скрывать...

В Центральном театре Советской Армии, где Касаткина играет всю свою жизнь, она тоже с самых первых шагов была верна себе. Фетисова и Касаткина, именно они фактически вели весь репертуар ЦАТСА, вписав в историю советского актерского искусства несколько незабываемых страниц. Да, у Касаткиной было немало удач. И всегда в игру Касаткиной врывался мотив торжества жизни над смертью.

Пусть головы моей
рука твоя коснется,
И ты сотрешь меня
со списка бытия,
Но пред моим судом,
покуда сердце бьется,
Мы силы равные,
и торжествую я.

В финале фильма «Мать Мария» на память приходят именно эти тютчевские строки...

С моей точки зрения, роль Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой — одно из самых высоких, самых поэтичных созданий Касаткиной. Таких актерских работ я не видел в нашем кинематографе уже давно. Вот первые кадры фильма: мать Мария идет по Парижу, она знает, что ее ждут, она спешит, и ее действительно ждут — десятки, сотни обездоленных людей, для которых она открыла приют, которым здесь, в Париже, она посвятила свою жизнь. Русская женщина помогает не только своим соотечественникам, оказавшимся по воле судьбы без крова, без пищи, без близких и родных; она помогает нищим парижанам, человек есть человек и если он голодает, если он страдает от холода и болезней, мать Мария не останется в стороне, как добрая фея из старой сказки — а ведь это не сказка, это жизнь!— она обязательно придет на помощь, отдаст все, что у нее есть, все, чем она богата... А главное ее богатство — душа. Здесь, во Франции, мать Мария как бы олицетворяет собою Россию. Образ русского человека. Колосов и Касаткина рассказывали мне, что Елизавету Юрьевну Кузьмину-Караваеву знал чуть ли не весь Париж!

Касаткина и Колосов, можно сказать, посвятили свое творчество открытию неизвестных судеб. Что мы знали об Анне Морозовой до выхода фильма «Вызываем огонь на себя»? Ее подвиг долго был неизвестен, и в этом нет ничего удивительного, война есть война, многие герои еще очень долго оставались в тени. А после выхода фильма Анне Морозовой было присвоено звание Героя Советского Союза. Что мы знали до выхода фильма «Помни имя свое» о Зинаиде Григорьевне Муравьевой (в фильме — Воробьевой)? Я, например, ничего не знал и, может быть, не узнал бы, если бы не Колосов, его энергия, его глубокий и пристальный интерес к замечательным судьбам. И если бы не Касаткина. Ее искусство. А Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева? Читая письма Блока, мы не раз встречали имя Елизаветы Кузьминой-Караваевой, знали стихотворение Блока, ей посвященное. Мы знали, что она была поэтессой, в молодости часто проводила вечера «на башне» у Вячеслава Иванова, дружила с Ахматовой, Алексеем Толстым, Цветаевой, Мейерхольдом... А что потом? Фильм «Мать Мария» поведал нам, что любовь к Родине дарует право на родину, даже если она далеко и, казалось бы, утрачена безвозвратно. Оказавшись в эмиграции, Кузьмина-Караваева со всей отчетливостью осознала, какую страшную ошибку она совершила. Там, в Париже, Елизавета Юрьевна редко бывала счастлива. За весь фильм она улыбнется только один раз, когда придет весть о победе советских воинов под Сталинградом. Через фильм «Мать Мария» проходит тема духовного единения с Россией подлинно русской интеллигенции, к которой принадлежала Кузьмина-Караваева. Для фашистов она не была эмигранткой. Для фашистов она была русской...

И какой же наградой снова был для актрисы и режиссера Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1985 года о посмертном награждении Е. Ю. Кузьминой-Караваевой орденом Отечественной войны II степени.

Я говорю о кино, но и в театре ее работы не менее значительны. Совсем недавно, например, она сыграла роль Елены Ивановны Кручининой в пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые». Когда она выходит на сцену, ее искренность, ее самоотдача сразу бросаются в глаза. Она ведет роль на едином дыхании, абсолютно свободно и естественно. И опять мы наблюдаем чудо единения актрисы и ее героини. Сцена ее последнего разговора с Незнамовым была сыграна с предельным внутренним напряжением; каждое слово актрисы звучало ясно и, не удивляйтесь, но я скажу именно так: величественно. Она женщина! Она мать! Что может быть на свете прекраснее? А рядом с профессором Государственного института театрального искусства имени Луначарского Людмилой Ивановной Касаткиной в этот вечер на сцене ЦАТСА играл ее ученик Михаил Неганов. И когда его Незнамов обращался к Кручининой, я невольно ловил себя на мысли, что он действительно обращается к ней как к матери, что дороже этого человека у него сейчас никого нет...

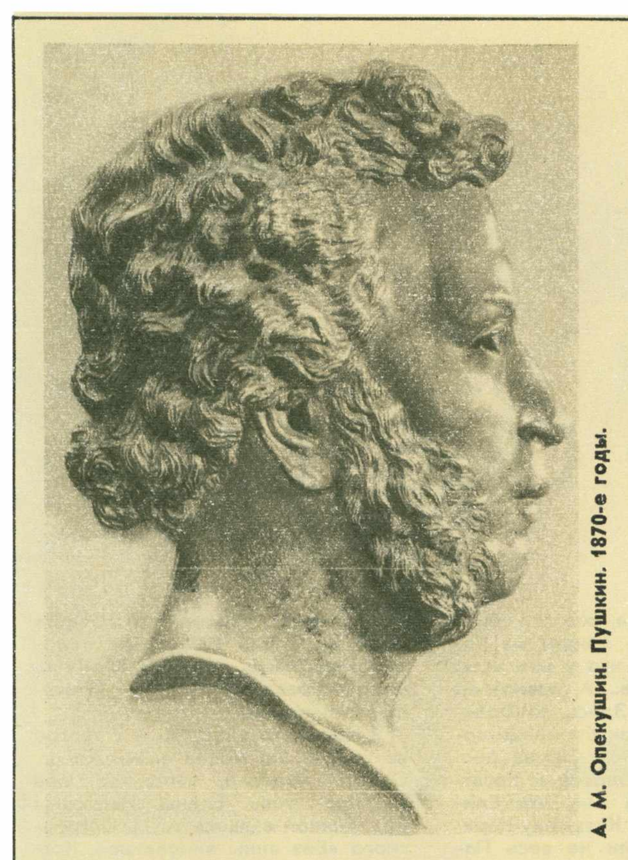
Она сделала много добрых дел и очень многое еще сделает. Впрочем, если бы сама она была... какой? Не знаю, как сказать: другой, что ли,— разве могли выйти в жизнь ее Аня Морозова, ее Зинаида Воробьева, ее мать Мария, ее Кручинина? Все что угодно может скрыть актер на сцене. Но только не свою душу. А душа у Людмилы Ивановны редкая,— говорю это, потому что дополнинно, что называется, из первых уст знаю: случись у кого какое горе, она откликнется одной из первых, пойдет, если надо куда-то пойти, добьется, если надо во что бы то ни стало чего-то добиться... Иначе она, наверное, просто не может.

У Людмилы Ивановны Касаткиной — юбилей. В такие дни всегда хочется чего-то пожелать. Самого доброго. Самого теплого. Зная Людмилу Ивановну, я желаю ей только одного: работать. Так, как вы, Людмила Ивановна, работаете всю свою жизнь.

Касаткина у нас одна. А зрителей, которым она нужна,— миллионы...

Народная артистка СССР Людмила Касаткина.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

А. М. Опекушин. Пушкин. 1870-е годы.

В Москве, на старом Арбате готовится к открытию новый мемориальный музей-квартира Пушкина. В его организацию много сил вложил Марк Михайлович Баринов (1925—1984), писатель, журналист, работавший директором Государственного музея А. С. Пушкина.

В редакционном портфеле осталась подготовленная М. Бариновым для «Огонька» статья о создании нового музея.

«НА АРБАТЕ, ДОМ ХИТРОВОЙ...»

Марк БАРИНОВ

Одной из поражающих современного человека деталей в биографии Александра Сергеевича Пушкина является тот факт, что не было у него никакого собственного жилья. Ни дома, ни квартиры, ни усадьбы — ни в городе, ни в деревне. (Помню, как изумило меня, когда впервые узнал, что Михайловское, знаменитое Михайловское, никогда не принадлежало Пушкину.)

Разумеется, творческому человеку, поэту, писателю чрезвычайно важно много путешествовать, много видеть, встречаться с разными людьми. Но и не менее важно иметь свой дом, в который бы он возвращался для отдыха, размышлений, уединения, для завершающего этапа творчества, наконец,— собственно писания.

Пушкин очень много странствовал по России, встречался, общался со многими людьми, а своего дома, «своей крепости» не имел. А такой дом нужен любому человеку, во все времена. И в нашем двадцатом, и в девятнадцатом, и в любом другом столетии.

Он был очень сильный, мужественный человек, он не жаловался. Но из этого вовсе не следует, что «пушкинский образ жизни» был для него оптимальным. Поэт, писатель, историк, мыслитель, он умел работать в любых условиях, в любой обстановке, однако мечта о доме-убежище не покидала его и крепла с годами.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил...

А заканчивается это, пронизанное печалью стихотворение такими строчками:

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

Москвич Пушкин и родился в чужом, в нанятом его родителями доме, и, приезжая в родной город, жил то в гостиницах, то у друзей. Чаще всего — у закадычного, у любимого «Войныча»— Павла Воиновича Нащокина.

В превосходной книге Н. М. Волович «Пушкинские места Москвы и Подмосковья» названо больше полутораста адресов. Так и хочется сказать, что Пушкин принадлежал всей Москве и вся Москва принадлежала Пушкину.

Однако среди этого множества московских адресов есть один: улица Арбат, дом № 53 (по современной, разумеется, нумерации). Здесь была единственная в Москве квартира Пушкина.

В 1831 году он сам снял ее, сам руководил отделкой. В одной из записок другу он так пометил свой адрес: «На Арбате дом Хитровой. А. П.».

18 февраля 1831 года он привез сюда свою молодую жену после венчания в церкви Большого Вознесения, что у Никитских ворот. Здесь чета Пушкиных принимала близких друзей, здесь, на очень короткое время, казалось бы, воплотилась мечта поэта о доме, о семейном очаге, убежище среди моря житейского.

«Пушкин славный задал вчера бал,— писал брату А. Я. Булгаков.— И он и она прекрасно угощали друзей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось... Ужин был славный; всем казалось странным, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа...»

Сын П. А. Вяземского Павел Петрович вспоминал впоследствии о щегольской уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными «...обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками».

18 февраля Пушкины после свадьбы въехали в квартиру на Арбате, а 15 мая того же года покинули ее, выехали в Петербург. Дом счастья, мечты, любви остался позади. Короткая передышка закончилась. Впереди был последний жизненный этап. Мойка... Черная речка.

Тихо, скромно жил с тех пор двухэтажный дом на улице, любимой москвичами. Простой жилой дом, населенный обыкновенными людьми. И только мемориальная доска на стене говорила о великом событии в его судьбе.

О том, чтобы превратить единственную московскую квартиру А. С. Пушкина в музей, москвичи мечтали давно. Но рождение современного музея — процесс долгий, сложный, часто неуловимо-сложный и даже, если хотите, таинственный.

Наверное, даже если бы квартира на втором этаже в доме № 53 на Арбате сохранилась в неприкосновенности все эти полтораста лет, и в этом случае немало пришлось бы думать над тем, как превратить ее в музей. На самом же деле от обстановки квартиры, от вещей, от всего материального мира, сопровождавшего житье семьи Пушкиных на Арбате, не осталось буквально ничего.

А что есть? Оказывается, немало. Во-первых, сам дом, в котором и жил А. С. Пушкин. Во-вторых, маленький дворик, который мы превратим в приветливый садцветник. В-третьих,— чудом сохранившийся сзади мемориального — еще один двухэтажный дом XIX века. А все вместе крохотный «пушкинский микромир». Да и это не все. Оказывается, по соседству — в доме № 55 — жил, когда бывал после революции в Москве, Александр Блок, а соседом с другой стороны — в доме № 51 — жил Андрей Белый. Знаменательное соседство! Налицо поэтический куст, объединяющий два века.

* * *

И вот, в один из ясных солнечных мартовских дней 1984 года я, как директор Государственного музея А. С. Пушкина, подписал акт о приеме от строителей и реставраторов дома, которому предстояло стать мемориальным музеем поэта, нашим филиалом. А потом обнялся с теми, кто подписал на стороне «сдающих». Собственно, об этом попросил фотокорреспондент, но, начав движение «официально», мы обнялись искренне, горячо. Потому что завершился большой пятилетний путь...

А потом все разошлись, разъехались, и я шел в одиночестве по гулким пустым прекрасным залам. Теперь закипит здесь новая работа. Начнет создаваться музей!

Во дворике, в маленьком нашем дворике, стесненном со всех сторон арбатскими громадами, копошился какой-то человек. Я узнал Деда. Он подкрашивал внутреннюю ограду. Удивительный человек. Я знаю его имя, отчество, фамилию — Алексей Иванович Романенко, только все зовут его — Дед. Ни за что не догадаться о его профессии. Столяр высшего мастерства. А когда надо, быстро решает самые разнообразные задачи. И с электрикой на «ты».

— Дед! Стекло бы вставить...
— А чего ж... Сделаем!
— Дед! Замки завтра врезать!
— Сделаем!..

Когда зимой метель заметала двор чуть ли не на метр, задолго до начала рабочего дня кто-то аккуратно разметал дорожки. И все знали: Дед.

Ему не так уж много лет. Не больше пятидесяти, но уж очень он обстоятельный, надежный, несущий в себе все знания и навыки рабочего человека.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Ну что, Алексей Иванович, конец?

Дед усмехнулся спокойно, доброжелательно, хитровато одновременно.

— Я так думаю: начало...

И верно, начало.

<1984 г.>

Публикация С. БАРИНОВОЙ.

Пушкин и его время

Скоро минет полтора века со дня гибели Пушкина, а жизнь и творчество его привлекают все большее и большее внимание специалистов-литературоведов, историков и самых широких читательских кругов. Этот феномен почти всеобщего интереса к поэту сам по себе необычайно показателен. Пушкин уже давно стал для народа не только выдающимся художником, чьи книги выходят совершенно фантастическими тиражами, но и человеком, жизнь которого переживается как жизнь близкого, со всеми ее взлетами, падениями, радостями и слезами. Не только сам Пушкин, но его родные, друзья, знакомые, словом, то, что объединяется именем «пушкинский круг», все более становится объектом пристального внимания и изучения. Как часто именно через Пушкина и его окружение познаем мы прошлое нашей страны — «пушкинское время», едва ли не самый известный не только специалистам отрезок отечественной истории XIX века.

«При имени Пушкина,— писал Гоголь,— тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным, это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в той же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

И вот почти сто пятьдесят лет люди изучают Пушкина, стремятся проникнуть в его тайну, приблизиться к его гению. А значит — как прозорлив был Гоголь! — стремятся понять русскую душу и русский характер, погрузиться в очарование русской природы и постичь всю лежащую за нами историческую цепь.

Каждый год приносит нам все новые работы о Пушкине. Уже давно пушкиноведение стало особой, очень авторитетной отраслью литературной науки, со своими великолепными достижениями, ставшими классическими исследованиями, со своими проблемами и полемикой. Отнюдь не претендуя на полноту списка, можно вспомнить такие книги последних лет, как переиздание трудов В. Вересаева «Пушкин в жизни» (к сожалению, необоснованно усеченное) и П. Анненкова «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений»; книгу Ю. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин» и его интереснейший комментарий к роману «Евгений Онегин»; исследование Н. Эйдельмана «Пушкину. История и современность в художественном сознании поэта»; составленный и подробно прокомментированный В. Куниным двухтомник «Друзья Пушкина»; работу С. Абрамович «Пушкин в 1836 году»; привлекли широкое внимание книги И. Фейнберга, В. Непомнящего, И. Ободовской и М. Дементьева, С. Селивановой, Н. Скатова, Е. Павловой, С. Гейченко и многих других писателей и литературоведов.

В пушкиноведении всегда был обострен интерес к факту, документу, архивному поиску. Именно благодаря такому повышенному, благородному вниманию к истине мы можем судить о пушкиноведении как о науке, мы можем говорить о школе отечественного пушкиноведения. И потому на периферии общественного сознания обычно остаются всякого рода беллетризованные, поэтизированные сочинения о Пушкине и его окружении; они порой появляются на страницах периодики, выходят и отдельными изданиями, но не они, а именно документальные исследования и публикации открывают нам Пушкина. И причина здесь не только в том, что достойно написать о жившем гении может только художник, адекватный ему талантом, но и в необъятности материала, и в особенностях пушкинского времени, суть которого проницательно определил профессор Лотман: «В редкую эпоху личная судьба человека была так тесно связана с историческими событиями — судьбами государств и народов,— как в годы жизни Пушкина».

Итак, на щите современной пушкинистики начертано «документальность», и ее высшие достижения связаны с этим девизом. Две книги, вышедшие в издательстве «Советская Россия», кстати, уделяющем большое внимание пушкинской теме, могут служить подтверждением сказанному.

«Парнасский мой отец» — словами Пушкина озаглавила свою работу Н. И. Михайлова. Так Пушкин называл Василия Львовича Пушкина, своего дядю, достаточно известного поэта круга Карамзина, своеобразного и характерного представителя того времени. Это первое вполне подробное исследование, посвященное В. Л. Пушкину, в котором автор поставил задачу предложить вниманию читателей некоторые гипотезы, привести представляющиеся интересными архивные материалы, объединить анализ произведений Василия Львовича Пушкина с рассказом о его жизни, его эпохе, его взаимоотношениях с племянником. Первая глава книги, «Мой брат двоюродный Буянов», не случайно открывается портретом В. Л. Пушкина, относящимся к началу XIX века, и портретом, который принято считать изображением Александра Пушкина-ребенка. Известно, какую роль сыграл Василий Львович в период детства поэта. Первый стихотворец, которого узнал Александр Пушкин и который ввел племянника в литературный круг, «с музами сосватал» — В. Л. Пушкин отвез племянника в Лицей, ходил на вступительные экзамены, познакомил с Пущиным, одним из первых оценил его поэтический дар,— словом, именно герой книги Н. Михайловой стоял у истоков судьбы гения. И уже потому интересна его личность. Но автор книги совершенно справедливо считает, что за этими хрестоматийными сведениями скрыты гораздо более глубокие внутренние связи, и анализ житейских и творческих отношений дяди и племянника становится одним из центральных сюжетов исследования.

Письма, воспоминания, стихотворные послания красноречиво говорят об отношениях двух Пушкиных. Изложенный материал отнюдь не представляется фрагментарным, как то излишне самокритично замечает автор. Напротив, тактично включенные в контекст повествования малоизвестные документы позволяют создать полнокровную картину общения Пушкиных. Конечно, если бы в распоряжении Н. И. Михайловой был исчезнувший архив Василия Львовича с несомненно имевшимися там письмами А. С. Пушкина, ее исследование обогатилось бы новыми деталями, но и сейчас оно подробно и интересно. Характерен, например, эпизод, в котором В. Л. Пушкин, старый полемист, выступил на защиту А. С. Пушкина, опубликовавшего 26 мая 1830 года знаменитое послание, обращенное к Н. Б. Юсупову,— одно из лучших, по словам Белинского, созданий пушкинского гения. Н. И. Михайлова переносит читателя в атмосферу журнальной полемики тридцатых годов, рассказывая о наделавшем много шума фельетоне Н. А. Полевого, направленном против этого стихотворения, его автора и адресата. Василий Львович не стал дожидаться «критики на Полевого» в газетах и журналах. Он защищал честь племянника, честь поэзии от нападок «злого и бранчливого журналиста» в послании «А. С. Пушкину»:

Пустые критики достоинств
не умалят;
Жуковский, Дмитриев
тебя и чтут, и хвалят;
Крылов и Вяземский
в числе твоих друзей;
Пиши и утешай их музою своей,
Наказывай глупцов, не говоря
ни слова,
Печатай им назло скорее
Годунова.

Удивительно достойный и добрый облик В. Л. Пушкина рисует Н. И. Михайлова, прослеживая его взаимоотношения с И. И. Дмитриевым, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, Е. А. Баратынским и другими современниками, рассказав об отношении Василия Львовича к «Арзамасу», его яростных схватках с шишковистами, обратившись к содержанию и судьбе его произведений. Видимо, книгу можно было дополнить сочинениями самого В. Л. Пушкина, не ограничивая раздел «Приложение» лишь очень интересными стихотворениями, Василию Львовичу посвященными. Это было бы тем более уместно, что Н. Михайлова серьезное внимание уделяет его творчеству, подробно анализируя, например, самую известную поэму В. Л. Пушкина «Опасный сосед», вышедшую последний раз отдельным изданием в 1922 году.

Ученые и писатели ныне пристально изучают подробности литературного быта пушкинской эпохи. Именно здесь, на границе и стыке собственно литературоведения, истории, краеведения и других наук, происходят порой удивительные фактические открытия, рождаются новые концепции, выдвигаются неожиданные, многообещающие гипотезы. Мы должны быть более внимательные к сочинениям порой забытых писателей — такой вывод можно сделать из наблюдений Михайловой над творчеством В. Л. Пушкина. «Парнасский мой отец» — одна из работ, безусловно, необходимых для всестороннего раскрытия темы «пушкинская Москва».

Это направление пушкинистики продолжает интересно развиваться во многих взаимно дополняющих друг друга жанрах и формах. Так, подготовка мемориального музея А. С. Пушкина на Арбате повлекла создание своеобразной книги С. Т. Овчинниковой «Пушкин в Москве». Это строго документальное исследование — летопись жизни Пушкина в Москве с 5 декабря 1830 года по 15 мая 1831 года.

Примерно через четыре месяца после кончины Василия Львовича Пушкин возвращается в Москву. С этого момента и начинается книга-хроника С. Овчинниковой. Буквально по дням расписано в ней пребывание поэта в столице; отмечены различные факты и события, связанные с Пушкиным, его друзьями, родственниками, единомышленниками. Но перед нами не только чрезвычайно добросовестно и скрупулезно систематизированный справочный материал, дополняющий известный труд М. А. Цявловского «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», доведенный до 1826 года. Книга С. Овчинниковой отличается тем, что в ней в хронологическом порядке смонтированы письма, выдержки из дневников, отрывки из статей и т. д., документально и потому необычайно искренне повествующие о жизни Пушкина в чрезвычайно важный для него московский период, совпадающий с женитьбой на Н. Н. Гончаровой. Читая эту книгу, еще раз убеждаешься, как много значит факт, документ, умело найденный, досконально осмысленный и использованный исследователем. Возможно, когда-нибудь так и будет создано полное жизнеописание Пушкина — исключительно из документов пушкинского времени, произведений и рисунков поэта.

Перед читателем книги проходят пять месяцев жизни Пушкина в доме Хитровой на Арбате. «Что было у него на душе?— задает вопрос Овчинникова. И отвечает: — Нетерпеливое ожидание свадьбы; нервное напряжение от постоянных сцен, которые устраивала ему мать невесты Наталья Ивановна; лихорадочные попытки достать деньги к свадьбе; тревога и беспокойство перед решительным поворотом в судьбе, перед неизвестностью...» Обо всем в книге в дальнейшем повествуется строгим языком точно отобранных фактов.

И все же среди всех собранных в работе Овчинниковой материалов выделяются письма самого Пушкина. Да, они давно известны, но как-то по-иному воспринимаются в контексте других писем, статей, дневниковых записей. И именно они лучше всего говорят о том состоянии души, которое пришло к Пушкину после стольких тяжелых, наполненных постоянными тревогами и хлопотами дней — 18 февраля 1831 года, когда он обвенчался с Натальей Николаевной в церкви Большого Вознесения. «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтобы ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился»,— пишет поэт Плетневу в Петербург. А еще через три месяца Пушкины уедут из Москвы в Петербург. Навсегда.

...Мы познакомились с двумя новыми книгами о поэте и его времени, подготовленными сотрудниками Государственного музея А. С. Пушкина. Они созданы в разных жанрах, но их, помимо темы, объединяют высокая компетентность, увлеченность и такт авторов — качества, которые всегда отличали значительные произведения отечественного пушкиноведения.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Виктор Викторов, один из старейших сотрудников «Огонька», во время войны, являясь корреспондентом газет Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов, рассказывал о героях боев, о трудном и славном ратном пути рядовых солдат и офицеров, освободителей Орла, Брянска, Риги.
Мы публикуем один из рассказов фронтового журналиста.

Строка в блокноте

В. ВИКТОРОВ

Хозяйство фронтового репортера незамысловато: блокноты, записные книжки, лаконичные отметки прошлого, зарубки памяти. Вот и у меня за годы войны накопилось таких зарубок немало, и иногда в свободный час я люблю перелистать увядшие странички. Многие записи, видимо, стерлись навсегда и не дают толчка моей мысли, но случаются и чудеса: прочтешь одну какую-нибудь строку, и вдруг время возвращается вспять, или, точнее, люди из прошлого, с которыми я когда-то беседовал, о которых собирался писать, оказываются рядом, в дне сегодняшнем, и ты по-новому видишь их, совсем иначе, чем прежде, воспринимаешь. Вот такое чудо я и испытал недавно, перелистывая один из последних своих фронтовых блокнотов.

Я заметил, что к военным записям мы обращаемся все реже, может быть, потому, что они неизбежно заслоняются впечатлениями последующих лет. Так новые записные книжки отодвигают старые все дальше в глубину шкафа. Об этом я и подумал, пытаясь вспомнить, что же таится за словами «просто бой». Записанная, наверное, впопыхах, размашисто и не очень разборчиво, эта строка мне не говорила ничего, но чем упорнее я в нее вчитывался, тем больше поражался ее удивительной объемности и сложной простоте. «Просто бой». Разве бой может быть простым? По нашим сегодняшним представлениям эта коротенькая фраза парадоксальна. Ведь бой — это высочайшее напряжение всех человеческих сил. Какая же тут простота? Но от этого неожиданного сочетания двух слов веяло чем-то очень памятным, близким и влекло меня в военное прошлое. Да, тогда бой был простым, обычным делом, буднями войны. Но почему же меня так поразила эта фраза? Почему я записал ее в блокноте? О ком она говорила? Кто рвется ко мне в день сегодняшний из далекого фронтового дня? И, может быть, я никогда бы не получил ответа на эти вопросы, если бы, уже отчаявшись, не перевернул пожелтевшую блокнотную страницу и не прочел на следующей странице другую запись: «Медсанбат на берегу Двины» — и в одно мгновение эти две, казалось бы, разрозненные записи слились воедино...

Какое нежное лето выдалось в том сорок четвертом году! Какой аромат источал придорожный вереск, как щекотал лицо золотистый песочек! Войска стремились к Риге не только по шоссе, но и по проселкам, и мертвые немецкие минеры лежали на перекрестках, раскинув ноги, словно умаявшись. Под древними стенами укромных хуторов валялись каски, противогазы, фотографии, листовки, окровавленные бинты.

Сперва мне повезло — удалось устроиться на бронетранспортере, и я смог собрать нужный фронтовой газете материал, как говорится, из первоисточника — от наступающих танкистов. Но для газетчика, как и для разведчика, главная проблема — связь, а где же найдешь телеграф, сидя на броне? Вот и пришлось возвращаться в редакцию, и меня утешало лишь одно: на попутном «виллисе» я добрался до тылов танковой части, и надеялся, отписавшись, вернуться сюда снова, чтобы на любой машине добраться до передовой.

Всего лишь день я провел в редакции, даже не распаковав вещевого мешка. И запомнилась мне та мимолетная передышка лишь руладами Лещенко с трофейной пластинки, которую без устали крутили наши корректорши. «Ты и эта гитара, неразлучная пара и шампанского чара и на сердце весна». Но война уже давно разлучила нас с женами и невестами, да и о шампанском нам оставалось только мечтать.

Вот о чем я вспоминал на знойных латвийских перекрестках, возвращаясь к танкистам. Укромный проселок вился по сосновому бору, словно повторяя переливы птичьих голосов, и такая тишина, такой покой царили здесь, будто войны не было в помине. Но, приглядевшись к дороге, я заметил следы танковых траков, темные капли не то мазута, не то крови, обгоревший танкистский шлем, а потом увидел шлагбаум, перегородивший лесной перелесок, а за шлагбаумом задымленный Т-34. И какой-то танкист, мокрый, словно он только что выскочил из раскаленной машины, требовал инструмент.

«Вот и хорошо,— подумал я.— Теперь до возвращения на передовую я смогу получить новый материал, надо только разыскать командира—и дело в шляпе». Но тут я просчитался: командира поврежденного танка я обнаружил без особого труда, но он крепко спал, уткнувшись в измазанную мазутом траву, и все попытки танкиста доложить ему, что инструмент, нужный для ремонта, он принес, успеха не имели.

Сколько лет прошло, а я и сегодня вижу поразившую меня сцену: подбитый танк, рядом с ним безмятежно спящий командир и полный азартной энергии член его экипажа, кричащий в самое лейтенантское ухо: «Достал я инструмент, достал».

— Зачем же вы командира тревожите,— попытался я его вразумить,— вдвоем все равно много не наработаете.— Но танкист не очень вежливо отмахнулся от меня:

— Ребята сейчас подойдут.

— Что, тоже отдыхают? — попытался я завязать беседу.

— Да нет, они в медсанбате. Ожоги лечат.

— И они смогут вам помочь?

— А чего? У них ожоги легкие.

— Легкие? — усомнился я.

— Не сомневайтесь, легкие,— успокоил меня танкист.— Мы по ожогам спецы.

И действительно, еще два танкиста тут же появились у машины. И один из них, маленький сержант с перевязанными ладонями, подозрительно оглядев меня, спросил:

— Вы, извиняюсь, кто будете? — а узнав, что я из фронтовой газеты, стал объяснять, что они за двое суток столько боевых комплектов израсходовали, что командира сейчас не добудишься.

— Так вы его замените,— предложил я без всякой надежды. Что может рассказать солдат, только что вышедший из боя, мне было хорошо известно, а лейтенант спал, по-мальчишески щуплый и в своем разорванном, обгорелом комбинезоне был похож на напроказившего сорванца. И вдруг он рывком перевернулся на спину и, не открывая глаз, спросил:

— Пахомов, ты здесь? Заправились? Зарядились? Можно ехать?

— Это он со сна,— доверительно шепнул мне тот танкист, который пытался его будить.— Думает, что машина на заправке.— И, наклонившись, доложил: — Тут к вам из газеты.

И тогда я увидел глаза лейтенанта. Они были неправдоподобно белые в черных глазницах.

— Вы ко мне, товарищ капитан? — спросил он спокойным тоном.— Простите, я сейчас.— Он стал, не торопясь, подниматься и вдруг стремительно вскочил: — Пахомов, что с машиной? — крикнул он яростно, затягивая пояс, и, не дождавшись ответа, горестно вздохнул.— Надо же, бок подставил. Где ремонтники? Почему не работают?

— Все у машины Петрова,— доложил Пахомов.— Дыру изучают. Как будто новый снаряд фрицы придумали.

— Петрова подбили? — строго спросил лейтенант.—А сам он где?

— Да в медсанбате,—сказал маленький танкист с перевязанными ладонями.— Только что его видел. Ноги у него нет.

— Нет ноги?—закричал пронзительно лейтенант.— Володька без ноги? Володька Петров?

И я понял, что с командиром танка, хоть он и проснулся, сейчас не поговоришь. Понял, и все же попросил:

— Вы хотя бы вкратце расскажите, как было дело.

— В газете хотите меня описать? — грозно спросил лейтенант.— За что же мне такая честь? За то, что я танк повредил? За то, что друга не уберег? Вы о Петрове напишите. Володька, друг!— закричал он рыдающим голосом и тут же совершенно спокойно приказал: — Пахомов, веди капитана в медсанбат. Одной ногой туда, другой обратно... Одной ногой,— повторил он,— одной ногой.— И заплакал.

А мне стало не по себе от своей настойчивости: разве можно приставать к человеку, подавленному невероятной усталостью и горем. Нет, человеку можно приказать идти в бой, но нельзя приказать рассказывать об этом бое. Тут армейские уставы не властны. И все же по дороге в медсанбат я снова попытался у сопровождавшего меня танкиста узнать подробности происшедших на поле боя событий, но услышал лишь одно:

— Шли, вели огонь, с пехотинцами ругались: они вечно под гусеницы лезут...

— А как Петрова подбили, вы видели?

— Да как увидишь? Он же шел правее метров на пятьсот. Наш с ним связь держал. «Володька, почему огонь не ведешь?»—спросил, а ответа нет. Вот лейтенант и приказал изменить направление, хотел к Петрову подойти, ну и на бронебойщика нарвался.— А я слушал это так хорошо мне знакомое: шли, вели огонь,— и думал: как об этом писать?

— Вот через лесок пройдем, так ближе,— предложил Пахомов. И когда показались объемистые палатки медсанбата, добавил: — Трудная у вас работа — писать. Вы уж меня извините.

Медсанбат жил своей хорошо знакомой мне жизнью. Молодой хирург с высоко закатанными рукавами запятнанного кровью халата вышел покурить и задумчиво поглядывал на искрящееся русло реки. Сестра-хозяйка переругивалась с поваром. Заплаканная девчонка-санинструктор в запыленной гимнастерке, видимо, доставившая раненых, искала своего шофера. Какой-то начальник в белом халате совершал обход под почтительным эскортом нескольких офицеров — пойди разбери, какого он звания.

— Вы к кому? — спросил он ме-

ня, и я, предъявив свое редакционное удостоверение, сказал, что ищу танкиста, лейтенанта Петрова.

— Когда привезли, знаете? — спросил начальник и, полуобернувшись, приказал одному из сопровождающих: — Помогите товарищу капитану.

— А тут нечего помогать, товарищ майор,— сказал офицер,— это тот Петров, который сам прикатил на своем танке.

— Так это для него палатку освобождали? — спросил майор и с недоумением посмотрел на меня.— А вы к нему с какой целью? Поговорить с ним не удастся.

— Вы знаете, товарищ майор, в нашем деле посмотреть иногда даже лучше, чем поговорить,— сказал я.

— Ну если так, то прошу.— И майор сам повел меня к палатке, стоявшей на отшибе.— Вот он.— И показал на койку, у которой сидела медсестра.— Мы сделали все, что могли, но, кажется, проиграли.

Согнувшись, запустив пальцы в густые рыжие волосы, медсестра раскачивалась из стороны в сторону, и это, видимо, удивило не только меня, но и начальника медсанбата, потому что, растерянно остановившись у входа, он спросил громким шепотом: «Миронова, что с вами?» Но девушка молчала и продолжала раскачиваться в том же ритме.

— Ну ладно, разбирайтесь сами,— сказал майор,— у меня обход.— И он вышел, хлопнув брезентовым пологом палатки. И девушка, вздрогнув от щелчка палаточного полога, уставилась на меня.

— Вы к нему? — спросила она и показала на койку, с которой доносились стоны.— Из политуправления? Хотите составить боевое донесение? Подвиг лейтенанта Петрова? Правильно? Угадала? — Ее слова были спокойны, даже чуть-чуть насмешливы, но ее усыпанное веснушками лицо искажено страданием.— Если так, то советую поторопиться.

— А он нас слышит? — шепотом спросил я.

— Все время проваливается, а потом возвращается. Сейчас не слышит.— И девушка склонилась над койкой, всматриваясь в то, что лежало там, укрытое простыней.

— А вы тоже проваливаетесь,— сказал я.— Тут майор приходил, спрашивал, что с вами, а вы и не услышали.

— Майор приходил? — встрепенулась девушка.— Ах, нехорошо. Очень нехорошо.

— Вы что, знакомы с Петровым? — спросил я.

— Не помню... Кажется, нет,— покачала головой девушка.— Нет, лично я не смогу быть вам полезной.

— Я из редакции,— сказал я.

— Тогда тем более не смогу. Вот о медсанбате пожалуйста.

— А я подумал, что вы знакомы,— сказал я.— Так горюют только о близком человеке.

— Они для меня все близкие. Вы, наверное, о санинструкторах не писали?

— Нет, писал,— сказал я, пытаясь разобраться в том, чем вызвано ее отчаяние.— Если вы будете так отчаиваться, вас ненадолго хватит.

У нее были пышные, коротко остриженные волосы, перешитая по фигуре гимнастерка, шевровые сапожки — все как положено по фронтовой моде,— и все это совсем не вязалось с ее отчаянием, которое она и не пыталась скрывать.

Петров был таким же маленьким, как и тот, другой, который спал у своего подбитого танка, и девушка, стирая пот с его лба, смачивая водой пересохшие губы, поглядывала на меня укоризненно. Может, она по каким-то причинам не хочет признаться, что знает Петрова? Может, это ее нареченный? А может, муж?..

Сейчас я вспомнил, что тогда эта неожиданная мысль обострила мой интерес к медсестре и я спросил ее, многих ли она вытащила из огня на своих плечах.

— Почему только на плечах? — сказала она.— На чем придется вытаскивала.— Но тут раненый вдруг страшно вскрикнул, и она, словно устыдившись, что отвлеклась, бросилась к нему, пересела на койку, шепча что-то успокаивающее, ласковое, а потом обернулась и сказала:

— Вы бы шли, товарищ капитан. Сейчас врач придет.

И вдруг раненый лейтенант перестал стонать, открыл глаза и сказал:

— Мне повезло... сестричка. Не обгорел я... Больше всего боялся обгореть... А вот не обгорел...— И эти слова поразили меня. «Он еще говорит о везении,— подумал я.— Об этом же невозможно написать».

— Смирнов где? — прошелестел раненый.— Вы не знаете, жив Смирнов?.. Он на машине номер полсотни пятьдесят воюет... Скажите ему, не обгорел я. Не обгорел... Обязательно скажите.— А рыжеволосая медсестра все так же раскачивалась из стороны в сторону, не скрывая своего отчаяния.

Надо ему сказать, что это Смирнов послал меня. Надо сказать, что Смирнов жив. Это может вернуть мальчику хотя бы капельку сил. Все это я понимал, но слова не мог выдавить.

— Почему лейтенант один в палатке?—спросил я медсестру, чтобы хоть как-то прервать затянувшееся молчание, но девушка лишь досадливо пожала плечами.

— И все вас, газетчиков, интересует. До всего вам дело. Это же морг,— прошептала она.— Понимаете, морг. За палаткой трое лежат. Если он выживет, его перенесут в общую палатку, а если нет, то присоединят к нему тех троих.

«Как она спокойно говорит об этом,— отметил я.— Такое отчаяние и такое равнодушие. Но разве можно требовать на войне от врачей и сестер горячего сочувствия к каждому уходящему? Да у них же никаких сил на это не хватит!»

А лейтенант Петров снова заговорил:

— Сестричка... Как Лешка Смирнов?.. Жив?.. Ты здесь, сестричка?.. Подожди... Не уходи...

— Куда же я от тебя уйду,— сказала девушка.— Смирнов тебе привет передает. Ты слышишь меня? Расскажи, как это случилось.— Но лейтенант молчал. А потом его белые губы разомкнулись, и я услышал: «Ничего... Ничего не случилось... Просто бой».

Просто бой! Вот эти два слова и оказались в моем блокноте. Просто бой. И больше ничего. Вот как все было тогда просто, так просто, что я и забыл, с чем связаны эти слова.

Сейчас мне непонятно, как я мог забыть лейтенанта Петрова, как мог ничего не записать в своем блокноте о девушке, которую встретил у его смертного ложа. И я вдруг вспомнил, что, когда записывал последние слова Петрова «Просто бой», она заслонила от меня умирающего, и ее волосы, пронзенные солнечными лучами, проникшими в палатку, взметнулись огненным нимбом.

— Он же кончается. Разве вы не видите, что он кончается? — прошептала она.— Идите. Сейчас врач придет.— И тут же прошуршали шаги врача, но прежде чем он успел подойти к койке, лейтенант открыл глаза и сказал очень отчетливо, явно обращаясь ко мне:

— Скажите... Смирнову, что мне... повезло... Очень повезло...— И он замолк, а врач припал к его груди, взял его руку и бросил медсестре:

— Все!

Я вышел из палатки вслед за ней и был оглушен солнечным блеском реки, жаром горячего песка, лаем щенка, бросающегося под колеса подъезжающей санитарной машины. Сам не зная для чего, я брел за девушкой, а она вдруг остановилась посреди песчаной пробитой машинами дороги, а затем со всех ног кинулась в сторону, в лесок, и рухнула ничком на сосновую подстилку. Спина ее, обтянутая обуженной гимнастеркой, содрогалась от рыданий.

— Миронова, что с вами? — автоматически повторил я вопрос командира медсанбата. Нет, она, конечно же, знала лейтенанта. Но как бы в ответ на эту догадку услышал ее совершенно спокойный голос:

— Да ничего, просто скончался еще один.— И она уселась, опираясь на ствол сосны, и стала разглядывать в зеркальце свое опухшее от слез лицо. «Ее веснушки от слез стали еще крупнее»,— подумал я, усаживаясь с ней рядом, а она, искоса взглянув на меня, спросила:

— Что же, о Петрове так и не напишете?

— Нет, не напишу. Я ничего о нем не знаю. А вы так и не помогли мне узнать.

— Ничего, придумаете. Вы же придумали, что я его девушка. Признайтесь, придумали?

Как поразительно сочетались в ней девичья ранимость и фронтовой цинизм. «Вот она война,— подумал я тогда,— темные, загадочные ее закоулки».

А девушка между тем продолжала меня укорять.

— Я знаю, вы не теряетесь,— сказала она.—Пообтерлись на войне. А я вот никак не могу. Ничего у меня не получается. Как ни стараюсь.— И в ее голосе снова прозвенели слезы. «Нет, она все-таки его девушка. Только об этом даже заикнуться нельзя»,— подумал я и сказал:

— Столько девушек привыкли, а вы не смогли.

— Да, не смогла,— сказала Миронова.— Не могу я так: вытащила раненого — и будь здоров. Для того, чтобы привыкнуть к войне, надо, наверное, смерти не бояться. Надо быть бесстрашным.

— Ну, а Петров? Он был бесстрашным?

— Ну какой же он бесстрашный. Вы же слышали, все боялся сгореть... А я спасать раненых так и не научилась. Когда каждого умершего оплакиваешь, то много не наспасаешь.— И вдруг, оборвав себя, спросила: — Вам что, не приходилось видеть, как танк горит, как в нем ребята погибают?— И тут же добавила: — Ну как, сгодится вам наша беседа, капитан? Благодарность в приказе получите или выговор?..— И вдруг вскочила, отряхнула сосновые иглы со своей юбочки и бросила на бегу: — Новых привезли. Будьте здоровы.

...Очерк о командирах танков Владимире Петрове и его друге Алексее Смирнове я все же написал. В штабе танковой бригады мне удалось встретить офицера, который знал их лично, но о Светлане Мироновой в том очерке не было ни слова.

Письмо от Светы Мироновой я получил чуть ли не через полгода после описываемых событий. Сейчас я нашел его в своем фронтовом архиве.

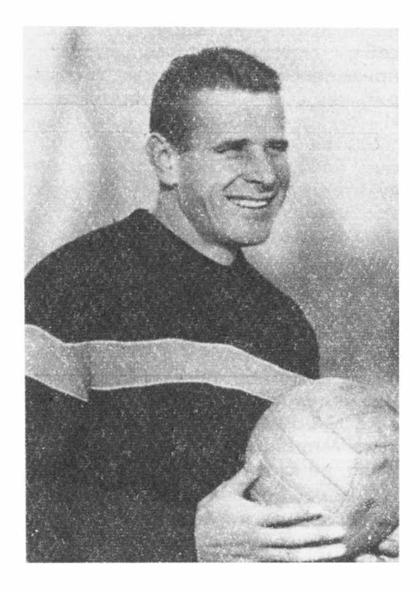
«Здравствуйте, товарищ капитан, извините, не знаю вашего имени-отчества,— писала Света Миронова,— да и фамилию вашу узнала, только прочитав вашу статью. Номер газеты с вашей статьей мне переслал мой муж Алексей Смирнов. Помните такого? Он еще вас к Петрову в медсанбат послал. Ваша статья о многом мне напомнила. Если вас мое житье интересует, то оно течет обычно. Из действующей армии меня отчислили по причине беременности. Сейчас жду дня родов и тревожусь за мужа. Его тяжело ранило при взятии Риги. Помните, Петров, умирая, считал, что ему повезло, потому что он не сгорел. Так вот Леше не повезло: обгорел сильно, как и положено танкисту. Особенно пострадало лицо, я его красивым почти и не видела. Но разве в этом счастье? Лишь бы живым вернулся. Я хоть и в тылу, а все равно чувствую себя на фронте, ведь все, что пришлось пережить, никогда не забудется. Часто вспоминаю бригаду, медсанбат и наш разговор. Я тогда много лишнего наговорила, уж больно смерть Петрова меня потрясла да и вы разозлили. Леша на его похоронах не был, он в бой ушел, а когда вернулся заправляться, пришел в медсанбат и меня обо всем расспрашивал. Он так сокрушался, что я не знала, как его успокоить. Так мы и познакомились. Затем желаю успехов в вашей нужной работе с надеждой, что вы еще помните Свету Миронову».

Тогда, на фронте, я несколько раз перечел письмо Светы Мироновой. Она окончательно опровергла все мои догадки, но какое это имело значение? Лейтенант Петров скончался в своей «персональной» палатке, медсестра Миронова вышла замуж за его друга лейтенанта Смирнова, и если бы я попал в медсанбат танковой бригады месяцем позже, то действительно застал бы ее у постели близкого ей человека.

Теперь-то я понимаю: Свету Миронову пугала наша мужская рассудочность. Она ей казалась страшнее любых ранений. И лейтенанта Смирнова Света, наверное, полюбила, потому что почувствовала его душевную ранимость.

Нет, бой — это совсем не просто, теперь-то мы это понимаем. Но должен ли я был рассказать своим фронтовым читателям о девушке, которая никак не могла привыкнуть к войне? Нет, даже если бы я и понял сразу Свету Миронову, рассказывать о ней было бы тогда преждевременно. Сейчас же она так ярко вырисовалась передо мной, словно я только что вышел вместе с ней из палатки медсанбата на солнечный берег Даугавы. Вот мне и захотелось осветить этим немеркнущим светом и девушку по имени Света, и одну строку в своем фронтовом блокноте.

ЛИЦОМ К

Лев ЯШИН,
заслуженный мастер спорта

●

Жизнь дала мне возможность увидеть в деле многих противостоявших нашему «Динамо» и нашей сборной форвардов. Среди них были подлинные виртуозы кожаного мяча. О них мне и хочется рассказать.

Наше футбольное время было щедро на таланты. Оно выдвигало игроков, которыми восхищался весь мир. Среди них, бесспорно, особое место занял Эдик Стрельцов. Да, не Эдуард, а Эдик — так мы его все в ту пору называли, таким он и остался в моей памяти — молодым, звонким, неповторимым.

Появился он в команде московского «Торпедо». Этот клуб, добивавшийся немалых успехов и в довоенную пору, и в первые послевоенные годы, в середине пятидесятых переживал смутное время. Закончил свою блестящую карьеру Александр Пономарев, ушли с поля братья Жарковы, Севидов, Морозов, Мошкаркин. Доигрывали последние дни их именитые партнеры — Гомес, Соломатин, Сочнев, Чайко. В чемпионате пятьдесят четвертого команда уныло плелась где-то ближе к концу турнирной таблицы. В первом круге мы довольно легко обыграли автозаводцев.

И вот жребий снова свел нас с «Торпедо». От этой встречи зависело все: выигрыш выводил нас сразу на высшую ступень пьедестала почета, проигрыш позволял «Спартаку» догнать нас.

И вот вопреки всем прогнозам матч получился едва ли не самым трудным в сезоне. Нападение автозаводцев буквально терзало нашу оборону. Особенно неистовствовал поставленный в центр русоголовый парень. Он забил мне два гола (на которые, к счастью, мы ответили тремя), и еще несколько его ударов я парировал с огромным трудом.

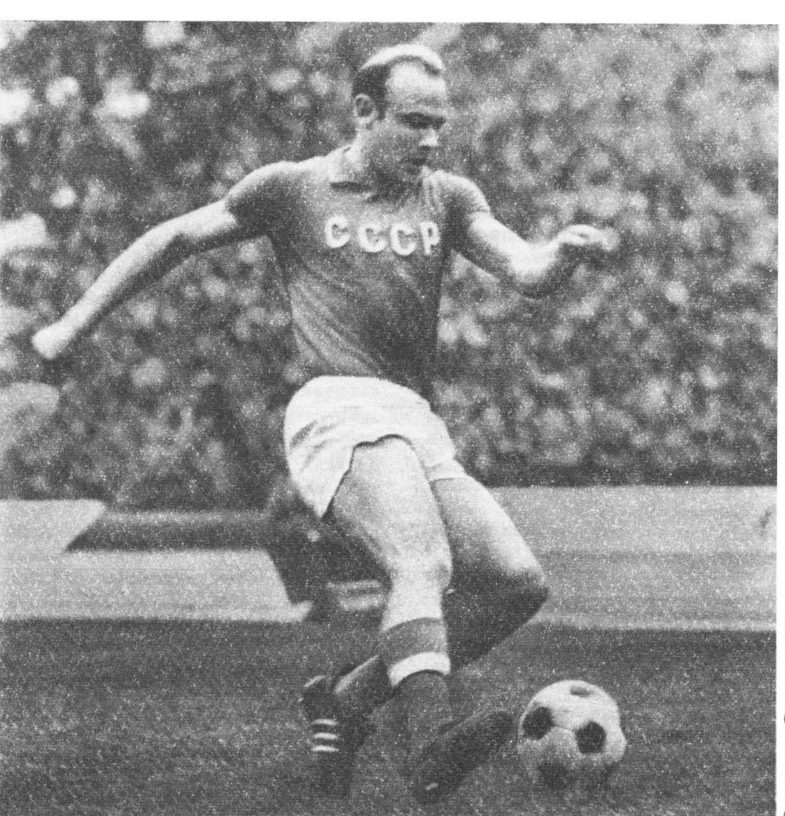
— Что ж вы не держите этого пацана? — кричал я в запальчивости защитникам.

После одного из таких риторических вопросов обычно предельно сдержанный Крижевский, не поворачивая ко мне головы, огрызнулся:

— Выходи, держи сам. Я не могу...

Такое признание в устах самолюбивого, знающего себе цену гроссмейстера звучало по меньшей мере странно. Во всяком случае, оно меня удивило. Откуда было мне знать тогда, что виню форварда, перед которым окажутся беспомощными лучшие защитники Польши, Швеции, Дании, ФРГ, Болгарии, Румынии, Венгрии, Англии...

Стрельцов! Скажу откровенно, таких одаренных футболистов я больше не знаю, хотя повидал на своем веку немало. Уверен, не случись с ним накануне чемпионата мира 1958 года беда, отлучившая его на семь лет от зеленого поля, он бы проявил себя на стадионах Швеции ничуть не меньше, чем Пеле, Гарринча или Фонтен...

Эдуард Стрельцов.

В футболе для Эдика не было ничего сложного, ничего загадочного и недоступного. Сравнить его можно разве что только с Всеволодом Бобровым — та же удивительная простота исполнения, та же естественность, непринужденность действий в любых ситуациях и против любых соперников. Он счастливо сочетал качество тарана с удивительными диспетчерскими способностями. Передачи Эдика изумляли своей точностью и непредсказуемостью. Уж на что был скуп на похвалы Михаил Иосифович Якушин, уж на что не любил он завышенных оценок и громких фраз, но и он после одного матча, в котором Эдик, растерзав нашу защиту, забил за пять минут два гола, сказал:

— Ну, такого игрока я еще, кажется, не видел. Далеко пойдет...

Лидер торпедовского нападения на поле отличался редким хладнокровием, мог резко стартовать с места, великолепно прыгал, обладал сильным и точным ударом с обеих ног, который производил без подготовки и из самых сложных, порой немыслимых положений. К тому же он прекрасно взаимодействовал с партнерами, особенно с Валентином Ивановым, и никогда нельзя было знать: то ли он сам «выстрелит», то ли сыграет в пас.

Он постоянно что-то изобретал, вносил новые элементы в технику игры. Вот как он сам пишет об этом в своей книге «Вижу поле», которую, к сожалению, наша пресса не заметила. Во всяком случае, я ни одной рецензии о ней не читал. Это очень тонкая, очень искренняя книга, как, впрочем, искренне все, что делал этот человек.

«...Приемы теперь все чаще возникали для меня из самой игры,— писал Стрельцов,— и оказывались поинтереснее, чем разученные на тренировках, вернее, когда-то разученное видоизменялось в ходе игры до неузнаваемого. И в таком варианте принималось на вооружение для дальнейшего.

Ну, вот за пас пятной меня чаще всего хвалили. Столько лет он получался у меня неожиданным для обороняющихся и своевременным для партнера, например, Юры Савченко, когда он решающий гол «Пахтакору» забил в финале кубка шестьдесят восьмого года.

А как он возник у меня, появился, этот пас? Неожиданно — я его не практиковал до игры с «Динамо» в первом круге первенства пятьдесят шестого года.

Нам с московскими динамовцами в те годы очень трудно игралось. Мы с Кузьмой считали, что Леве Яшину забить просто невозможно. Про себя, конечно, считали. Вслух не говорили — забивать-то надо, мы форварды, на нас надеются. Но как забить — не знаем. Доходим до его ворот — начинаем мудрить. Не можем никак принять окончательное решение: когда бить...

...Иду с мячом вдоль линии штрафной. Лева, как всегда, стал смещаться. А вся защита двинулась за мной. Кузьма остался сзади, за нами не пошел (с таким партнером всегда знаешь, что он в той или иной ситуации сделает, абсолютно ему доверяешь и смело идешь от обстановки к своему, к нашему, то есть общему, решению — и сейчас я не вижу, но точно знаю, что Кузьма остался...). Я довел защитников до дальней штанги. И мягко так откинул пяткой — мыском же здесь не сыграешь, правда? — мяч Кузьме...

Он прямо и влепил в «девятку» динамовских ворот.

Я к нему бросился, говорю: «Вот как только можно Леве забивать».

Должен сказать, что меня это описание потрясло. И вот чем. Эпизод произошел в пятьдесят шестом, книга вышла в восемьдесят втором. А передано все с максимальной достоверностью, словно играли мы только вчера. Значит, все, что происходило на поле, оставалось в нем, как остаются в каждом художнике лучшие образцы его творчества.

В современном футболе и один-то пропущенный сезон — катастрофа. Даже если это происходит из-за травмы, а Стрельцов исчез на семь сезонов. И, честно говоря, я не думал, что увижу когда-нибудь его перед своими воротами. Но в шестьдесят пятом он снова забил мне гол. И этот гол я помню так же отчетливо, как и все остальные голы, забитые им. Это не красивые слова, а истинная правда. Потому что пока Эдик выступал, он оставался тем, кем был всегда,— неувядаемым Стрельцовым. Он вновь завоевал право играть в сборной.

Хочу отметить в нем еще одну черту: Эдик удивительно бережно относился к вратарям. Как бы ни нужен был его команде гол, какая бы ситуация ни складывалась в игре, Стрельцов никогда не позволял себе никакого нарушения футбольного этикета. Если я бросался ему в ноги, он немедля перепрыгивал через меня с ходу, чтобы не дай бог задеть. Он был выше того, чтобы попытаться выбить мяч из твоих рук или допустить иную грубость. А сколько раз, бывало, он подбегал ко мне после того, как я ловил или отбивал посланный им в ворота мяч, чтобы сказать: «Хорошо сыграно!» Или: «Классно взял».

Он забывал в данный миг о своей личной неудаче, о неудаче своей команды, для него мастерство и красота футбола были дороже всего.

Кузьма, о котором упоминает в приведенном мною выше отрывке из своей книги Стрельцов,— это ныне заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер РСФСР Валентин Козьмич Иванов, а в ту пору — просто Валя.

О Валентине Иванове писать очень трудно. Потому что о нем уже и до меня много сказано в нашей спортивной литературе — хорошего, заслуженного, верного. Да и сам он несколько лет назад предстал перед нами как автор книги «Центральный круг», в которой встречаешь немало интересных мыслей и наблюдений. И все-таки не сказать своего слова об этом выдающемся спортсмене я не могу. Лицом к лицу мы с ним сходились не раз.

Есть имена, которые не мыслишь себе вне какой-то конкретной среды. Валя Иванов — истинный автозаводец. Он пришел в «Торпедо» еще в сорок восьмом году четырнадцатилетним мальчишкой, в восемнадцать был введен в основной состав и оставал-

ся в нем неизменно на протяжении полутора десятков лет, из которых около десяти был капитаном команды, а главное — ее душой, ее признанным лидером, ее «камертоном», по которому настраивалось все «Торпедо», который определял тональность исполняемых им партий. Того «Торпедо», которое было четвертой в нашей истории командой (после «Динамо», «Спартака» и ЦДКА), сделавшей в шестидесятом «дубль», ставшей в шестидесятые годы признанным лидером отечественного футбола, радовавшей людей необыкновенно красивой, изящной игрой. Первой скрипкой в том прекрасном футбольном оркестре был Валя.

О нем писали не раз как о выдающемся дирижере «Торпедо». Правильно. Писали как о тонком, филигранном технике. Тоже правильно. Писали как о человеке, умевшем забить самый важный, самый ценный для команды, решающий гол. И это бесспорно. Но все-таки из всех его достоинств я бы особо выделил одно — его необыкновенное умение выбирать место и «отрываться» от соперника.

Тут мне бы хотелось сделать небольшое лирическое отступление. В последнее время у нас стали много размышлять над причиной резкого снижения результативности нападающих. При этом пишут и говорят о постановке удара по воротам, о неумении наших форвардов сильно и точно поразить цель. Но на таком ли низком уровне это умение? Придите на тренировку любой из наших команд высшей лиги, и вы с удивлением будете вынуждены признать, что это совсем не так. Вы увидите, как довольно точно попадают в ворота ваши старые знакомые — те, у кого в официальных играх результативность остается на неизменном нуле. Более того, вашему взору представится, что на учебных занятиях многие из них умеют бить не только из статического положения, но и в движении, с хода, с высоких и низких передач... Но наступает время матча, и все это исчезает, словно по мановению волшебной палочки.

В чем же причина? А все дело в том, что наши знакомые в состязаниях на первенство страны, на Кубок или в других официальных встречах постоянно находятся в теснейшем контакте с защитниками противоборствующей стороны и не имеют порой даже сотой доли секунды для того, чтобы произвести прицельный удар.

Хорошо играть без мяча! Это едва ли не самое сложное и самое главное в футболе. Вот этим высшим футбольным искусством в совершенстве владел Валентин Иванов. Я выступал против него много лет и никогда не переставал удивляться этому умению. Вот все сгрудились друг возле друга, все разобраны по парам, кажется, нет ни одного свободного места, даже ни одной щели в обороне, и вдруг ты замечаешь в стороне от общей свалки одинокого, словно спустившегося с небес Иванова. Вот он получает мяч и спокойно наносит удар, и ты уже бессилен что-либо сделать.

— Опять защитники упустили Иванова! — кричали в таких случаях зрители. Но дело было не в просчете защитников, а в высоком искусстве форварда, умевшего то ли молниеносным рывком, то ли неожиданным, незаметным, тихим смещением, то ли несколькими обманными движениями выйти на удобную, открытую огневую позицию.

Валентин Иванов (справа). Фото А. БОЧИНИНА

ЛИЦУ С ФОРВАРДАМИ

И еще одно качество отличало этого спортсмена: он был прирожденным вожаком. Ничем не отличавшийся внешне от своих партнеров, разве что более хрупким телосложением, Валентин пользовался среди них неограниченным авторитетом, огромным моральным влиянием.

«Интересно, как сегодня сыграет Иванов?» — раздавалось у нас в команде каждый раз, когда предстояла встреча с автозаводцами. И это не было праздным вопросом. «Как сыграет Иванов?» — значило как сыграет команда. И нужно сказать, что он почти всегда достойно справлялся со своей трудной ролью лидера. Он вел за собой товарищей вперед, в атаку.

Вместе с ним мы провели много лет в составе сборной команды страны. Он участник Олимпийских игр 1956 года, обладатель Кубка Европы 1960 года, участник финальных турниров чемпионата мира 1958 и 1962 годов... Думаю, что эти факты говорят сами за себя и не нуждаются ни в каких пояснениях.

Сейчас, вот уже много лет Валентин Козьмич работает старшим тренером своей родной команды «Торпедо». Под его руководством она стала чемпионом СССР 1976 года (осень) и обладателем Кубка 1978 года. Последнее время успехи куда скромнее. Иванов очень переживает, вздыхает о тех временах, когда сам был на поле. Однажды, когда коллективу было совсем тяжело, он сказал:

— Эх, дали бы мне сейчас одного Иванова и одного Стрельцова, горя бы не знал...

Конечно, не одними «звездами» живет наша игра. Средние спортсмены вполне имеют право на существование, они способны бороться за очки и могут даже становиться чемпионами, но они не скажут нового слова в футболе и не вызовут ликования в душах людей, не сделают матчи яркими футбольными спектаклями, которые запоминаются навсегда, рассказы о которых передаются из поколения в поколение. И уж, конечно, только наличие «звезд» может создать сильную сборную, способную достойно представлять футбол своей страны. Велика роль тренеров и различных спортивных организаторов. Но мы никогда бы не добились ни звания олимпийских чемпионов, ни лучшей команды Европы, ни бронзового призера чемпионата мира, не будь у нас Альберта Шестернева и Валерия Воронина, Игоря Нетто и Юрия Войнова, Эдуарда Стрельцова и Валентина Иванова, Славы Метревели и Михаила Месхи... Эти и им равные великие актеры зеленого поля прославили советский футбол, утвердили его высокий международный авторитет, его красоту, силу и самобытность.

Я вспоминаю об этих выдающихся мастерах с вполне понятной гордостью, но и с грустью, потому что равноценной замены им сегодня пока еще нет. Почему? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно, вероятно, написать не одну книгу. Но совершенно очевидно, что если мы хотим продвигаться вперед, добиваться новых успехов, видеть переполненные трибуны наших стадионов, мы должны всесторонне продумать и решить вопрос о воспитании ярких футбольных индивидуальностей.

Я, конечно же, не открываю никаких америк. Вся история этой игры, если изучить ее внимательно, это прежде всего история людей, в полной мере овладевших таинствами футбола. За великими сборными Уругвая, Италии, ФРГ, Бразилии, Англии, Аргентины, становившихся чемпионами мира, возвышаются великие игроки.

Я счастлив, что со многими из них мне довелось встретиться лицом к лицу. Поверьте, здесь говорит отнюдь не удовлетворенное тщеславие. Встречи с выдающимися мастерами кожаного мяча позволили мне глубже заглянуть в суть футбола, увидеть и понять его возможности и самому что-то вложить в свое нелегкое вратарское дело.

Литературная запись Леонида ГОРЯНОВА

Окончание следует.

О ПОЛЬЗЕ ЛОШАДИ

Павел КРУПЕНИКОВ

Маленький лесопильный завод в устье реки Кубены после войны запомнился на всю жизнь лошадьми. Да, лошадьми. Из воды на их спинах выносили бревна. Лошади перевозили пиломатериалы по зимнику в райцентр и на железнодорожную станцию, дрова в больницу, товары в магазины... В пожарном депо стояли две специальные телеги с ручными помпами, фонарями и колоколами. И лошади всегда рядом. По тревоге их быстро запрягали, и они во весь опор неслись с пожарными в серебристых касках...

Больше всего доставалось конягам, приставленным к сортировочной площадке,— там они двигались словно заведенные. Сырые тяжелые доски накладывали на одноосные тележки, и лошадей отгоняли на так называемую биржу. А наготове ждали очередные груженые тележки... Лошади встречали гудок со вздохом облегчения: конец смены.

Поселковая ребятня к тому времени собиралась у проходной. Кто с коркой хлеба, кто с картошиной, чтобы заслужить расположение той лошади, которую достанется сопровождать на конюшню. Да, нам, мальчишкам, доставляло большое удовольствие вести потную, поработавшую лошадь, а тем более ехать верхом без всякой сбруи, и чувствовать, что такое крупное животное послушно тебе, а на ласку отвечает лаской (и за злую выходку отплатить может!)...

Мало теперь в наших местах лошадей, почти нет. А где есть, никто их не привечает, слоняются они около обезлюдевших деревень, можно сказать, бездельничают. Машины и на улицах, и в поле, и на фермах. А лошади не у дел!

Например, в нашем Сокольском районе Вологодской области из 2038 лошадей к 1970 году осталось 1320. Еще одна треть оставшихся не дожила до восьмидесятого года. Сейчас здесь нет и семисот голов. Да и в стране в 1971 году еще числилось семь с половиной миллионов лошадей, а через десять лет их стало 5,6 миллиона. За последнюю пятилетку конское поголовье уменьшилось на 15—33 процента в Белоруссии, на Украине, в Азербайджане, Молдавии, прибалтийских республиках. По Российской Федерации показатель еще хуже... Самый сильный удар был нанесен именно рабочей лошади. Нет в ней прежней нужды? Не усматривают в ней пользы?

О целесообразности применения конного тягла и в машинно-тракторный век писали немало. Но воз, как говорится, и ныне там.

Между тем, по подсчетам специалистов, используя лошадей для недальних перевозок и для работ как бы домашних, в границах хозяйства, можно сэкономить по стране более миллиарда рублей.

И еще. В пригородном совхозе «Новое» есть два животноводческих двора, в каждом по сто голов крупного рогатого скота содержат. Фермы всегда обслуживали два человека с двумя лошадьми. Обходилось это совхозу недорого — 8 рублей 58 копеек в день. А с некоторых пор те же фермы обслуживают три механизатора на трех тракторах, есть и грузчики, и все вместе берут из совхозной кассы ежедневно около шестидесяти рублей...

Волевыми решениями местных сторонников технического прогресса некогда основная тягловая сила в деревне списывалась в архив. Архив мягко сказано. Для «бесполезной» лошади это значит одно — живодерня.

Давно не воспроизводят поголовье рабочих пород. Подчеркиваю — рабочих. Никто давно не занимается совершенствованием породных качеств лошади — труженицы, упряжной.

На ВДНХ СССР возле павильона «Животноводство» стоят скульптуры знаменитых Квадрата и Символа. Прославились жеребцы потомством. В экспозиции можно познакомиться со стендами, посвященными конному спорту в СССР, тут же и различные трофеи, завоеванные в соревнованиях, показатели лучших хозяйств отрасли. И ни слова о сельской труженице. Ни одного «портрета». Нефотогенична сивка-бурка?

Хорош, по всему видно, Шадринский конный завод Курганской области. Там получают 94 жеребенка от ста маток. Или вот чем не реклама? Жеребец латвийской упряжной породы — абсолютный рекордсмен на максимальную силу тяги; он смог взять воз с двадцатью семью тоннами груза... Сколько таких живых тягачей в сотнях сел и деревень?.. Один он, рекордист. А где, простите, та лошадь, которой не на пьедестале стоять, а помогать селянам по хозяйству, радовать отзывчивую душу всех, кто в селе не проживает, а живет, хозяинует? Что с ней, лошадкой, самой народной селекцией предназначенной заниматься обыденным и для кого-то малопривлекательным трудом? Ее нет. Ей не место ни на ВДНХ, ни, к сожалению, в жизни. В СССР, утверждает один стенд, 98 процентов конского поголовья составляют породные и улучшенные лошади. Что кроется за столь красноречивой цифрой? Да это те красавцы, что держат для спорта, для горожан. Вспоминаю единственного в нашем районе жеребца. Единственного. И очень хорошего он роду-племени. Из государственной конюшни был взят напрокат лет пять назад. Оставил тот заезжий ухажер совсем небольшое потомство и вновь отправлен на госконюшню.

Вот и посудите, откуда же возьмутся улучшенные лошади, обновленные породы? А ведь Сокольский район Вологодской области, о котором идет речь, стоит на перекрестье и водного, и железнодорожного, и автомобильного путей сообщения, так что проблемы транспортировки племенных улучшателей рабочей лошади не ахти какие сложные...

И что же тогда говорить о глубинке, куда племенных жеребцов никак не доставить? Да и стоит прокат жеребца около пяти тысяч рублей, деньги немалые... Вот и не хотят брать на себя ответственности ни председатели колхозов, ни директора совхозов. И дорого, и мороки много, а так — жги горючку по делу и без дела!.. НТР на дворе.

Полезна ли лошадь? Неумный вопрос. И стыдный. Как же без нее? Никак нельзя. Ни в наших нечерноземных областях, ни в горной местности, ни в лесной тем более, ни в любой другой. Лошадь красива, экономична как тягло, она благородна! И непременная участница традиционных сельских праздников. У нас есть прекрасные отечественные тяжелоупряжные помеси и породы: советская, русская, владимирская, литовская, латвийская... Практически же лучшие качества утрачены, и мы имеем, как говорил один зоотехник совхоза, плохой коктейль «прибалтийского тяжеловоза и русского рысака», а попросту сказать, обыкновенных лошадок, давно не помнящих родства.

В совхозе «Нестеровский», в котором около сорока лошадей, в том числе десять конематок, в среднем получают одного-два жеребенка. Вот и в прошлом году родился один, маленький и слабый,— ненадежное потомство.

Судя по статистике, не лучше положение дел и в других местах. В хозяйствах Белоруссии на сто конематок получают 27 жеребят, в Молдавии — 13, в прибалтийских республиках — 8—11... Приплод мал, но и таким почти не интересуются руководители сельскохозяйственного управления. Да и кто станет конкретно заниматься им! На местах теперь нужных специалистов нет. А в области дело имеют с племенными животными. До забот ли о рабочей лошади?

Пусть прозвучит несколько парадоксально, и тем не менее лошади необходим статус коровы! Жизненно необходимо уравнять их в правах. Дело не в статотчетах, а в заботе, в том, чтобы улучшить жилье для лошади, наладить обслуживание, уход, кормление, а главное — условия размножения и улучшения поголовья. Для крупного рогатого скота понастроили немало хором — и на двести, и на четыреста, и даже на восемьсот голов. А попробуйте найти новую конюшню! Пустая затея... Лошади доживают свой недолгий век в старых или вовсе не приспособленных для жизни помещениях. Чистое горе с обучением даже того малочисленного молодняка, который есть. Как-то поинтересовался у главного зоотехника совхоза «Архангельский» Татьяны Алексеевны Дубовицкой: «Свои люди объезжают молодняк?» Она в ответ руками замахала: «Свои-то мужики лошадей боятся! Тракторов давно никто не боится, а лошадей — как огня... Цыгане выручают».

В других хозяйствах обучают молодняк... шефы, приезжие охотники до экзотики, этакие ковбои с промышленных предприятий! Вот курьез. И так сваливают серьезное дело на людей несведущих, случайных, на дилетантов.

А что в кормушке у сегодняшней сельской лошади? Что бог пошлет. Раньше крестьяне к пику работ для себя оставляли лучшие продукты и для лошади припасали усиленный паек. Сейчас кормление лошадей сплошь и рядом — третьестепенное дело. Ни у зооветспециалистов, ни у руководителей душа не болит, да с них никто и не спрашивает за настроение и здоровье лошадей.

«Овсом коня погонять нужно»,— говорит пословица. Но овес — большая редкость. И комбикорма тоже. Анекдот получается: привезет лошадь на молочную ферму сена, вот только тогда и там доярки из сострадания к труженице иногда насыплют ей полведерка комбикорма...

Случаи бесхозяйственного, безнравственного отношения к лошади встречаешь все чаще и чаще. Вот несколько сообщений из местных газет: «В совхозе «Доброволец» пропала лошадь гнедой масти», «В совхозе «Первомайский» Великоустюгского района изувечен русский рысак...», «В «Красавино» пал тяжеловоз вследствие неосторожного обращения...», «В деревне Зуево совхоза «Стризневский» Вологодского района конюшню оборудовали под ферму, пять лошадей выгнали на улицу. Ходили они долгое время беспризорные, никому не нужные...».

И последнее: с кем бы ни вел я разговор — с партийным ли или советским работником, с хозяйственным ли руководителем или специалистом,— никто не сказал о лошади худого слова. Все — с восторгом и пониманием проблемы. Все ратовали «за»! Но не за конкретную Сивку или Карюху, а за некую абстрактную лошадь. За лошадь в о о б щ е. И никто не ратовал за восстановление коневодства в конкретных колхозе или совхозе, в районе или области. Верю, что жизнь заставит протянуть руку лошади, стародавнему и полноправному обитателю русской — и не только русской — деревни. Без нее плохо, убыточно, тоскливо. Без лошади НТР расточительна. Отношение к лошади — один из признаков культуры производства и быта на селе.

Сокольский район
Вологодской области.

В. Жемерикин. Род. 1942. МАРТ 1944 ГОДА. 1985.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

А. Левитин. Род. 1922. МИР ВНУКАМ. 1985.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

МОСКВА, 41-Й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

21

Под рассекающий, направленный на Смоленск удар танкового клина немцев посчастливилось не попасть поредевшим частям мотострелковой дивизии полковника Гулыги. Поспособствовал этому раненый генерал Чумаков. Узнав в Смоленске от начальника гарнизона полковника Малышева, что городу угрожает реальная опасность захвата немецкими мотомеханизированными частями, он тут же послал к полковнику Гулыге гонца с письменным приказом пробиваться из вражеского тыла не на север — к Смоленску, а на юго-восток. Но если бы этот приказ хоть днем раньше... А гонцом был, на свою беду или на счастье, младший политрук Миша Иванюта.

Миша обзавелся в Смоленской военной комендатуре автоматом, биноклем, пятнистой немецкой плащ-накидкой и мощным трофейным мотоциклом БМВ с коляской. Взяв у полковника Малышева «мандат»-справку, в которой значилось, что ее обладатель выполняет важное задание, положив в коляску пачку листовок со сводками Совинформбюро и канистру с горючим, он на ночь глядя умчался по Краснинскому шоссе на юг. Это была немыслимо тяжкая поездка — навстречу нашим обозам, автоколоннам, толпам беженцев и раненых красноармейцев. А перед деревней Хоплово, в которой уже шли уличные бои, пришлось по бездорожью уклониться к Днепру, чтоб не столкнуться с немцами.

Выручало Мишу знание местности на десятки километров вокруг Смоленска, особенно знание днепровских берегов. Он вел мотоцикл, не включая фары, через хлебные поля, слыша, как дробно барабанили по металлу коляски переспелые зерна ржи или пшеницы, пробивался сквозь густую и блеклую голубизну льнов, податливо никших под колесами мотоцикла, мчался по слабо протоптанным полевым дорогам и по случайным тропинкам. Неуютно чувствовал себя под ночным небом. Оно озарялось вокруг вспышками ракет, пронзалось пулеметными строчками трассирующих пуль, полыхало багрянцем далеких и близких пожаров; казалось, война заполнила все пространство. А Иванюта ехал и ехал, не нарываясь пока ни на врага, ни на своих, которых при его амуниции и вооружении тоже надо было опасаться. Дважды Мишу обстреляли, когда преодолевал он колдобины на гребне заросшего мелколесьем темного оврага. Но уловил только взвизги пролетевших над головой пуль, а выстрелов не услышал.

Если сказать честно, то Мише было не по себе. Он боялся близившегося дня, когда будет виден с больших дорог, страшился неожиданно оказаться в расположении немцев. И не только потому, что политработников и коммунистов фашисты расстреливали на месте. Плен — это конец всему... И в то же время острое ощущение опасности и важность задания, которое выполнял Миша, как-то по-особому возвышали его в представлении о самом себе, рождали гордое довольство тем, что он вот так, в одиночестве, пробирается по территории, дороги и населенные пункты которой запружены врагом, рискует жизнью, подавляет в себе унизительный страх, непрерывно испытывая готовность вступить в бой и, если другого выхода не будет, не пощадить себя. Удивительно, что, когда в прошлом году их курсантский батальон где-то в этих местах проводил тактические учения и он, Миша, во главе взвода подползал в ночной темени к траншее условного противника, ему тоже казалось, что совершает он нечто героическое, отчего испытывал боевой азарт.

В сущности, и тогда, и сейчас в Мише Иванюте действительно пульсировала неутолимая жажда приключений, подвига, желание совершить нечто такое, чтоб все удивились этому, а он, Миша, чтоб тайно от всех, с видом безразличия испытал то чувство, которое возвеличивает молодого человека в собственных глазах, делает его взрослее, серьезнее и очень нужным для всего уклада армейской жизни.

Миша ехал почти до рассвета, пока не почувствовал, что мотоцикл плохо слушается его, а глаза слипаются от сна. И он, оказавшись на краю глубокого, заросшего крушинником оврага, остановился, беспомощно огляделся вокруг и увидел невдалеке черневшие шапки стогов сена. Подъехал к одному из них, несколькими охапками забросал мотоцикл и улегся на повлажневшую за ночь луговую овсяницу, смешанную с житняком. И будто родной Украиной повеяло на него от этих с детства знакомых духмяных трав.

...Проснулся Миша от гула бомбежки. Вскочил на ноги, почувствовав во всем теле непрошедшую усталость и ломоту в пояснице. Первое, что увидел,— молочный туман над недалеким оврагом и над лужайками между стогами сена. Казалось, что кто-то расстелил рваную, сотканную из белесой паутины, полупрозрачную кисею. Глядя на это волшебство в природе, он на мгновение позабыл о притихшей, будто приснившейся бомбежке, не в силах ни двигаться, ни мыслить. Но тут же к его слуху прикоснулся приглушенный далью шум моторов, и он увидел в той стороне, куда должен был продолжать путь, темную опояску леса, а над ним в блеклом наливающемся солнцем небе стайку круживших и пикировавших на какую-то цель самолетов; издали они казались черными летающими крестиками.

Достав из планшетки карту, Миша развернул ее, но она была для него «немой»: он не знал, в каком месте находится, и сориентироваться не мог. Оглянулся назад и увидел за краем сбегавшего в овраг кустарника далекую излучину реки... Днепр?. Поразмыслив, еще раз всмотрелся в карту и прикинул в уме, сколько он мог проехать за короткую июльскую ночь по полям и оврагам, пригляделся к цветной шкале высот на нижнем срезе карты и решил, что утро застало его примерно в тех местах, где уже можно искать части дивизии полковника Гулыги. Впереди, если верить карте, был зажат высотами один из притоков Днепра с бесчисленными изгибами, поворотами и заросшими лозняком берегами. Не исключено, что там, за лесом, переправлялась через приток какая-то наша воинская часть, оттесненная с ведущих на Смоленск дорог, и немецкие самолеты бомбили ее.

Через минуту младший политрук Иванюта вновь вел своего трофейного «коня», держа направление туда, где кружили в небе вражеские самолеты. Ему пока сопутствовала удача: он наткнулся на идущую в сторону от Днепра полевую дорогу и поехал быстрее, хотя холодок страха, когда дорога куда-то поворачивала, тиранил его сердце, заставлял останавливаться, прислушиваться и прикладывать к глазам бинокль.

Вскоре лес расступился, и Миша выехал на широкую прогалину с болотцем посередине, на котором густо зеленела осока и курчавились редкие кусты ольшаника. Дорога ровно пересекала прогалину, перемахивая через болотце по плотному жердевому настилу из стволов молодых березок. Миша внимательно осмотрел в бинокль настил, противоположную опушку леса и увидел там сгоревший грузовик на обочине дороги при въезде в лес. Что-то чернело и за ольховым кустом в болотце.

Было тревожно. Где-то впереди «татакали» пулеметы, стреляли пушки. А здесь пустынность и настораживающая, чем-то угрожающая тишина. Но делать было нечего, и Миша решил на полном ходу перемахнуть через прогалину... Когда оказался на середине жердевого настила, то за ольховым кустом увидел перевернутую телегу с впряженной в нее убитой лошадью. Тут же у телеги лежали два мертвых милиционера. Их окровавленные синие гимнастерки были густо облеплены мухами. Чуть дальше, в осоке, краснела косынка на голове убитой молодой женщины.

Остановив мотоцикл, Миша осмотрелся. Воронок от бомб нигде не было видно. Значит, «мессершмитты» прихватили телегу на открытом месте... Затем внимание его привлекли продырявленные пулями небольшие парусиновые мешки, вывалившиеся из телеги на покрывавший их брезент. На некоторых мешках виднелись крупные свинцовые пломбы с гербовыми оттисками, а из одного, наискосок рассеченного пулей, выпали на примятую осоку какие-то пачки в обертках с красными полосками...

«Деньги! — обожгла Мишу мысль.— Огромное количество денег!» Сроду он не видел подобного.

Сойдя с мотоцикла, Миша приблизился к телеге.

«Государственный банк Белорусской ССР»,— прочитал черную, будто выжженную надпись на приклеенной к верхнему мешку белой картонке. С оторопью и даже со сбоем дыхания посмотрел на распоротый мешок: пухлые пачки сотенных купюр, крест-накрест обклеенные краснополосой бумагой... Мишу некстати обожгли мысли о своем убогом прошлом, и спазм сдавил горло от вдруг родившейся жалости к самому себе. Вспомнилась беспросветная сиротская нужда, которую всегда испытывал, вспомнил, как в летние каникулы зарабатывал себе на школярскую одежду, на столь желанный в пору юношества белый костюм из льняной рогожки... Мелькнуло в памяти, как продавал на толкучке купленное ему в складчину братом и сестрой пальто: Миша получил повестку о призыве его в армию и избавлялся от пальто как от уже ненужной вещи, горячо мечтая купить на вырученные деньги наручные часы... Первые часы в его жизни! Но потом и их пришлось продать, ибо призыв на армейскую службу отложили до поздней осени и ходить без пальто уже было невозможно... Или жалкие сорок рублей курсантского «довольствия», которые скупо тратил в училищном буфете на ситро и белые булочки. Мелькнула мысль, что не успел он получить и свою первую зарплату; в кармане у него завалялось несколько мятых трехрублевок... А здесь несметное богатство!.. И мертвые люди, спасшие его от врага.

Что же ему делать? Миша оглянулся в сторону мотоцикла, ища ответ на со всей очевидностью вставший перед ним вопрос и уже наперед зная этот ответ. Выбросить из коляски объемную пачку листовок со сводками Совинформбюро? Ведь устарели последние известия?.. Нет! «Литературу отправлять на фронт срочно, наравне с огнеприпасами»,— вспомнилось ему читаное правило времен гражданской войны...

Да, не бывало такой ситуации, из которой бы он, младший политрук Михайло Иванюта, не находил выхода! Не зря в училище иногда дразнили его «хитрым хохлом»... Взгляд упал на ременные вожжи. Тут же проворно и умело отделил их от остальной конской упряжи, а потом начал плотно втискивать мешки с деньгами в коляску мотоцикла, укладывать и крепить их на заднем сиденье, на плоском топливном баке и поверх коляски, используя как опору приспособление для зажима ручного

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22, 23.

пулемета. Вожжами плотно привязывал мешки к мотоциклу, и трехколесная машина превратилась в ни на что не похожее чудище с проемом для водителя над передним сиденьем.

Миша уже собрался было заводить мотор, как ему вдруг подумалось: если он наткнется на чужую воинскую часть, то его ведь могут принять и за грабителя банка. Вполне могут!.. И даже весело стало Мише от этой здравой мысли, которая как бы повернулась к нему и другой стороной: а если бы эти деньги в самом деле оказались личной его собственностью?.. Что бы он стал с ними делать? Но размышлять было некогда...

От убитых уже несло тошнотворным трупным запахом. В полевых сумках милиционеров никаких документов, относящихся к деньгам, не оказалось. А ведь должны быть! Без них Мишу действительно могли заподозрить в недобром деле. В коричневом ридикюле погибшей женщины он нашел засургученный пакет с надписью: «Денежное поручение на сумму...» У Миши даже зарябило в глазах от нулей...

Хороший мотоцикл сработали немцы. Пусть низко просела под большой тяжестью подвеска, пусть перегруженная коляска временами опасно кренила машину, но БМВ послушно шел вперед, плавно переваливался через корневища, выпирающие из земли на лесных дорогах, взвывал мотором на заболоченных участках. Упершись грудью в кипу на топливном баке, Миша с трудом дотягивался руками до руля. Он был прикрыт почти со всех сторон не пробиваемой пулями защитой из плотных пачек бумажных денег. Это его несколько и ободряло, но опасность все-таки подстерегала младшего политрука на каждом шагу, и к тому же он помнил, что выполняет важное задание генерала Чумакова — удивительного человека, за которого он, Миша Иванюта, готов положить голову. Где он сейчас, генерал Чумаков? Где Колодяжный, Жилов, Рейнгольд?..

То ли читал где-то, то ли от кого-то слышал Миша, что нет печальнее чувства, чем чувство одиночества сердца. Будто и нарочитая красивость звучит в этих словах, ибо ведь сердце действительно одиноко в груди, и в то же время слышится в них правда, так как не всегда это одиночество сердце ощущает, особенно если рядом с тобой дорогие тебе люди, родные души, понятные и благородные натуры.

Хотя мотоцикл нес его дальше через лес, Мише все чудился тошнотворный запах от погибших милиционеров. Может, поэтому он так торопился там, когда обыскивал их, чтоб найти какие-то сопроводительные документы на деньги, груженные в телегу. Да, а почему деньги везли в телеге?.. Чтобы легче пробиться на восток через леса и болота?.. Возможно... Так вот, что-то сдерживало тогда Мишу, чтоб забрать с собой, как полагалось, удостоверения личности и партбилеты погибших, а у убитой женщины — паспорт. Забрать — значит сделать их неизвестными... К тому же он не мог, не имел времени похоронить трупы, да и не было чем копать могилу, не из чего поставить на ней знак, чтоб действительно не оказались эти пусть и чужие ему люди бесследно исчезнувшими из жизни. Кому-то другому придется хоронить их — он в это верил: скоро отодвинется война на запад (он тоже в это верил), и можно будет воздать должное тем, которые погибли как герои или как невинные жертвы войны.

Скорбные его мысли перекинулись на самого себя. Кажется, впервые столь реально подумал он о том, что ведь тоже может, как уже много раз мог, лишиться жизни внезапно, неожиданно—от вражеской автоматной очереди, от выстрела из-за любого куста... Этот выстрел мог последовать и по злой воле дезертира (встречались и такие), которому потребуется хотя бы этот трофейный мотоцикл, оружие, чужие документы.

Вот тут-то, на влажной дороге, в тряске мотоцикла и в оглушающем рокоте его мотора, в мрачности и пустынной таинственности леса, Миша понял, что чувство одиночества сердца — это не пустые печально-красивые слова, а ощутимая тяжесть души, тоскливое теснение в груди, когда жизнь кажется натянутой до предела и любой звук, любая неожиданность способны откликнуться смертным холодом во всем теле. Его нервы, о существовании которых Миша редко по своему беспечному нраву вспоминал, были наструнены до окаменения мышц, в его мыслях виделись убитые милиционеры и та женщина, из ридикюля которой он изъял банковские документы.

Прихотью воображения Миша Иванюта переносился на их место, мысленно видел себя растерзанным вражескими пулями или осколками, представлял, как чужие люди похоронят его в безвестной братской или одиночной могиле, холмик которой со временем сровняется с окружающей местностью, и никто никогда не узнает, куда исчез младший политрук Миша Иванюта, где именно оборвалась его хлопотливая жизнь, никто не задумается над тем, что перед ним, Мишей, простирались в мечтах заманчивые дороги, что его фантазия обуревалась неохватными и радужными перспективами... И вдруг... ничего... Будь проклят фашизм, будьте прокляты те, кто двинул фашистские орды на советскую землю!..

Нет, смерть не для Михаила Иванюты! Он еще поборется за жизнь — за свою собственную и за жизнь тех людей, судьба с которыми побратала и еще побратает его... Только не оказаться бы жертвой злого случая...

А злой случай, как дурной сон, уже караулил Мишу Иванюту, ждал его впереди, где полковник Гулыга группировал в единый кулак сильно поредевшие части и подразделения своей обескровленной дивизии. Полковник надеялся сбить немцев с магистрали Хиславичи — Смоленск и, как вначале было приказано Чумаковым, продолжить отступление к Смоленску, которое должна была прикрыть обреченная на погибель артиллерийская группа под командованием майора Быханова при поддержке сводной пулеметной роты.

На один из полевых караулов, которые «окольцевали» разбросанные в овражистом лесном массиве остатки частей полковника Гулыги, Миша наткнулся после того, как удачно пересек захваченное немцами Краснинское шоссе, перемахнул еще через какие-то дороги и переправился по хлипкому мостику на речке Вихра.

Как и полагалось, полевой караул, когда Миша объяснил часовому сторожевого поста, что не знает и не мог знать пароля (пропуска), отконвоировал его к начальнику полевой заставы. Начальником оказался знакомый Мише командир мотострелковой роты одного из полков дивизии — старший лейтенант со звучной фамилией Вышегор. Он действительно отличался высоким ростом, лицо у него было тощее и скуластое, небольшие серые глаза смотрели остро и недоверчиво. Вышегор был тяжело усталым и заспанным. Признав в Мише «политотдельского» младшего политрука и услышав от него, что везет он полковнику Гулыге важный приказ от самого генерала Чумакова, а также доставляет в штаб какой-то очень ценный груз, приказал вернуть ему автомат, наган и показал по карте, где искать полковника Гулыгу.

Миша продолжил на мотоцикле путь, уже точно ориентируясь при помощи топографической карты на местности. Через десяток минут езды Иванюта свернул с полевой дороги в лес, увидев там среди деревьев крытые штабные машины. Подрулив к бронеавтомобилю с антенной, догадываясь, что на нем ездит полковник Гулыга, Миша остановил мотоцикл и отдал честь первому, кого увидел из знакомых,— рыжеусому капитану Пухлякову, начальнику особого отдела дивизии, который сидел на пне и что-то писал в блокноте. Пухляков обрадованно поднялся ему навстречу, подкрутил вверх усы и дружески потиснул руку. Затем, не без профессионального интереса, спросил:

— Ну, где ты, пан Иванюта, пропадал, если не секрет?

— Секретов никаких,— беспечно ответил Миша.— А рассказывать есть о чем: даже не поверите.

— Так рассказывай, не томи!

— Надо сначала приказ генерала Чумакова вручить. Лично полковнику Гулыге.

— Дайте старику поспать! — вмешался в разговор проходивший мимо майор Рукатов, услышав фамилию командира дивизии — своего тестя.

— Приказ — экстрасрочный! — не без рисовки уточнил Иванюта.

— Ну, тогда иди и сам растормоши его, если такой храбрый,— насмешливо подзадорил Мишу Рукатов.— Полковник после бомбежки действительно спит мертвецким сном.

Затем Рукатов обратил внимание на скособочившийся под грузом мотоцикл Иванюты, обошел вокруг него, а капитан Пухляков спросил у Миши:

— Сухой паек привез для штаба?

— Если сухая колбаса, то это дело.— Рукатов засмеялся.— Одной вяленой сосиски, если грызть ее в пешем строю, хватает на три километра.

Миша снисходительно хохотнул на пустые догадки начальства и, предвкушая то впечатление, какое сейчас произведет на всех своим сообщением, самодовольно сказал:

— Это, товарищи командиры, не что иное, как советские деньги... Каждый мешок набит пачками сотенных бумажек! — и коротко объяснил, как все было с деньгами.

— Ну, младший политрук,— крайне изумился капитан Пухляков, ощупывая привязанные к мотоциклу парусиновые мешки.— Придется о тебе докладывать аж в Москву. Как пить дать— получишь боевой орден.

— А это что? — спросил притихший и даже побледневший от непонятного волнения Рукатов, указывая на мешок, из которого сквозь рваную продолговатую дыру выпирали, став торчком, плотные пачки денег.

— Пуля, наверное, распорола,—беспечно ответил Иванюта, закуривая папиросу из пачки «Казбека», дружелюбно протянутой ему Пухляковым.

На выцветших от сырости петлицах Рукатова прямоугольников не было, а виднелись только по три менее выцветших следа от них — свидетельство о недавнем его разжаловании из подполковников в майоры. Он еще раз обошел вокруг мотоцикла, пощупал выпиравшие в дыру пачки и будто про себя сказал:

— Так, говоришь, пулей распороло?

— Не осколком же,— простодушно ответил Миша.— Вокруг телеги не было ни одной воронки.

— Зачем же ты его, дырявый, сверху положил? — И Рукатов похлопал ладонью по грубротканой хребтине мешка.

— Последним оказался под рукой.

— Ага, последним? — Рукатов пытался придать своему голосу ласково-ерническую интонацию. В словах его будто звучало доброжелательство к Мише. Он подошел к Иванюте вплотную, дружески положил руку на его плечо и с пытливой остротой посмотрел ему в глаза.— Сознайся, младший политрук, припрятал себе несколько пачек? — Он указал глазами на полевую сумку Иванюты. Затем спросил еще: — Или где-нибудь в глухом местечке закопал мешочек? А-а?.. На авось...

Мише показалось, что жизнь вокруг внезапно оборвалась, погрузив его в мерзкую тишину. Мерзкую и даже померкшую оттого, что его будто ударили по лицу, плюнули ему в глаза, в душу, в самое сердце. Вопросы и подозрения Рукатова были тем более обидны для Иванюты, что, когда по пути сюда он вспоминал свое нищенское прошлое, в нем действительно где-то зрела гаденькая мысль: не взять ли себе пачку денег на случайные расходы в вознаграждение за то, что он спасает целые мешки? Но не позволил созреть этой мысли до конца, с содроганием устыдившись ее и окатив себя в душе ругательными и презрительными словами... А тут вдруг ему в глаза, прямо и откровенно, высказывают гнусное подозрение...

— Сука-а! — противным, сиплым голосом заорал Иванюта и, схватив Рукатова за грудки встряхнул его. Но Рукатов был телом поувесистее Миши и он, Миша, почувствовав недостаток сил в своих руках, охваченный яростью, вдруг остервенело залепил Рукатову оглушительную плюху, от которой тот отлетел на несколько шагов.— Сука!.. Сволочь поганая! — В хриплом голосе Миши сквозила душевная боль и звучал страх, что он осмелился поднять руку на старшего по воинскому званию начальника, а это значило — совершил преступление.— Думаешь, все такие, как сам?! Думаешь, не видим твоей гадкой трусости, твоего симулянтства под крылышком тестя?!— Миша, оказывается, откуда-то знал «родословную» Рукатова.

Рукатов с искаженным злобой лицом кинулся на младшего политрука, выхватывая из кобуры пистолет. Миша тоже схватился за наган, к великому своему счастью, позабыв, что на груди у него наготове к бою висел немецкий трофейный автомат.

Все произошло так неожиданно и так невероятно по своей сущности, что капитан Пухляков, находясь тут же рядом и будучи спортсменом, не успел схватить за руки Иванюту, зато сумел ногой выбить у Рукатова пистолет, опередив на долю секунды выстрел из него, который, вероятно, должен был оборвать Мишину жизнь.

Пистолет Рукатова, вышибленный из его руки Пухляковым, отлетел в сторону, ударился в темный ствол старой ели и, вновь вставший, как и должно быть, после выстрела на боевой взвод, выстрелил от удара опять... И тут же в кузове недалекой машины кто-то истошно закричал: очередная пуля все-таки нашла себе безвинную жертву.

Откуда-то из глубины леса прибежали полковник Гулыга и подполковник Дуйсенбиев. Оба заспанные, с усталыми до черноты и небритыми лицами. Сбегался к месту происшествия штабной люд.

Ни Рукатов, ни Иванюта не были в состоянии объяснить что-либо: их обоих еще колотило от бешенства. Сбивчиво рассказал начальству суть происшедшего капитан Пухляков.

— Дурачье, дурачье...— горестно качал головой полковник Гулыга.— Военному трибуналу даете работу...

— Товарищ полковник, я доставил вам приказ генерала Чумакова,— наконец доложил чуть пришедший в себя младший политрук Иванюта. Он достал из полевой сумки маленький пакет и передал его Гулыге.

Потом Мишу опять окатила волна ярости. Он суетливо снял с себя снаряжение с полевой сумкой и вытряхнул из нее все содержимое на траву: блокнот, карту, карандаши, опасную бритву, мыло... Затем вывернул карманы брюк.

— Смотри, мерзавец, и запомни! — вновь с буйной злобой накинулся он на Рукатова.— Политработники Красной Армии не воруют у государства. И вообще не воруют! А деньги — вот они! — Миша достал из нагрудного кармана гимнастерки две трехрублевые бумажки. Из второго — партбилет и удостоверение личности.

— Не хорохорься, младший политрук,— уже миролюбиво обратился к нему полковник Гулыга, всматриваясь в бумагу — приказ генерала Чумакова.— Какое ранение? — тут же обратился он к троим бойцам, снимавшим с кузова грузовика раненного шальной пулей связиста.

— В плечо, товарищ полковник! Серьезное! — бойко ответил один из красноармейцев.— Сейчас мы его снесем на перевязочный.

Полковник Гулыга, прочитав приказ и не подозревая, что он уже не изменит отчаянного положения дивизии, передал его начальнику штаба Дуйсенбиеву.

— Задача наша меняется коренным образом,— сказал он.— Собирайте наличный руководящий состав, а мы тут посоветуемся, что делать с этими глупыми драчунами.

— Товарищ полковник, я протестую,— мрачно и не очень уверенно сказал Рукатов.— Какая же тут драка? Это чрезвычайное происшествие!.. Более того — преступление: младший по званию ударил старшего по званию.

— А старший по званию не только заподозрил политработника в воровстве, но и пальнул в него из пистолета! Это не чрезвычайное происшествие? — Миша Иванюта уже несколько успокоился и надевал на себя полевое снаряжение.

— Оба хороши,— ответил Гулыга, мучительно размышляя над тем, что ему сейчас предпринять.

Решение принималось без участия младшего политрука Иванюты — зачинщика драки. Гулыга, Рукатов и Пухляков отошли в сторону от машин, и после короткого раздумья полковник вымученно сказал:

— Война, гибнут тысячи, землю свою оставляем, а вы гонор показываете... Глупцы... А вы, капитан, виноваты, что дали разгореться ссоре,— обратился Гулыга к Пухлякову.

— Виноват, товарищ полковник. Я и опом-

ниться не успел, как они сцепились... Но теперь на мне вина, что выбил из руки Алексея Алексеевича пистолет, а он бабахнул в спящего красноармейца.

— Хорошо, что не бабахнул в этого желторотого, в Иванюту,— хмуро заметил Гулыга.— Пришлось бы тебе, Алексей, головой расплачиваться.

— Ошибаетесь! — зло ответил Рукатов.— Я принимал меры самозащиты.

— Не надо было бросать дурацких обвинений! — чуть возвысив голос, сказал капитан Пухляков.— За такое каждый честный человек по морде врезал бы! Я, во всяком случае, тоже...

— Сейчас легко быть умным,— уныло буркнул Рукатов.

— Так вот,— начал подытоживать разговор Гулыга.— Виноваты вы все трое... Случившееся предлагаю оставить пока без последствий — до будущих времен. А там война подскажет нам выход. Деньги надо немедленно под усиленным конвоем отправить в штаб фронта или сдать финансистам штаба любой армии, какая окажется поблизости. Возглавить группу сопровождения приказываю майору Рукатову... Делать вам, Алексей Алексеевич, в нашем штабе после этого позорного мордобоя нечего. Тем более что у вас не прошла контузия.— Затем Гулыга обратился к капитану Пухлякову: — Группу охраны поручаю подобрать вам, товарищ капитан... Деньги везти на повозке.

— Хорошо,— согласился Пухляков. Затем, извинительно глядя на Гулыгу, сказал: — Только я, товарищ полковник, обязан обо всем случившемся доложить радиошифровкой своему руководству: у нас так принято.

— Тогда начнется разбирательство? — встревожился полковник Гулыга, кинув укоризненно-сочувственный взгляд на Рукатова.

— Полагаю, что мы с вами уже провели разбирательство,— миролюбиво произнес Пухляков.— И приняли правильное решение. Я так и доложу...

Когда полковник Гулыга и майор Рукатов остались в отдалении от машин, среди леса, вдвоем, полковник сказал Рукатову:

— На деньги, кроме имеющихся сопроводительных банковских документов, составим акт... Если исчезнет хоть одна банкнота — не пожалею и тебя, отца моих внуков...

— Батя, вы обо мне слишком плохо думаете.

— Нет, я просто знаю, что легкодоступные ценности часто рождают зло, проливают кровь. Сегодня это уже чуть не случилось... И боюсь, что эта история еще будет иметь продолжение. Особист ведь собирается доносить начальству.

— Я ничего не боюсь: защищался от нападения малахольного.— Рукатов прикоснулся к кобуре с пистолетом.— А сейчас надо думать о главном: как вырываться из вражеских клещей?

— Вот тебе, Алексей, я и даю возможность выбраться. Во имя твоих детей и моих внуков. И не обижай там Зину... А то доходили до меня слухи, что ты по молодым бабенкам шастал.

— Глупости! Зина ведь не старуха... Вы сейчас заботьтесь о том, как не подставиться под удар немцев.

— Боюсь, нам ничего уже не поможет... А ты с телегой и конвоем пробьешься через леса и болота.

— Так, может, давайте все вместе... Проложим по карте маршрут, чтоб не сталкиваться с противником,— предложил Рукатов.

— А технику сжечь? И это, когда еще есть горючее?.. А с артиллерией что делать? — В глазах полковника Гулыги были укор и страх.— Нет. Не желаю позора. Будем таранить немецкие заслоны до последних сил... Только при явно безысходном положении отдам всем на свой риск приказ пробиваться на восток мелкими группами или переходить на положение партизанских отрядов. На Смоленщине, в тылу врага, уже зашевелилось наше подполье.

— Сейчас трудно судить, что лучше, а что хуже. Главное — сносить голову и не попасть под трибунал,— уныло сказал Рукатов.

— Вот такую задачу я и ставлю перед тобой. А у меня — как получится. Я сейчас в ответе за всех.

Продолжение следует.

эстрада

НА ПУТИ К СПЕКТАКЛЮ

Трудно сказать, что она начала раньше: танцевать или ходить. В семье Зерновых, известных эстрадных артистов, танцевали все: мама, папа, дяди, тети, двоюродные братья... Поэтому поступление в хореографическое училище ГАБТа, выбор профессии был предопределен.

По окончании училища Алла Зернова была приглашена в Государственный академический хореографический ансамбль «Березка» под руководством народной артистки СССР Надежды Надеждиной. Несмотря на то, что в училище Алла много занималась народным танцем, настоящую любовь и понимание этого жанра она получила именно в ансамбле.

Алла Зернова и Борис Новиков.

И все же ее не оставляла мысль о самостоятельном номере... Вскоре она становится солисткой балета Москонцерта, а через некоторое время на эстраде появился дуэт: Алла Зернова и Борис Новиков.

Молодых танцоров отличают хорошая профессиональная подготовка, темперамент, ярко выраженная тяга к характерности, прекрасные внешние данные. Новиков тоже прошел школу ансамбля «Березка», где был ведущим солистом.

За время своего творческого содружества артисты создали ряд интересных характерных и лирических танцевальных номеров. Стоит вспомнить полные юмора сценки «Мария Магдалена» и «Свидание», лирическую миниатюру «Старинный романс».

Но особое место в репертуаре Зерновой и Новикова занимают танцы, носящие ярко выраженный народный характер. Это «Дуняша», «Коробейники», «Деревенское танго».

К 40-летию Великой Победы артисты подготовили на музыку Ю. Антонова хореографический номер, который назвали «Память сердца».

В репертуаре Зерновой и Новикова всегда присутствует желание насытить хореографию идейным смыслом. И не случайно с этой танцевальной парой охотно работают ведущие балетмейстеры нашей эстрады: В. Манохин, С. Станов, Г. Захаров, В. Папко, Д. Плоткин, Г. Малхасянц...

Хореографический язык танцоров понятен зрителям многих стран мира. Их видели на сценах ГДР, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Италии, Испании, Швейцарии, США, Франции, Индии, Японии... С группой советских артистов они побывали во многих горячих точках планеты — в Чили, Афганистане, Никарагуа, Анголе...

Как правило, эстрадный танец мы видим в концерте отдельным номером. Но мастерство Аллы Зерновой и Бориса Новикова, интересный, разнообразный репертуар позволяют сегодня говорить о возможности создания небольшого хореографического спектакля, где раскроется многогранность их таланта.

Ольга **ВЕЛИКАНОВА**

природа — наш дом

Возвратившись в Улан-Батор из очередной поездки по Монголии, я обнаружил на письменном столе записку: «К сожалению, не смог Вас дождаться. Сроки моей поездки изменились, поэтому предлагаю встретиться в Гоби, а точнее в Эхийн-голе — столице плодов и овощей посреди пустыни. Рассчитывайте дней на десять, не меньше... В. Решетов».

Евгений **БОЛОТИН**

В Эхийн-голе, что за тысячи пустынных километров от Улан-Батора, мы присоединились к экспедиции. Всматриваясь в лица палеонтологов, я старался разглядеть в них нечто особенное. И тут же поймал себя на мысли, что именно так, с повышенным любопытством, смотрели здесь на легендарных участников экспедиций в Центральную Азию — Пржевальского, Потанина, Обручева, Козлова, Рериха, называя их ян-гуйцзе — заморскими демонами.

Ничего демонического в лицах моих новых знакомых не было, если не считать густого гобийского загара да облупленных носов и лбов. Особенно пострадал нос белолицего в московской жизни Валерия Юрьевича Решетова — заместителя начальника монголо-советской палеонтологической экспедиции.

Загрузив в машины ящики с помидорами, огурцами, перцем, мешки с дынями и арбузами, мы с экспедицией углубились в барханы, поросшие белым, похожим на выжженную солнцем кость, саксаулом. Среди песков и черного гравия Заалтайской Гоби как-то уже не верилось в реальное существование оазиса с двенадцатью родниками, образующими бессточную речушку Эхийн-гол. Он теперь представлялся миражем, который постоянно сопровождает путников в жаркий день на гобийских просторах.

Так началась моя динозавровая эпопея.

Преодолевая тяжелые пески сайра — сухого широкого русла,— мы подъехали к небольшой нише. На горизонте бродили многочисленные смерчи — грозные догшин ху, не предвещавшие ничего хорошего.

Но Решетов знал, что делает, разбивая здесь, среди занесенных песком останцев, лагерь. Останцы были не чем иным, как обнаженными меловыми отложе-

В гос

ниями мезозойской эры, то есть «горизонтами жизни динозавров». Один из них — шестиметровый панцирный анкилозавр — вот уже 60—70 миллионов лет в целости и сохранности покоился у подножия ближайшего от нас останца. Скелет его пропитали специальным раствором, накрыли брезентом и присыпали землей вперемешку с камнями. «Законсервированный» динозавр ждет своего часа, когда удастся вывезти его отсюда и выставить в Палеонтологическом зале Центрального музея МНР.

Анкилозавр — этот живой танк с толстыми костяными плитами брони весом в несколько тонн — был не единственной находкой в здешних местах. Кстати, первенство открытия местонахождения Ногонцав принадлежит не палеонтологам, а местному арату-верблюдоводу Багве, который в шестидесятых годах был проводником монгольских и советских «охотников за динозаврами» в Заалтайской Гоби.

Первой моей палеонтологической находкой оказался окаменелый обломок щитка какой-то черепахи. Мой новый друг Батульдзийн Намсрай тут же определил: черепаха обитала в воде, разумеется, десятки миллионов лет назад. Б. Намсрай, главный препаратор монголо-советской палеонтологической экспедиции, не только тонкий мастер своего дела, но и почти непревзойденный поисковик. В свои 69 лет он не ходил — почти бегал. Ему принадлежит честь открытия многих крупных местонахождений рептилий и млекопитающих. Одно из неизвестных ранее науке экзотических животных далеких геологических эпох вошло в научную литературу под его именем.

Он же, пока я радовался своей единственной находке, поднял прямо с поверхности множество окаменелых костей, мимо которых я прошел, не заметив. Выжженные солнцем, обмытые дождями, отполированные песчаными бурями, они были такими же серыми, как и все вокруг.

В Гоби приходится привыкать к необычным краскам окружающего мира, к причудливым формам облаков и гор — то строго геометрическим, то будто изваянным гениальным скульптором с необузданным потоком фантазии, к неземным рельефам впадин, котловин, сайров. Сказать откровенно, я с недоверием относился к гобийским пейзажам Николая Рериха, пока не приехал в Монголию. Так, скажем, начинаешь понимать Мартироса Сарьяна, побывав в Армении, а Рокуэлла Кента—в высоких широтах. Традиционная китайская живопись «гохуа», как и «монголзураг», останется за семью печатями, если не доведется бывать в этих странах.

Перемешав на палитре одиноких облаков весь спектр красок, солнце уходило на покой, надолго оставив после себя по западному горизонту тонкую золотую кайму. Уставшие за день палеонтологи разошлись спать. Мне установили раскладушку под звездным шатром неподалеку от ложа панцирного динозавра. Такое соседство с вечностью настраивало на раздумчивый лад.

В последнее время в мире вновь вспыхнул повышенный интерес к динозаврам, и не только среди ученых. Просвещенная публика хочет знать причину их якобы внезапной массовой гибели на границе меловой и третичной эпох. Ей хочется, чтобы этой причиной непременно было какое-то космическое явление, например, столкновение Земли с астероидом. Появился ряд гипотез, одна фантастичнее другой. В связи с обнаружением в осадочных породах Земли, относящихся к рубежу между меловым и палеогеновым периодами, повышенной концентрации редкоземельного иридия и изотопов осмия, характерной для космических тел, выдвигается теория строго повторяющихся через каждые 26 миллионов лет циклов резкой смены биоценоза. Американские ученые высчитали, что именно через такие промежутки времени звезда Немезида (в древнегреческой мифологии — богиня возмездия) проходит через скопления астероидов и «сбивает» их на планеты Солнечной системы. Но почему тогда динозавры «выдержали» пять таких циклов, почему не пострадали другие животные, скажем, млекопитающие, а, напротив, стали быстро занимать освобождающиеся от динозавров ниши жизнеобитания? Между прочим, следующее прохождение Немезиды через пояс астероидов произойдет через... 18 миллионов лет!

Академик Л. П. Татаринов, с которым я встречался в Улан-Баторе, как и другие видные советские палеонтологи, скептически относится к такого рода гипотезам. Отнюдь не отрицая многих, еще не объясненных наукой явлений в эволюции живого на Земле, особенно на рубеже древних и кембрийской эпох, они считают, что пока никому не удалось поколебать прочных основ теории Чарлза Роберта Дарвина.

«Катастрофа», вызвавшая вымирание динозавров, произошла не вдруг, не единовременно, а длилась в течение многих миллионов лет и в результате не космических, а вполне земных причин — активных геологических процессов, горообразования, отступления океана, изменения климата.

К сожалению, человек никогда не видел живых динозавров и целый сонм других экзотических животных. Он и сейчас находится в младенческом возрасте, насчитывающем каких-то два миллиона лет. Но за его спиной неисчислимые поколения существ, исчезнувших с лика Земли. Огромные горы биомассы бессмысленной, нерассуждающей жизни. За 600—700 миллионов лет Земля выстрадала человека, принеся в жертву ради этой цели миллиарды и миллиарды жизней...

Такие или примерно такие мысли донимали меня под звездным шатром Южной Гоби, рядом с Зеленым обрывом, в котором покоился миллионолетний анкилозавр.

Я так его и не увидел. Наутро наша колонна из трех машин взяла курс на восток в сторону Наран-Булака — «солнечного ключа». Все те же вязкие пески и вспученные глины сайра, ослепительно сверкающие россыпи черных от гобийского «загара» халцедонов на идеально ровных плато, дэрисовые кочкарники, заросли саксаула.

В Наран-Булак приехали где-то в полдень. Быстро разбили лагерь на широком зеленом уступе. С севера его прикрывала стена невысокой гряды холмов, а на юге он круто обрывался в Нэмэгэтинскую котловину, протянувшуюся с запада на восток на десятки километров. Стоя на краю обрыва, мы с В. Ю. Решетовым и старшим научным сотрудником экспедиции Дэмбэрэлийн Дашзэвэгом рассматривали в бинокль зубчатую горную цепь Нэмэгэту, расположенную по ту сторону котловины. Именно там произошли сенсационные открытия первой советской палеонтологической экспедиции в 1946—1949 годах под руководством И. А. Ефремова. Где-то там, в районе Алтан-улы — Золотой горы,— расположена и знаменитая Могила дракона, обнаруженная шофером ефремовской экспедиции Василием Ивановичем Прониным, бывшим фронтовиком, живущим ныне в Москве. Отсюда до крупнейшего в Монголии местонахождения останков динозавров рукой подать.

Вот где я воочию увидел огромные кости ископаемых рептилий. Здесь не надо было бегать по холмам и распадкам в поисках свидетельств далеких эпох. Тут и там они валялись под ногами, чуть присыпанные песком. Я поднимал с земли позвонки весом в несколько килограммов, фаланги пальцев, другие кости, усеянные сеткой мельчайших трещин. Если быть точным, то я поднимал камни, а не кости. За десятки миллионов лет произошло замещение органической ткани минеральными солями, в данном случае—железистыми. Но что удивительно, форма этих каменных костей сохранилась в первозданном виде. Были здесь и более крупные части скелетов, поднять которые одному человеку просто не под силу.

Нещадно палило стоящее в зените солнце. Пока я бродил среди скопища костей, В. Ю. Решетов с молодым лаборантом Володей Алифановым в поте лица раскапывали законсервированный скелет гигантского тарбозавра. Он лежал на левом боку, поджав многометровые задние конечности и откинув назад огромную — не менее метра в длину — голову. В широко раскрытой пасти хищника торчали невероятной величины зубы. С внутренней стороны они были покрыты острыми насечками. Интересно, что эти гигантские рептилии не нуждались в стоматологах. Рост зубов у них шел беспрерывно в течение всей жизни по мере их стирания.

Рассказывают, однажды к палеонтологам на раскопки приехала киносъемочная группа. По замыслу создателей будущего фильма, героиня попадает в пасть к дракону. Девушка, одетая в бикини, должна была в этот момент улыбаться, но, как говорят свидетели съемок, актриса нервничала и вместо улыбки изобразила лишь ее жалкое подобие.

По себе скажу, первое мое знакомство с огромным кладбищем динозавров отнюдь не способствовало душевному комфорту. Целые горы останков древней жизни среди выжженных солнцем серых холмов вызывали если не панический ужас, то нечто близкое к этому. Наверное, я поспешил бы прочь от этого места, если бы рядом не было ученых.

С динозавром возились долго: приклеили отвалившийся зуб, голову облили из канистры какой-то коричневой жидкостью, накрыли брезентом и вновь присыпали землей.

— По инициативе руководителей экспедиции, в частности ее начальника с монгольской стороны Р. Барсболда, поставлен вопрос о строительстве в Бугийн-Цаве павильона, чтобы можно было выставить скелеты различных динозавров,— рассказывал В. Ю. Решетов.— Есть планы открыть к этим местам туристский авиационный маршрут...

На краю Нэмэгэтинской котловины мы прожили несколько дней, совершая дальние и ближние поездки к местам захоронения древних животных. Вечерами при свете переносного фонаря от одной из машин я слушал рассказы о палеонтологических сокровищах Гоби. Пожалуй, ни одно местонахождение ископаемых животных на Земле не может сравниться с районами Центральной Азии. Почти за сто лет, прошедших с того момента, когда В. А. Обручев впервые обнаружил здесь зуб древнего непарнокопытного — бронтотерия, десятки выдающихся русских исследователей, американская комплексная, монголо-польская, первая советская экспедиции проложили множество маршрутов к древним обнажениям осадочных пород. Наибольший успех сопутствовал И. А. Ефремову и его товарищам. Они открыли богатейшие сокровища Нэмэгэтинской котловины.

Созданная более 15 лет назад совместная монголо-советская палеонтологическая экспедиция использовала богатый опыт своих предшественников. Она расширила и систематизировала исследования как в пространстве, так и во времени. Укомплектованная квалифицированными кадрами, оснащенная современной техникой, она за 15 лет открыла около 150 местонахождений древних фауны и флоры и среди них десятки уникальных. В районе Олгуй-Улан-Цава к северу от Далан-Дазадагада обнаружены сотни, тысячи яиц различных динозавров, целые кладки до 30 яиц в каждой. Поистине сенсацией стало открытие расколотых яиц с эмбрионами гигантских рептилий, а также захоронений летающих ящеров. По выражению начальника монгольской части экспедиции доктора наук Р. Барсболда, «монгольский палеонтологический материал крутится теперь во всем мире».

Улан-Батор — Гоби.

ти к динозаврам

А ХОЗЯИНА НЕТ...

Как альпинист с большим стажем, своими глазами видел и вижу то, о чем пишет Ю. Макунин в статье «Беззащитные великаны» («Огонек» № 11, 1985 г.): «Первозданная, экзотическая красота высокогорья все чаще обезображивается грубым прикосновением к ней равнодушных рук человеческих. Обидчиков гор меньше, чем их защитников. Но ущерб от обидчиков очевиднее, нежели заступничество энтузиастов».

Система охраны природы высокогорья на сегодня практически отсутствует. Управление альпинизма, Всесоюзный совет ДСО профсоюзов, Центральный совет по туризму и экскурсиям, международный альпинистский лагерь, многочисленные спортивные, туристические базы отдыха в горах, горнолыжные центры не выделяют средств на охрану гор, не соблюдают правил поведения в них. К чему это приводит, можно видеть на примере наиболее посещаемых мест: засорены и захламлены горы и ущелья Баксана, Домбая, Цея, многие вершины Киргизии, Казахстана.

Хотелось бы, чтобы статья не осталась только интересной публикацией в защиту природы. Пока какое-то участие в охране гор пытается принять только Федерация альпинизма СССР. А это, как известно, организация общественная. Вот и выходит, что хозяев в горах много, а хозяина по-прежнему нет.

В. ОРЕШКО,
инструктор альпинизма

Москва.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

КТО ПРИНЯЛ ЗАКАЗ?

В четвертом номере «Огонька» (1985 год) напечатана статья «Человек у телефона». В ней, на мой взгляд, затронут весьма злободневный вопрос — об ответственности лиц, получающих информацию по телефону. Часто от этих работников зависит очень многое в четкости исполнения заказа.

Наше объединение «Ростекстильторг» имеет договорные обязательства с краснодарской городской товарной станцией, которая своим автотранспортом обеспечивает нам доставку контейнеров с товарами.

Все предприятия железнодорожного транспорта, грузоотправители и грузополучатели одинаково заинтересованы в максимальной экономии транспортных издержек, рациональном использовании подвижного состава, сокращении простоев контейнеров и вагонов под погрузкой. Простои приводят к штрафам, отрицательно сказываются на финансовом состоянии предприятий, пользующихся услугами товарной станции.

Однако как ни стараемся, но наше объединение не может добиться своевременного вывоза загруженных и освобожденных контейнеров. Одна из причин — халатное отношение к выполнению служебных обязанностей работников товарной станции. Практически дозвониться дежурному по телефону 2-24-48 невозможно. Трубку редко кто поднимает, а если, наконец, удается это сделать и передать сообщение, то получить ответ на вопрос, кто принял заказ, еще труднее. Фамилии, как правило, никто не называет. Подобные телефонные разговоры приводят к тому, что объединение не имеет оснований оспаривать предъявляемые штрафные санкции.

Пора Министерству путей сообщения СССР упорядочить службу взаимной информации с грузополучателями и при ее нарушении нести ответственность за простой контейнеров.

П. ХАБАРОВ,
директор «Ростекстильторга»

Краснодар.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

ТОРГ ДРУЖБЫ НЕ ЗНАЕТ

Так назывался экономический репортаж К. Барыкина («Огонек» № 35, 1984 год). Автор писал, в частности, о том, что многие товары, еще недавно дефицитные, сегодня залеживаются на полках магазинов. Но не только потому, что рынок насыщен теми или иными изделиями. Немало поделок скороспелых, невысокого качества — кто их купит? Ассортиментные программы некоторых промышленных предприятий сейчас претерпевают изменения: на смену устаревшим товарам приходят новые, более совершенные, соответствующие современным требованиям. Тем более недопустимо, когда с чьей-то нелегкой руки вдруг появляются вещи никчемные. В частности, специалисты объединения «Союзоргтехника» предложили новинку — в переднюю панель пишущей машинки вмонтировали... часы. Об этом нелепом симбиозе в репортаже говорилось: «...в плохую, но все же покупаемую машинку вставили точные, но некрасивые, а отсюда и неходовые часы».

В ответ на публикацию главный инженер «Союзоргтехники» Э. Г. Орлов сообщил редакции: сейчас объединение предпринимает меры для усовершенствования конструкции и улучшения качества пишущих машин. На заводе в Уфе, выпускающем пишущие машинки «Башкирия», проведены испытания опытных образцов, показавшие, что машинка «Башкирия» соответствует уровню лучших машин этого класса. Рассмотрены возможности улучшения внешнего вида машины. В Министерстве приборостроения, средств автоматизации и систем управления разработаны и поставлены на производство новые пишущие машины «Любава», «Ивица», на одном из заводов другой отрасли организуется производство машин «Листвица». Выпуск пишущих машин со встроенными часами признан нецелесообразным, заявляет главный инженер. Но...

Но уже после получения этого письма в опубликованном газетой «Советская торговля» интервью говорилось, что Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления (в которое входит и объединение «Союзоргтехника») предполагает начать выпуск пишущих машин с... встроенными в них часами.

ЮМОР

Рисунки В. ВЛАДОВА

КАФЕ. Требуются: напитки, компоты, квасы, варенья, джемы, соки. Плодово-ягодное. Сок.

— К нам не возьмем: упорядочиваем штат.

— Что это там упало!

— Дисциплина.

ОТДЕЛ КАДРОВ

— Такие «узкие специалисты» нам не нужны.

Трудовая книжка

Упрятал...

ВИНО. Штраф. Арест на 15 суток. Принудительное лечение.

— Для злоупотребляющих — большой ассортимент.

ФРАЗЫ

Камень за пазухой был его единственной фамильной реликвией.
М. ЛЕМПЕРТ, Новочеркасск

Я встретил Вас. И все...
Н. АВТОМОНОВА, Калининград

Масштаб мышления: не влезает ни в какие рамки.

Бытовая травма: попал под башмак.
Боится ли дело мастера, если он пьяный?
Н. НИКИТИН, Москва

Пожирал всех глазами, а сам от этого только худел.
Г. МОЛОДЦОВ, Волжский

Ненужное дарят ненужным.
В. ВОРОНЦОВ, Тольятти

Человек может отказать себе во всем, кроме ума.
А. ЩУРОВ, Одесса

«Я стремилась к цели»,— оправдывалась пуля.

Глупость хороша тем, что на нее делают скидку.
А. БРЕЙТЕР, Москва

Лесть — это когда начальнику говорят то, что думают о себе.
В. БУГОВ, Одесса

Дурные премьеры заразительны.
Е. ВАДИМОВА, Москва

ВЗГЛЯД ТИГРА

— Сижу в цирке. Разумеется, на своем месте. Билет сохраняю до предъявления. Не курю, не сорю. Смотрю аттракцион с тиграми. Вдруг один тигр морду задрал, в публике глазами пошарил и прямо на меня уставился! Во все глаза изучает. Глаза большие, желтые... Бр-р. Мороз по коже. Чего тебе от честного человека надо? Зверь. Что я, в глаза бросаюсь? Дудки! Галстук не куда-нибудь, на шею надел, а брюки на ноги. На ногах носочки, в туфлях шнурочки. Все по правилам. Читаю и перевожу со словарем. Не был, не имел, не получал, не привлекался. Пользуюсь услугами Аэрофлота и уважением среди товарищей. Разве я виноват, что мой сосед спекулянт? Сам я не жулик. Звезд с неба не хватаю. Уверен, а все равно не обгоняю. Чего тебе, людоед, надо? Смотри, уж весь цирк оглядывается. Им, вишь, интересно, куда это тигр глядит. А он на меня глядит... А чего на меня глядеть? А? За что тебя мясом кормят, скотина? Чтобы ты на всех пальцем тыкал?.. А может, это все Кулебякин подстроил? Он ведь у нас хохмач, только с виду тихим прикидывается. Год назад чужие бигуди в мой карман подбросил. Жена скандал закатила. И теща у него в зоосаде работает, тигров кормит. Может, он по блату в шкуру влез и сейчас выкаблучивается?! Эх, люди! Да что же такое творится? Живу — никого не трогаю, ничем не выделяюсь, никуда нос не сую, а он на меня бочку катит. Да чем же я не гляжусь? Вклады храню в сберкассе! По газонам не хожу! Спички от детей всю жизнь прячу! Регламент соблюдаю... Всегда правой стороны держусь... На фотокарточку в паспорте как две капли воды похож! Так за что ж ты глаз на меня положил, животное?

И-и-и-и-и! Вспомнил! Вчера это было, ветерок такой тихий дул, нежный, ласковый, женскими духами веял, а я, ой-ой-ой, я ж против ветра плюнул, а потом этот самый сук, на котором сижу, рубить топориком начал... а на той неделе, бр-р, сказал «гоп» и не перепрыгнул... Пронюхали, зверье, обложили. Ну чего глядишь, хищник, иду, иду, людоед...

На, жуй мою голову!

А. КОРОЛЕВ

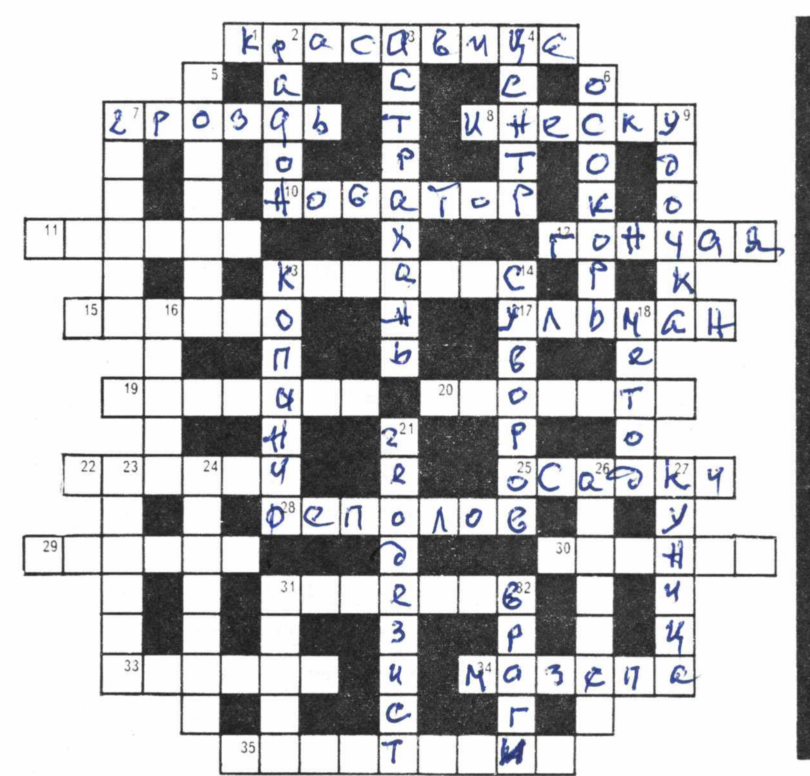
ЛЕДЯНАЯ ГЛЫБА

Виктор МЕНЬШИКОВ

Вцепившись мертвой хваткою
в карниз,
Над улицей ледовый клин
завис.
Смотрели люди вверх пугливо
И прочь бежали торопливо.
И глыба про себя решила,
Что обладает тайной силой.
Но власть ее недолго
длилась —
С восходом глыба растопилась.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Стихотворение А. С. Пушкина. 7. Кисть ягод. 8. Румынский композитор. 10. Работник, осуществляющий прогрессивные принципы, приемы в своем труде. 11. Картина народного художника СССР А. А. Пластова. 12. Охотничья собака. 13. Испанский виолончелист, дирижер, борец за мир. 15. Низкий бас. 17. Шахматист ГДР, международный гроссмейстер. 19. Прибор для измерения горизонтальных углов. 20. Город на юге Румынии. 22. Картина художника-передвижника А. Е. Архипова. 25. Атмосферная влага в виде дождя, снега. 28. Певчая птица. 29. Тихоокеанский лосось. 30. Лекарственное растение семейства лютиковых. 31. Приток Днепра. 33. Музыкальный интервал. 34. Опера П. И. Чайковского на сюжет поэмы А. С. Пушкина. 35. Отсрочка исполнения обязательств, устанавливаемая правительством.

По вертикали: 2. Химический элемент, инертный газ. 3. Порт в дельте Волги. 4. Середина. 5. Жгут из волокон, полуфабрикат прядильного производства. 6. Разновидность тополя. 7. Река в Непале и Индии. 9. Рыболовная снасть. 13. Фортификационное оборонительное сооружение. 14. Русский полководец. 16. Духовой музыкальный инструмент. 18. Способ исследования или практического осуществления. 21. Специалист по измерению земельных площадей. 23. Механизм для изменения движения машины на обратное направление. 24. Птица семейства вьюрковых. 26. Советский скульптор, автор Ленинианы. 27. Пушной зверек. 31. Надстрочный знак в старинной письменности. 32. Пьеса М. Горького.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 3. Заповедник. 8. Миксер. 9. «Радуга». 12. Рекорд. 13. Неон. 14. Апулей. 15. Кваренги. 18. Халва. 19. Гарин. 20. Рустам. 21. Канал. 23. Артек. 25. Открытка. 29. Какаду. 30. «Аида». 31. Арагви. 32. Аспект. 33. Значок. 34. Библиотека.

По вертикали: 1. Рассудок. 2. «Кирджали». 4. Огранка. 5. Доронин. 6. Миронов. 7. Игрушка. 10. «Непсабадшаг». 11. Лесничество. 16. Ворот. 17. Гамак. 22. Ангарск. 24. Русанов. 25. Осушение. 26. Квартал. 27. Транзит. 28. Атабаска.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Семья Сергея Моисеева встречает лето. (См. в номере репортаж «Самый молодой»).

Фото **А. БОЧИНИНА**

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. С. Пушкин. Акварель П. Ф. Соколова * Церковь Большого Вознесения в Москве, где венчались А. С. Пушкин и Н. Н. Гончарова * В этом доме на Арбате откроется мемориальный музей-квартира поэта * Н. Н. Пушкина. Акварель А. П. Брюллова. (См. в номере материалы, посвященные дню рождения Пушкина).

Фото **И. ТУНКЕЛЯ**

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 20.05.85. Подписано к печати 04.06.85. А 04586. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1564. Заказ № 678.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Мария Петровна Шолохова принимает гостей.

На земле Михаила Шолохова

Фото А. МАСЛОВА

Восьмидесятилетие великого русского советского писателя Михаила Александровича Шолохова широко отмечалось на донской земле, где долгие годы он жил и работал.

В Ростове-на-Дону состоялась творческая конференция «Творчество М. А. Шолохова — знамя социалистического реализма». Доклад «М. А. Шолохов — наш современник» сделал секретарь Ростовского обкома КПСС В. Т. Суслин.

В работе конференции приняли участие прибывшие на празднование юбилея писатели Р. Ахматова, А. Калинин, П. Проскурин, А. Софронов, И. Стаднюк, В. Фирсов, ректор Ростовского государственного университета Ю. Жданов, заместитель директора ИМЛИ имени М. Горького П. Палиевский, доктора филологических наук Ф. Бирюков, К. Прийма, А. Хватов, звеньевая колхоза «Путь Ленина» Песчанокопского района Ростовской области, Герой Социалистического Труда Н. Переверзева и другие.

Торжественное собрание и Шолоховские чтения прошли в станице Вешенской. В них участвовали писатели, ученые, земляки автора «Тихого Дона», сотрудники музея-заповедника М. А. Шолохова.

В дни юбилея классика советской литературы в Вешенской состоялось открытие Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. Его директор Н. А. Булавин и сотрудники музея-заповедника встретили первых посетителей экспозиции, развернутой в отреставрированном здании бывшей гимназии, где когда-то учился Шолохов: членов его семьи, гостей из Москвы, Ленинграда, Ростова, земляков писателя.

Митинг перед открытием Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова в станице Вешенской.

В залах музея М. А. Шолохова.

Литературовед П. Палиевский (в центре) и писатель В. Фролов (крайний справа) во время встречи писателей с работниками завода «Ростсельмаш».

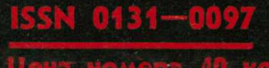

Мария Михайловна Шолохова с внучкой Машей.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

